ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 39 СЕНТЯБРЬ 1988

РЕТРОФОТОВЕРНИСАЖ ДМИТРИЯ БАЛЬТЕРМАНЦА

АЛКОГОЛЬ В ПОДПОЛЬЕ

К ТВАРДОВСКОМУ НА СМОЛЕНЩИНУ

ХОРЕЗМ — СОВРЕМЕННИК ВЕЧНОСТИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 39 (3192)

24 СЕНТЯБРЯ—1 ОКТЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Хива. (См. в номере материал «Хива: от прошлого к будущему».)

Фото Николая КОЗЛОВСКОГО

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70

Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 05.09.88. Подписано к печати 20.09.88. А 10406. Формат 70 × 108¼. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 800 000 экз. Заказ № 2966.

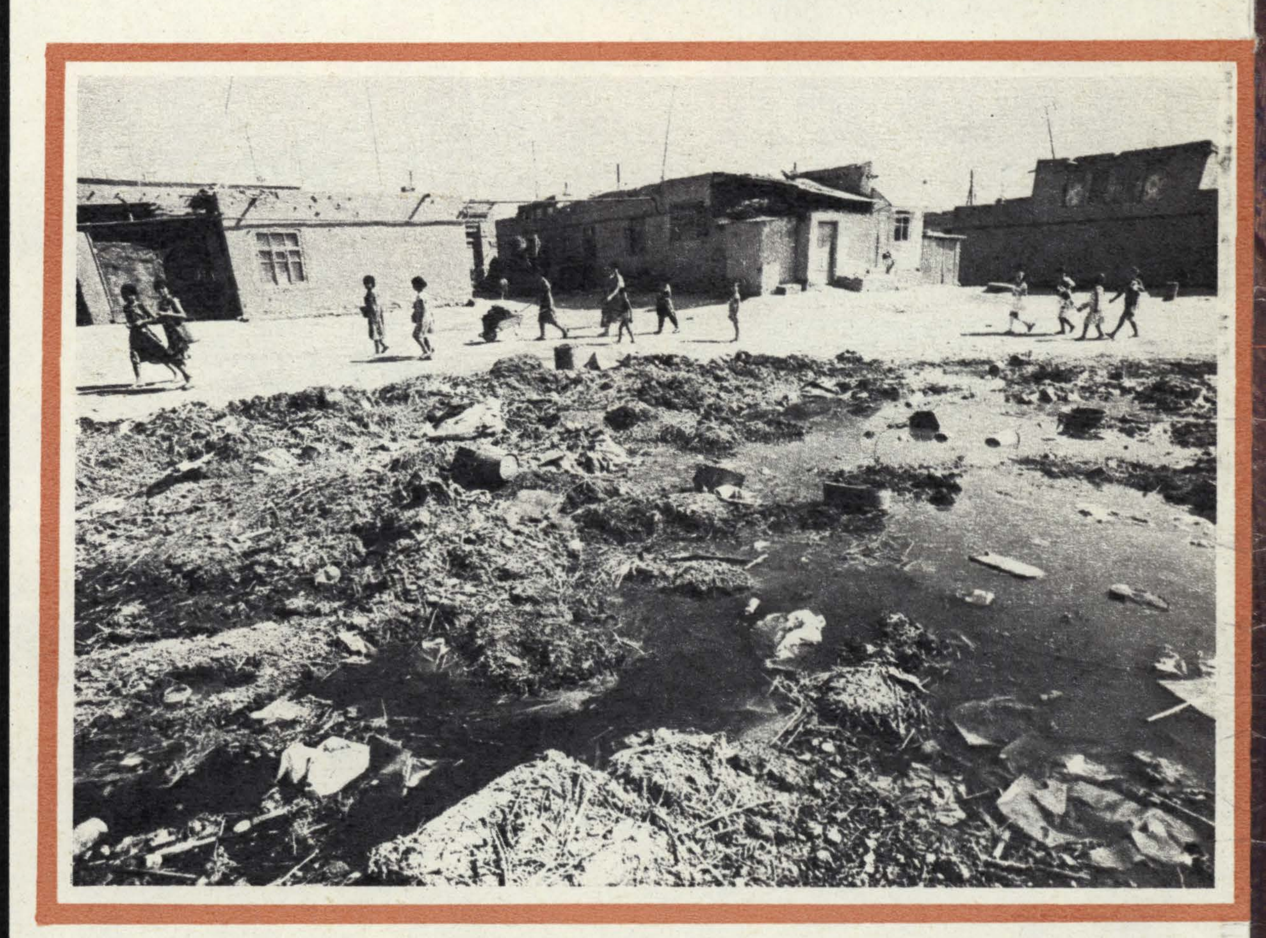
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ХИВА: ОТ ПРОШЛ

115 ЛЕТ НАЗАД ХИВА ВОШЛА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, СОХРАНИВ ВЛАСТЬ ХАНОВ. БУРЯ РЕВОЛЮЦИИ СМЕЛА ХАНСКИЙ РЕЖИМ, ВОЗРОДИЛА ДРЕВНЕЕ ИМЯ ОАЗИСА — ХОРЕЗМ; С 1920-го ПО 1924 ГОД СУЩЕСТВОВАЛА ХОРЕЗМСКАЯ СОВЕТСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА, НАГРАДИВШАЯ ЛЕНИНА, ЧИЧЕРИНА И КАЛИНИНА ОРДЕНАМИ ТРУДА ХОРЕЗМА.

ВТОРОЙ МЕККОЙ НАЗЫВАЮТ ХИВУ ПРАВОВЕРНЫЕ МУСУЛЬМАНЕ. ЕЕ МАВЗОЛЕИ, МИНАРЕТЫ, МЕДРЕСЕ И МЕЧЕТИ ИЗУМЛЯЮТ ЧЕЛОВЕКА XX ВЕКА. ЧУДО ХИВЫ ДОШЛО ДО НАС ИЗ БИБЛЕЙСКОЙ ДРЕВНОСТИ: ПО ЛЕГЕНДЕ, ЕЕ ОСНОВАЛ СИМ, СЫН НОЯ.

Эдмунд ИОДКОВСКИЙ, Николай КОЗЛОВСКИЙ, Марк ШТЕЙНБОК (фото), специальные корреспонденты «Огонька»

АЛГЕБРА С АРИФМЕТИКОЙ

Кто бы мог предположить, что спустя много веков после своей смерти миллионы долларов принесет Хиве один из ее сыновей?

Школьники Хивы знают, что Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми (783—850) был великим математиком: подарил миру «алджабр» — алгебру и «алхорезм» — алгоритм.

Минуло двенадцать веков. Как-то один австрийский профессор математики, знаток ал-Хорезми, вспомнил, что скоро стукнет 1200 лет со дня рождения коллеги: юбилей! И у нас, и во всем мире он отмечался под эгидой ЮНЕСКО. Чопорная делегация прикатила в Хиву.

«Так-так, а сохранился ли у вас дворец хивинских ханов?»— спрашивали заграничные гости, которым привычен европейский комфорт, но притягательна и азиатская экзотика.

Европейцев принимали с помпой. Мой гид вспоминает: «Показываю им Куня-Арк. Европейцы изумляются. Льются-переливаются инкрустированные стены, играют всеми цветами радуги. Угощаем именитых гостей знаменитыми хорезмскими дынями и арбузами. После дынно-арбузного угощения кое-кому хочется осмотреть и местные удобства. Тут — легкое замешательство среди хозяев: ну что ты будешь делать, нет у горсовета средств для благоустройства и оборудования шикарных туалетов, ведь наша Хива — это всего-навсего районный центр!.. Естественно, мировая общественность шокирована некоторыми неудобствами на родине гения. Математик-австриец говорит: «О, ссуда вам нужна! Если точнее — лепта!»

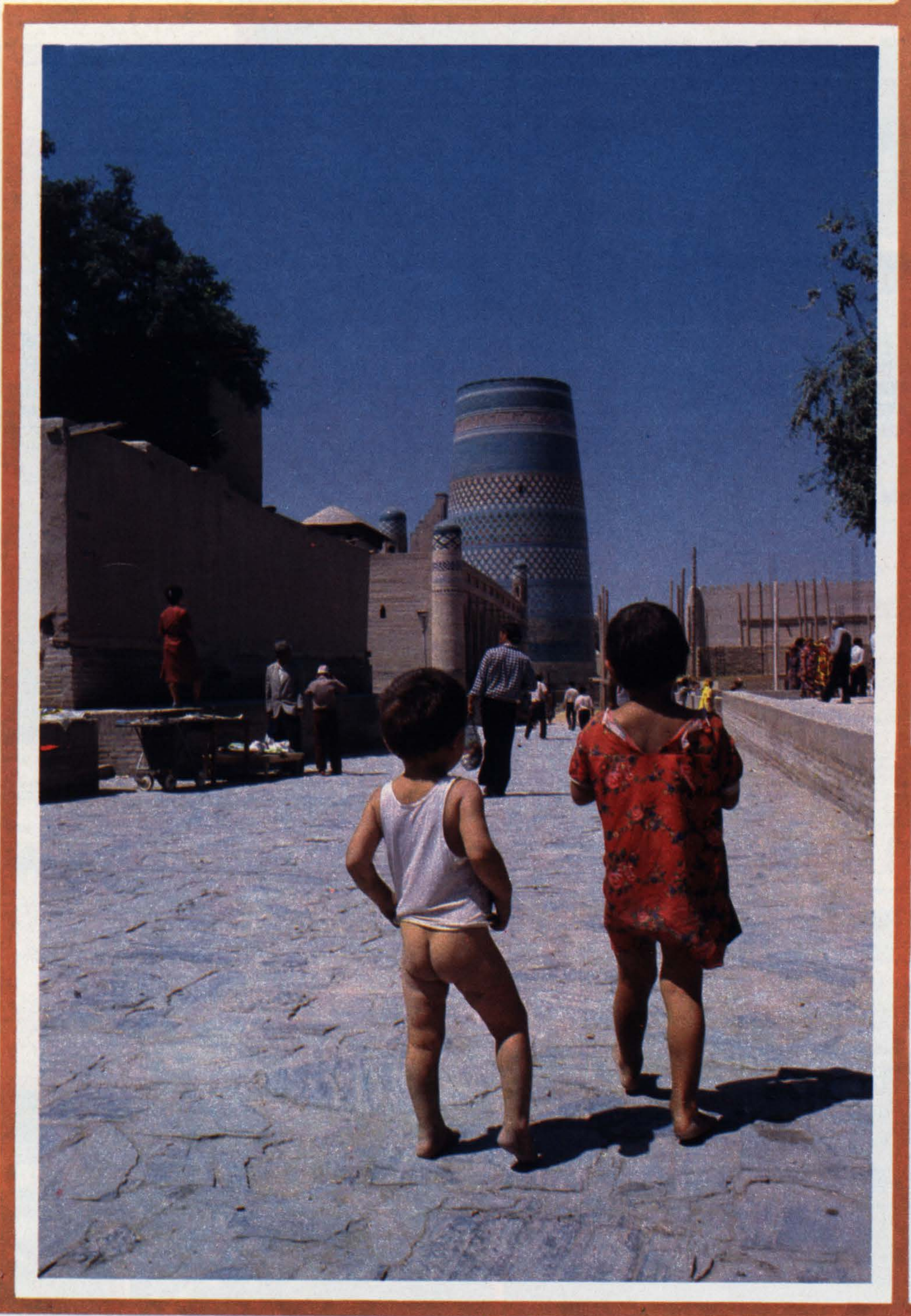
Лепта никогда не помешает. Удивительно, но с легкой руки австрийца и его супруги ЮНЕСКО выделяет горсовету Хивы безвозвратную ссуду в два миллиона долларов. Подарок для городского бюджета прямо ханский. Львиную долю пустили на канализацию. Интуристовскую гостиницу заложили. Третий год строят, второй этаж возвели! Скромную часть денег выделили на реставрацию. И весь остаток вбухали в величественный памятник ал-Хорезми в Ургенче...

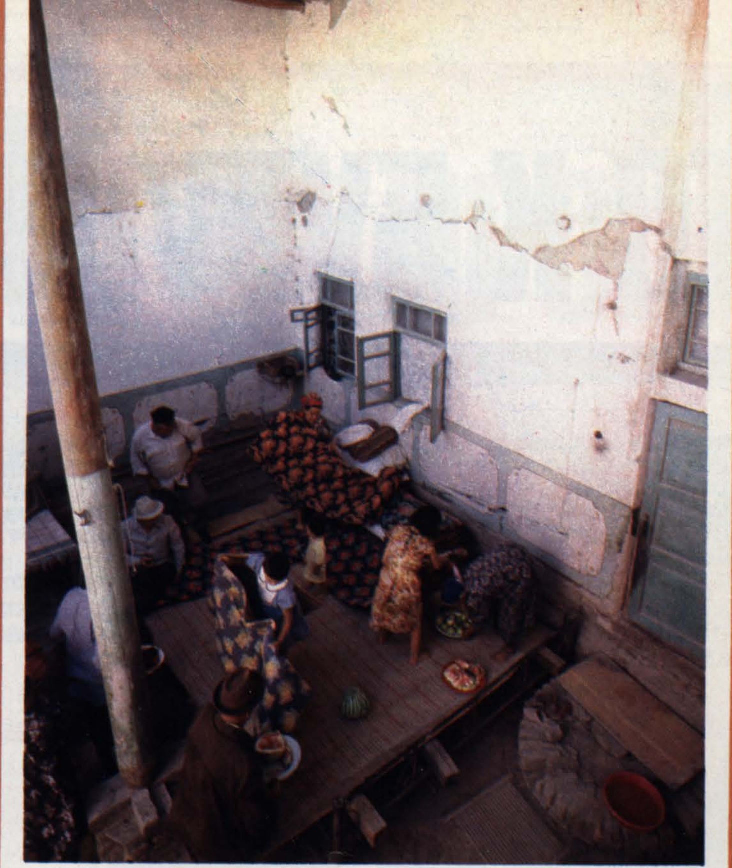
«Честь и слава ал-Хорезми, которому я посвятил жизнь!»— даже прослезился на открытии памятника австрийский профессор. Ему-то рукоплескали от души...

Вот так, с помощью ал-Хорезми, и Хива движется к цивилизации. Что меня поразило больше всего — так это

Рывок из феодализма, начатый в 20-е годы, оказался сложнее, чем представлялось энтузиастам. Оазис с миллионным населением зажат клещами двух пустынь — Каракумов и Кызылкумов. Годы шли — и, подобно пескам, в течение десятилетий надвигались на Хорезм проблемы: экономические, социальные, экологические...

15

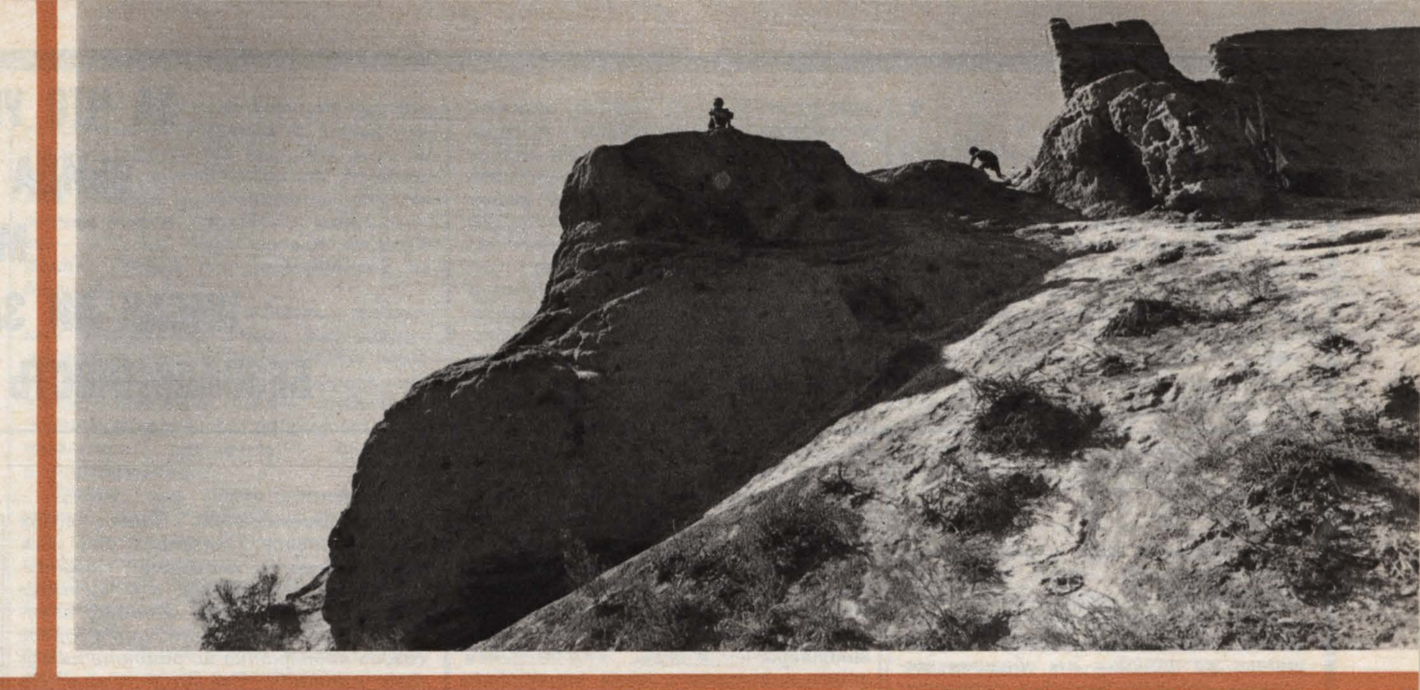

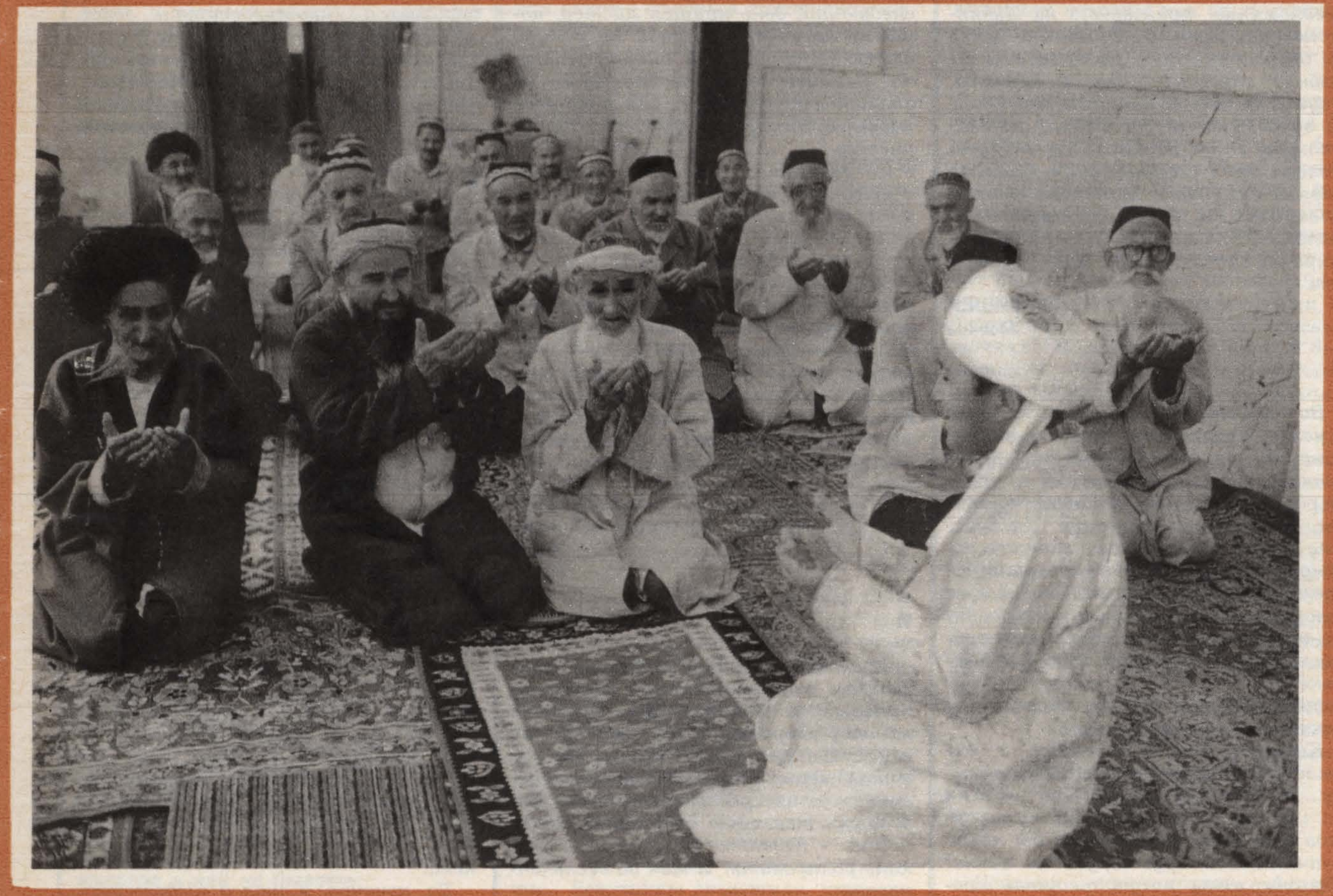
тот факт, что до 1970 года Хива почему-то считалась запретной зоной для иностранных туристов: кто-то, видимо, опасался паломничества к таким мусульманским святыням, как мавзолей Пахлавана Махмуда.

Уже лет двадцать, как Хива объявлена городом-заповедником, но это мало что изменило в ее судьбе. Лепта ЮНЕСКО — капля в море. Хива заслуживает большего. Ее дворцам и крепостным стенам нужен не косметический ремонт, а подлинно научная реставрация. Ведь Хива — жемчужина мировой цивилизации.

Алгебра родилась в Хорезме, арифметика цивилизации запоздала.

Видимо, поэтому японцев, американцев и прочих интуристов не водят в богом заброшенную часть Хивы, где в жилых дворика под раскаленным солнцем — ни деревца, где Хива еще не выкарабкалась из-под вязких феодальных обычаев. Есть тут бедные, глухие

стены одноэтажных домов из сырцового кирпича, развалюхи на задворках дворцов и минаретов; порой кажется, что развалюхи оставлены нарочно: дескать, гляньте, как жили хивинцы при проклятом ханском режиме!..

— Что глядеть...— вздыхает мой гид.— У нас прежние руководители области действительно жили не хуже ханов. Разъезжали по заграницам, «не замечали», как ютятся на хивинской земле простые люди... Застой! И нас он коснулся... Ощутили на собственной шкуре.

ВЫБОР СТРАТЕГИИ

Как выйти из застоя, как обеспечить народу нормальную человеческую жизнь?!— эти мысли бередят душу первого секретаря обкома партии Мирахмата Мирхаджиевича Миркасымова. Наследство ему досталось тяжелейшее. Почти по всем показателям Хорезмская область на последнем месте в Узбекистане. Производительность труда в промышленности и сельском хозяйстве Хорезма падает из года в год: за последние пять лет в колхозах упала на 5 процентов, в промышленности — на 6, в совхозах — на целых 13.

Людей в Хорезме много, под миллион, в одном Хивинском районе на 180 квадратных километрах живут 120 тысяч человек, 666 — на квадратный километр! А все эти квадратные километры, эти гектары, засеянные к тому же в основном монокультурой хлопчатника, должны еще прокормить миллионное население.

В области очень высокая детская смертность. Между тем рост населения продолжается, обостряя до предела социальные проблемы. Уезжать же на заработки желающих мало: родина милее!

— Растут у дехканина в среднем семеро детей,— говорит М. М. Миркасымов,— а у горожанина шестеро. И всем работу надо дать. А кто не знает, что у нас порой на одну зарплату трое перебиваются? Но все упирается в проблему новых рабочих мест...

Вопрос вопросов: как же поднять экономику этого региона? Может, заложить на берегу Аму гигантский электронный завод? Такой роскошный замысел был у Миркасымова, но нет квалифицированных рабочих кадров, людей нет для такого дела! Сельский регион, доля дехкан в общей численности населения превышает 70 процентов...

Все усилия сосредоточить на сельском хозяйстве? Когда-то такая постановка вопроса была верна, но сегодня...

— Расчеты показывают, что современная машинная уборка хлопка не требует такого количества людей,— утверждает М. М. Миркасымов,— а будущее все-таки за машинной уборкой. Тут в том-то и беда, что много, слишком много людей в сельском хозяйстве... У нас единственный выход — в развитии индустрии туризма, международного туризма! Такая стратегия на первый взгляд неожиданна. Я думаю, в наших условиях она оправдана. Потому что индустрия туризма позволяет задействовать примерно тридцать отраслей промышленности и коммунального хозяйства!

Ведь нам есть что показать: Хива — это уникальный памятник древней культуры. Быть может, мы забыли секреты отцов и дедов, секреты обжига керамики, тайны майолики, национального орнамента, шелковых вышивок, резьбы по дереву?.. Есть у нас чеканщики и ювелиры, шелковые мастерицы,— продолжает он, увлекаясь.— Лепщики и гончары. Хорезмийские ковры, паласы, пояса испокон веку славились! Разве мы не знаем, чем прельстить туриста?! Хорезму нужны скоростной троллейбус от Ургенча до Хивы, как от Симферополя до Ялты... Дороги. Люкс-аэропорт в Ургенче. Отели-мотели, рестораны — все должно быть по высшему классу!.. Соответствовать международным стандартам.

Конечно, это все мечты, как их перевести в конкретные дела? Нужны деньги, огромные средства. Руководители «Интуриста» сперва обещали подкинуть полмиллиона долларов, но это мизер, с такими деньгами не только на международный уровень не выйдешь — элементарные удобства туристам не обеспечишь!

Подумаем, где же взять средства под идею. Раньше бы наверняка клянчили у государства, теперь же ставка на предприимчивость. Естественно, для начала создали консорциум... (Миркасымов со вкусом выговаривает непривычное слово.) Назвали — «Хорезм». Мы объединили в нем средства двадцати четырех промышленных и транспортных предприятий области для совместного финансирования индустрии туризма.

Ладно, теперь валюта нужна. Есть такой московский кооператив «Сотрудничество», он стал посредником в деловых отношениях между хорезмийскими организаторами туризма, «Интуристом» и крупной норвежской проектной фирмой «Бергмос». — Кстати, «Бергмос» означает «Берген — Москва»! — подчеркивает Миркасымов...

Председатель «Интуриста» В. Я. Павлов на встрече учредителей совместного предприятия в Москве говорил о большой заинтересованности «Интуриста» в развитии туризма в Средней Азии и о готовности профинансировать работы в Хиве в объеме до 100 миллионов долларов.

Оборотистых норвежцев и агитировать было не надо: туризм — дело доходное. Президент фирмы Бьярне Инстанес готов хоть завтра выложить миллионы крон. Так материализуются мечты хорезмийцев. 12 миллионов рублей, которые вложил наш консорциум, миллионы долларов «Интуриста» да норвежские миллионы и составят уставный фонд совместного туристского предприятия «Хива». Советская доля в уставном фонде — 58 процентов, норвежская — 42. Соответственно будет распределяться и прибыль.

Общая подготовка и согласование документов уже закончены. Подписание учредительного договора состоится в Хиве в конце этого года.

А М. Миркасымов на днях избран первым секретарем Ташкентского обкома партии. Но начатое им дело будет развиваться, его уже не остановишь.

Мусульманская пятница настала, и в полдень в действующей мечети Сеид-Шеликербая идет богослужение. Люди Хивы, десятки стариков, стоя на коленях, одновременно падают ниц, головами в сторону Мекки. Единому и всемогущему Аллаху молятся аксакалы. Шепчут слова молитв. О чем они?

Пожалуй, и о том, чтобы ожила, стала красивой и щедрой эта земля. О, можно уповать на Аллаха, но, наверное, нужно прежде всего много и честно трудиться, чтобы снова сделать цветущим этот древний и благословенный оазис, имя которому — Хива...

ЗА ЧТО УПРЕКАЕТ МИНИСТР? ●
ОБИДА ЮНГИ-ФРОНТОВИКА ●
МОЯ ПЕРВАЯ ВЗЯТКА ●
ПИСАН ЛИ ЗАКОН ВОЕНКОМАТУ? ●
БЕЗЗАЩИТНОСТЬ ПЕРЕД... КАПУСТОЙ ●

■

В феврале на наше автопредприятие прибывает наряд: выделить в распоряжение военкомата автомобиль ГАЗ-24 и одного техработника сроком на три месяца. В апреле таким же нарядом мы обязаны выделить два автобуса для перевозки призывников, а в августе опять военкомат нас обязывает выделить три МАЗа сроком на 25 суток. И все это за счет нашего автопредприятия, так, по крайней мере, заявил военком.

Такими действиями военкоматом полностью игнорируется «Закон о государственном предприятии». Ведь на совете трудового коллектива была утверждена смета расходов на весь год, и на военкомат расходы не предусматривались. В конце концов каждый из нас на оборону платит подоходный налог, а предприятие — более полумиллиона рублей в бюджет государства. Сколько же можно доить предприятия? Ведь каждый день работы автомобиля стоит более 100 рублей.

Хочу спросить: «Это политика Министерства обороны, или это самодеятельность нашего военкомата?»

А. УРБАНСКИЙ,
полковник в отставке, начальник отдела кадров автотранспортного предприятия
Одесса

■

Всякий раз, проходя вдоль торжественных фасадов зданий, занимаемых КГБ, я испытываю чувство смутной тревоги, недоумения и, признаюсь, страха: вроде бы и не угрожаю ничем безопасности своего Отечества, но ведь сколько было таких, ничем не угрожавших... Поражает мое воображение и великолепие нового здания на Лубянке. Зодчий создал архитектурный образ большой впечатляющей силы.

Волей-неволей у меня складывается впечатление, быть может, ошибочное, что ведомство живет некой самостоятельной жизнью, что отсутствует социальный институт контроля за его деятельностью, какой-либо отчетности перед обществом. Вызывает недоумение и полное молчание людей, по профессии принадлежащих к КГБ: ни одной значительной публикации, ни единого выступления в газете (кроме «Аргументов и фактов»), в журнале, по радио. Впрочем, радостным исключением стало недавнее интервью председателя КГБ В. М. Чебрикова газете «Правда». Может быть, отныне молчание не будет столь таинственным и глубокомысленным. Действительно, почему бы в открытую не высказать своего отношения к предмету актуальнейшему, составляющему болевой эпицентр общественного сознания,— к сталинским репрессиям 30—50-х годов? Кроме общечеловеческого аспекта, этот предмет для сотрудников КГБ, вероятно, имеет и другой — профессиональный. Я верю, что современные чекисты с не меньшей болью переживают трагедию 30—50-х годов, постигшую нашу страну, что они совсем не те люди и не их дети, не их наследники. В это верит, по моим наблюдениям, абсолютное большинство общества, но дайте ему зримые подтверждения веры.

В этой связи у меня конкретное предложение: пригласить на Лубянку корреспондента «Огонька». Пусть бы он походил по коридорам и кабинетам, спустился бы в подвалы, о существовании которых мы знаем из воспоминаний уцелевших их обитателей эпохи Ежова — Берии, побеседовал бы с людьми, стоящими на страже безопасности нашего Отечества, взял бы интервью у руководителей КГБ, а потом бы написал для широкой публики обо всем увиденном.

О. ФИШЕР
Москва

■

Во вторник, 2 августа, приехал к нам в Вашингтон советско-американский молодежный оркестр. Я познакомилась с музыкантами из оркестра. Это были две молодые женщины, русская и американка. Прекрасные люди! Они провели со мной четыре дня. Мы с русской говорили все время по-русски, потому что она не говорила по-английски. Я переводила, когда она беседовала с моими друзьями. Мы говорили о жизни в Америке и в СССР, о наших семьях и т. д. Мы решили, что американцы очень похожи на русских...

Концерт был в пятницу, и мне было очень приятно слышать музыку... Я слушала концерт со слезами на глазах. Я смотрела на музыкантов и думала: неужели мы бы могли уничтожать друг друга в войне? Сверхдержавы могут творить красивую музыку, а не оружие для войны. Я думаю и надеюсь, что каждый человек, который слышал их концерт, согласится со мной. У оркестра была добрая миссия, и, по-моему, она выполнена. И мы знаем, что сейчас наша совместная миссия — бороться против войны.

Валерия СПЕРЛИНГ
Вашингтон, США

■

Никогда не предполагал, что придется полемизировать с министром финансов. Вынужден, ибо позиция Б. И. Гостева, представленная в интервью («Огонек» № 29), вызывает, мягко говоря, недоумение.

Конечно, кооператоры не ангелы, есть среди них и откровенные рвачи, которые, кстати, и в докооперативные времена умели делать деньги. Однако если мы будем видеть только негативное в деятельности кооперативов, то можем невольно затруднить ход перестройки, а то и просто поставить ее под сомнение. Не прошло и двух лет с того момента, как они начали создаваться, а уж сколько сделано полезного. Приведу пример. Недавно у меня сломалась пишущая машинка. Кинулся искать мастерскую. Нашел после долгих поисков. Оказалось, что там ремонтируют машинки государственных учреждений, а у частных лиц не берут. Новую машинку покупать? Благо подсказали, что в городе создан кооператив по ремонту пишущих машинок. Связался с ним. На следующий день пришел мастер, починил машинку, оставив на всякий случай гарантийный талон. Конечно, ремонт обошелся недешево, но значительно дешевле, чем покупать новую машинку или нанимать машинистку.

Разумеется, проще бороться с высокими доходами кооператоров, в частности посредством драконовских налогов. Сложнее — повысить зарплату рабочим госпредприятий.

Мнения о кооперативах противоречивые. Конечно, на их пути будут возникать новые проблемы, будет налипать мусор. Но ни в коей мере нельзя допустить, чтобы это движение захирело и погибло по инициативе влиятельных людей, смотрящих на кооператоров с прищуром недоверия и подозрительности.

В. САБИРОВ,
кандидат философских наук
Пермь

■

Избыток азотных удобрений, применение ядохимикатов — путь тупиковый, наносящий огромный вред нашему здоровью, да и государству в целом. Как быть? Уповать на жесткие меры контроля за использованием этих средств — утопия. Создавать еще одни контролирующие органы? Которые придется тоже контролировать? И так до бесконечности.

Традиционные формы пищи на Руси — капуста, картошка и хлеб. И что же, изымать их из рациона питания? Не спасут, видимо, даже садово-огородные участки, где люди давно уже пытаются спрятаться от всепроникающей ядохимизации. Но существуют категории населения, которые вообще беззащитны перед этим бедствием. Ясли, детские сады, школы, больницы, немощные пенсионеры. Случаи отравления детей уже ни для кого не являются неожиданностью.

В крайне невыгодном положении оказывается Сибирь, и в частности Западная, куда завозят ранние овощи и фрукты. Когда у нашего сотрудника А. И. Беспалова жестоко отравился маленький ребенок, то первый вопрос участкового врача был: «Вы не кормили его свежей капустой?» Питаясь в общественной столовой, мы уже давно отказались от салатов, супов и прочей пищи из свежей растительности.

Что же это за неумолимый враг, с которым никак нельзя совладать? И что же это за страна, где мы сами в огромном количестве настроили заводы по производству ядов, сами на этих заводах работаем, сами щедро кормим землю, давшую жизнь, этой отравой, едим отравленную пищу, кормим детей этой гадостью, выжидаем, что из наших детей получится...

Я не верю, что причиной этого жуткого явления служит общественная инерция. Я не верю, что в государстве нет граждан, сознающих опасность этого явления и пытающихся противостоять этой медленной и верной погибели.

А какова позиция Минздрава?

В. СМЕТАНИН,
научный сотрудник
Новосибирск

■

Впервые в жизни (а мне 70 лет) дала взятку. Знаете за что? За подписку на «Огонек». Сколько? 50 рублей сверх стоимости подписки. А пенсия у меня всего 80 рублей. Приходится поступать нечестно: без журнала уже не могу обойтись. Раз дефицит — значит спекуляция, организаторы лимита должны были предвидеть и это. Фамилию сообщаю только редакции, сами понимаете почему.

Н. Р-ва
Москва

■

Пишет вам студент, только что ушедший в запас. Сейчас делается робкая попытка сказать правду об армейской жизни. Конечно, самое трудное — начало службы. Но хочу рассказать о моих последних месяцах нахождения в части, так как было бы малодушием молчать по той лишь причине, что я сам все это уже прошел, а кто-то пусть еще потерпит и дела до него мне нет.

Да, конечно, я знал о «дедовщине», но не скрою, у меня все-таки было уважение к офицерским погонам. Но возвращаясь к службе, пытаясь разобраться, я вспоминаю, к сожалению, сплошную цепь нарушений воинского долга со стороны командиров, использования воинской техники и солдатского труда в своих целях, их «личный пример» для солдат. Командир батареи, капитан, чтобы ему построили погреб, самовольно задержал «на службе» солдат, несмотря на то, что в их военных билетах уже была поставлена дата увольнения в запас — 31 мая. Уволились же они только 19 июня. Конечно, задержал он их не просто так, а под видом подготовки техники, техникой — тягачом они занимались ровно день, остальное время рыли яму для погреба. Войдите в их положение, ведь, будучи уволенными, они отсчитывали каждый час. Другой капитан, начальник автослужбы, назначенный старшим машины, чтобы отвезти орудие для погрузки на уже поданную платформу, пропьянствовал в соседнем поселке. И все это сошло с рук, несмотря на убыток за простой платформы. Встречал я и солдат, вынужденных быть денщиками у своих командиров.

Так вот, увольнялись весной в пер-

вую очередь те, кто «ладил» с начальством. Сержант, попадавшийся много раз на пьянстве, угоне техники, избиении подчиненных, уволился первым. От своих товарищей, вернувшихся из армии, я слышу, что всюду господствует круговая порука (только место действия и персонажи другие), ставится барьер любой попытке восстановить уставную справедливость. Так где же те идеалы, о которых нам твердили в школе, на политзанятиях? «Дедовщина» не могла появиться из ничего, ответственность должны нести в первую очередь офицеры.

В. ЧАПЛИНСКИЙ,
студент 3-го курса
Ленинградского университета

■

Прошу помочь мне найти ответы на три вопроса. Первый. Почему люди, о злоупотреблениях которых писала наша пресса (например, С. Медунов, ныне персональный пенсионер со всеми вытекающими отсюда последствиями, поныне Герой Социалистического Труда и т. д.), до сих пор не преданы публичному суду? Вопрос второй. Если сообщения об их деяниях ложны, то почему не преданы публичному суду за клевету журналисты — авторы этих сообщений? И третий. Какой в этом свете предстает перед читателями наша гласность — действенным инструментом перестройки в правовом государстве, где ни одно из выявленных преступлений не остается бессудным, или способом возбуждения читательского интереса любыми средствами?

О. БУШКО,
участник Великой
Отечественной войны,
член Союза писателей СССР
Калуга

■

В газете «Советская культура» 2 августа с. г. под заголовком «Без передержек!» напечатано письмо членов домового комитета при дирекции высотного дома на Котельнической набережной. Оно, похоже, поставило точку в длившейся почти год баталии вокруг бывшей квартиры Романа Кармена: мемориальному музею выдающегося кинорежиссера в ней не бывать.

Ну что же, отдадим должное умению и мастерству победителей. Дирекция вышеозначенного здания общественными «устами» своих активистов-квартиросъемщиков довела до сведения публики административно-безупречные доводы и факты в пользу своей позиции.

Но одновременно с письмом домового комитета появилось сообщение (в «Литгазете») об открытии музея Нодара Думбадзе — в квартире (на седьмом этаже), в которой он жил. На открытии музея были друзья писателя, руководители республики, в том числе и первый секретарь ЦК Компартии Грузии Д. И. Патиашвили... Низкий поклон вам, тбилисцы!

Москвичи из высотного дома пишут, что в нем «жили многие замечательные люди — А. Твардовский, К. Паустовский, В. Мурадели, Б. Мокроусов — всех не перечислить. Были предложения создать их мемориальные музеи. Но в доме для этого просто нет необходимых условий».

Конечно, неестественно было бы, если б высотный дом со временем превратился в некий многоэтажный поминальник. Как неестественно, видимо, и то, что вообще возникло, как данность периода «великих строек коммунизма», такое коммунхозовское скопление знаменитостей.

А ведь если заинтересованно, интеллигентно подойти к этому обстоятельству, то оно уже само по себе есть не что иное, как уникальные условия и предпосылки для создания музея, столь же уникального,— «Музея знаменитых жильцов дома». Отбоя от посетителей не было бы.

Разве так уж не сыскать в громадном здании для этого подходящее место? И что, не нашлись бы горячие сторонники и помощники, в том числе и вне стен дома — среди студентов, творческих работников, активистов различных обществ и формирований?

Правда, для этого прежде всего нужно, чтоб у дома был домовладелец, духовно соответствующий и его необычному «статусу», и тем переменам, что происходят в стране. Домовладелец, мыслящий, предприимчивый, хозяйственно-талантливый, под стать самим жильцам. Может, в процессе перестройки дирекция вкупе с домовым комитетом такие качества и обретет? И появятся в Москве не имеющие пока аналогов музеи в высотном здании, о котором шла речь, и в знаменитом «доме на набережной», да и по другим адресам столицы.

В. МАЙОРОВ
Москва

■

28 июля с. г. в Кремле состоялось награждение орденами группы государственных и партийных работников. Обращаясь к награжденным, А. А. Громыко сказал: «Даются они (ордена) у нас за славные дела, за успехи, которые четко ощущаются в той сфере, где трудится человек». Орденом Трудового Красного Знамени был награжден Н. В. Горшков, председатель Государственного комитета СССР по вычислительной технике и информатике («Правда», 29 июля).

А две недели спустя на очередном заседании комиссии палат Верховного Совета СССР по науке и технике была оценена деятельность возглавляемого Н. В. Горшковым ведомства, где «депутаты пришли к выводу: отставание нашей страны от мирового уровня в производстве и использовании вычислительной техники достигло критического, стратегически опасного уровня, и это отставание, несмотря на принимаемые... меры, продолжает расти... Депутаты отметили, что усилия комитета направлены сейчас главным образом на подготовку директивных документов, а вот инициативы по реализации установленных заданий он проявляет мало, заметного влияния на технический уровень и качество продукции не оказывает» («Известия», 14 августа).

Так где же те «славные дела», те «успехи, которые четко ощущаются в той сфере, где трудится» Н. В. Горшков?

М. ПУТИВЛЬСКИЙ
Зеленоград

■

В декабре 1943 года, когда мне было 12 с половиной лет, горя желанием победить фашистов, пошел я плавать юнгой на теплоходе «В. Маяковский» Дальневосточного пароходства. Родителей в живых уже не было, и особенно никто за меня не беспокоился.

В 1964 году я стал капитаном. Последние 16 лет командую научно-исследовательским судном «Прибой» Дальневосточного гидрометинститута.

Весной 1982 года пионеры Владивостока через архив пароходства разыскали меня как юного участника войны. Вскоре в военкомате Фрунзенского района Владивостока мне вручили удостоверение участника войны, так как я работал в частях действующей армии по вольному найму. К сорокалетию Победы там же вручили медаль и орден Отечественной войны II степени, затем еще три медали. Я решил, что так и положено, тем более что члены команды, носившие военную форму, стали участниками войны еще при временных удостоверениях. Самому мне и в голову бы не пришло претендовать на что-либо.

В начале августа этого года в связи с объявленной перерегистрацией участников войны я пришел в военкомат, который потребовал принести справку из архива. Принес, в ней я, естественно, значился как юнга. И вдруг мне заявили, что удостоверение мое недействительно и его надо изъять. Это через шесть лет после вручения! Объяснили, что участниками войны считаются только те юнги, которые в войну получили награды или были ранены. Заметьте, взрослый матрос остается участником войны, если даже не получил награду и ранен не был! А мальчишку (в 1945 году мне исполнилось 14 лет) нужно было хотя бы ранить, чтобы он через 43 года был признан участником войны. Кровожадные какие-то требования. Или в военкомате этого не понимают? А может, считают, что по театру военных действий нас возили на судах на прогулку, и мы не выполняли все работы от чистки медяшки до действий в расчетах на огневых точках? В марте 1945 года я был назначен первым номером расчета зенитного пулемета, а вторым номером стал матрос-новобранец.

После моего «разоблачения» как я буду смотреть в глаза пионерам? Ведь в перерывах между рейсами я веду работу в составе совета юнг военного времени. Как смотреть в глаза коллегам, своему экипажу?

Видимо, те, кому по долгу службы положено выдать мне новое удостоверение, не подумали о таких пустяках, как человеческое достоинство, они решают более глобальные задачи.

П. КАБАНКОВ,
капитан дальнего плавания
Владивосток

■

Недавно, перечитывая литературные споры, публикуемые в «Огоньке» и «ЛГ», решил заглянуть в газеты, наводненные в свое время откликами на присуждение Ленинской премии Л. Брежневу в области литературы. Посетив три библиотеки в городе, в том числе и центральную районную, я свое желание не удовлетворил. Всякий раз мне вежливо объясняли, что в соответствии с действующей инструкцией газеты хранятся не более пяти лет.

Когда и кто, озабоченный нашим политическим целомудрием, посчитал, что нам заглядывать в собственную историю глубже чем на пять лет совсем необязательно? Это, видимо, так и останется тайной.

Убежден, что взамен этой инструкции должно выйти постановление, обязующее каждую центральную городскую и районную библиотеку обеспечить сохранность двух-трех ежедневных изданий в течение 30—40 лет. В обратном случае противники перестройки в надежде на ее крах имеют явный шанс стереть из памяти уже нынешнего поколения все, что, обретя голос правды, отражает наша пресса после апреля 1985 года.

Г. КЛИМАНОВ
Клин Московской области

■

В примечании к статье А. Бушева «Зерна раздора» («Комсомольская правда» от 16 августа 1988 года) сказано, что в 1987 году «...наша страна закупила за рубежом пятьдесят восемь тысяч тонн кофе на сумму в сто один миллион рублей». Несложный арифметический подсчет дает закупочную цену одного килограмма зерен кофе — 1 рубль 75 копеек. В розничной же торговле за 1 килограмм мы платим, в зависимости от сорта, 18—20 рублей. Почему? Хотелось бы услышать комментарий Госкомцен по этому поводу.

В. СЛУЦКЕР
Вильнюс

■

Оказывается, свадебная музыка звучит во дворцах лишь для счастливчиков с городской пропиской. А если вы деревенский на сто процентов, регистрируйтесь в сельсовете.

Моя племянница хотела сыграть свадьбу в городе. С рестораном никаких проблем,— согласовывай день и меню. Споткнулись в загсе.

В Сердобске великолепный зал для свадебного обряда. Когда Г. М. Аликина ведет церемонию вступления в брак, царит праздник. Галина Михайловна — артистка народного театра, натура подлинно художественная. Ее волнение естественно, ее возвышенный настрой передается присутствующим. На себе испытал: Галина Михайловна благословляла мою дочь при вступлении в супружеский союз.

Но на этот раз Аликина понуро перелистывала документы деревенских просителей, собираясь с мыслями, как бы поделикатнее отказать. Вернула паспорта хозяевам, а мне подала свод законов, где черным по белому написано: где ты живешь, там и брачуйся. Даже зареченским отказывают, хотя женихи и невесты работают на заводах.

Такие пироги: работать в городе — пожалуйста, а пройтись по ковровой дорожке с невестой под руку к городскому «алтарю» — ни боже мой! На словах городские и деревенские жители равны. А на деле?

Мне думается, что табу на выбор места регистрации брака — наследие тех времен, когда в деревнях не имели паспортов и штамп о вступлении в брак ставить было не на чем. А потом, что это за вольности — выбор?! Эдак мало ли до чего может дойти колхозник... Не пора ли тронуть дух и букву этого запрета?

В. КОНОВАЛОВ
Сердобск Пензенской области

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

ПОЛЕМИКА

ЧТО ПОЧЕМ

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

УБЕЖДЕННОСТЬ ГОСКОМЦЕН СССР В ТОМ, ЧТО ЦЕНЫ НАДО ПОДНИМАТЬ, НАСТОРОЖИЛА МНОГИХ. ТРЕВОГУ И ОЗАБОЧЕННОСТЬ РЕДАКЦИЯ ПОЧУВСТВОВАЛА БЫСТРО: РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА ПОЛНА ВОПРОСОВ... НЕ ОБОШЛИ ПРОБЛЕМУ УЧЕНЫЕ, ПИСАТЕЛИ, ЖУРНАЛИСТЫ: СТАТЬИ КАНДИДАТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК И. ЛИПСИЦА «ОБОЮДООСТРЫЕ ЦЕНЫ» («ОГОНЕК» № 16, 1988), ПУБЛИЦИСТА А. НУЙКИНА «О ЦЕНЕ СЛОВА И ЦЕНАХ НА ПРОДУКТЫ» (№ 22, 1988), ПРОФЕССОРА Г. ПОПОВА «ПОБЕСЕДУЕМ В ДУХЕ ГЛАСНОСТИ» (№ 33, 1988), ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР Н. ПЕТРАКОВА «ТОВАР И РЫНОК» (№ 34, 1988)... СЕГОДНЯ ПОЛЕМИКУ О РЕФОРМЕ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ ПРОДОЛЖАЕТ ПИСАТЕЛЬ ЛЕОНИД ЖУХОВИЦКИЙ.

Конечно же, об экономике должны писать квалифицированные экономисты, как на сцену в «Лебедином озере» должны выходить профессиональные танцовщики. Но я решил примкнуть к числу дилетантов, которые в последнее время все активнее вторгаются в чужую епархию. У меня, как и у них, есть для этой неосторожной акции не пустячное психологическое оправдание: все высокопрофессиональные танцы вокруг проблемы цен разворачиваются в непосредственной близости от моего кармана... Строго говоря, эти заметки вполне можно было бы и не писать: ну что нового могу я сказать после блестящих статей Рубинова, Нуйкина, Шмелева? Но я пишу не для того, чтобы что-то сказать, а для того, чтобы что-то услышать.

Дело в том, что дискуссия вокруг приближающейся реформы цен приобрела нетрадиционный для этого жанра характер — одни ее участники просто не слышат других. Прорабы и лоцманы реформы, руководители Госкомцен, не реагируют не только на вопросы оппонентов, но и на почти не завуалированные оскорбления.

Может, потому и не реагируют, что спрашивают неделикатно, в эйфории гласности разучились писать челобитные, не ставят в конце ритуальную формулу «в просьбе моей прошу не отказать»? Ну что же, я не гордый, я поставлю.

А вопросов у рядового советского человека, не обремененного избытком экономических знаний, накопилось множество. Прежде всего — зачем нужна эта реформа?

Объяснения руководителей Госкомцен и их сторонников неубедительны и противоречивы. Говорят, что мясо на дотации и при ее сохранении разумно вести хозяйство нельзя. Возможно, так и есть. Но разве на дотации только мясо? А театры? А медицина? А родной наш непомерный аппарат, по локоть запустивший руку в напряженный государственный бюджет? А космические корабли — они что, на хозрасчет перешли? А сам Госкомцен, он ведь тоже живет не с продажи финансовых идей на мировом рынке. Какая же срочность начинать именно сейчас и именно с мяса?

К тому же известно, что себестоимость мяса разная, порой даже в одной деревне — в колхозе высокая, у арендатора вдвое ниже. Так что должна делать цена — стимулировать хорошую работу или оправдывать плохую?

Говорят, что от реформы цен никто не пострадает, всем все компенсируют, зато исчезнут очереди, потому что перераспределится спрос. Подобного рода объяснения мне весьма по душе, ибо кому же не надоели очереди. Но и тут возникают сомнения, которые не хочу скрывать.

Во-первых, куда перераспределится спрос? На фрукты-овощи? Но где их взять? На кримпленовые брюки? Они не в моде, и их не едят. Так что, скорей всего, спрос перераспределится на минтай, мелкий частик и «завтрак туриста». Готов поверить, что туристам это понравится. А не туристам?

Во-вторых, что будет означать исчезновение очередей? Только то, что из них уйдут низкооплачиваемые, которым станет не по карману не только грудинка, но и рулька.

Наконец, в-третьих, разве все это будет означать, что никто не пострадал? Впрочем, это возражение я снимаю — граждане, отлученные от мяса, действительно выиграют, ибо вегетарианцы живут дольше.

Правда, скорей всего, ничего подобного не произойдет, и очереди, съежившись на первое время, затем опять распрямятся. Я рад бы верить руководству Госкомцен, но для этого надо не верить собственной памяти. Ведь ожидаемое повышение цен — операция отнюдь не уникальная. Их и раньше повышали неоднократно, в том числе и на белковый харч при Хрущеве. Кстати, тогда к этой процедуре подошли ответственно, нерадостное мероприятие было загодя толково и, думаю, искренне объяснено. Народу растолковали, что лишние деньги, полученные за мясо, масло и молоко, будут вложены в животноводство, оно станет не убыточным, а выгодным, в результате производство продукта возрастет, он перестанет быть дефицитным и со временем вновь подешевеет, но уже на здоровой экономической основе. Словом, дополнительный рубль свое отработает. Один из лучших «деревенщиков» той поры — Георгий Радов даже опубликовал серьезную и уж наверняка искреннюю статью, где дает наказ рублю.

С тех пор прошло без малого тридцать лет, и ясно, что рубль наказ не выполнил. Очереди не рассосались. Тогдашнее повышение цен привело лишь к необходимости нового повышения цен. И прежде, чем проводить это новое, неплохо бы разобраться, на чем споткнулась первая попытка.

Кстати, тогда повышение цен не компенсировалось никак, и было честно объяснено, что иначе ничего не изменится, просто усилится инфляция, и толку не будет. Сейчас предполагается удорожание мяса компенсировать деньгами. Ну, а источник этих денег? Печатный станок? Тогда откуда уверенность, что в этот раз будет толк? Внятных объяснений нет, остается верить — или не верить — нашим хозяйственникам и финансистам на слово.

Теперь — щепетильная тема, которую и трогать не хочется, и обойти нельзя. Даже при поверхностном взгляде вызывает сомнение компетентность Госкомцен. Уж очень редки случаи, когда цена и покупатель довольны друг другом. Одно хватают, переплачивая спекулянтам, другое давно пора бы сбросить по дешевке, а оно валяется и гниет.

Возьмите последнее по времени повышение цен на ковры, которые в ту пору были весьма популярны. Кому, в каком сне привиделись те оголтелые цифры? Спрос был перебит одним могучим ударом, очереди исчезли, но дефицит стал мертвым неликвидом. Спохватившись, ковры стали уценять, но какой же дурак кинется хватать уцененку? Всю коммерческую операцию можно оправдать лишь тем, что моль тоже живое существо и должна же она чем-то питаться... Ну, а Госкомцен — он что? Раздал долги и пошел побираться? Да нет, живет и прекрасно себя чувствует. Как принято говорить, убытки оплатило государство.

Должен сказать, этот привычный штамп не устраивает меня не только стилистически, но и по сути. Откуда государство берет деньги на оплату убытков? Да из казны. Из нашей общей казны. А это значит, что мы недосчитались тысячи жилых домов или сотни больниц. И, выходит, не купив скомпрометированные ковры, мы с вами их всетаки в складчину оплатили...

Хотелось бы иметь пусть минимальные гарантии, что на сей раз наши регулировщики цен пальнут если не в десятку, так хоть в сторону мишени. Многого не требуется, но неужели общество не имеет права даже на скромную их самокритику с ласковым анализом собственных грехов?

А грехи у наших ценовиков не только профессиональные. Есть и нравственные. Помните, как в середине прошлого десятилетия цена на кофе установила мировой рекорд по прыжкам в высоту? Ну зачем было морочить голову самому читающему в мире народу и уверять, что причиной тому исключительно жестокая засуха в Бразилии? Зачем было обещать, что как только, так сразу? То есть мы, конечно, всему поверили и с готовностью помогли тамошним коферобам своим трудовым двадцатником. Но сколько же с тех пор прошло лет? За это время можно было не только восстановить иссохшие кофейные плантации, но и сделать что-нибудь поглобальнее, скажем, перебросить воды Амазонки из Атлантического в Тихий океан, по пути осушив джунгли, обводнив горы и тем самым решив все проблемы южного, а если повезет, то и северного полушария. Впрочем, труженики солнечной Амазонщины вполне процветают и без крайних мер. Но кто-нибудь слышал, чтобы кофе у нас подешевел? Кто-нибудь слышал, чтобы Госкомцен извинился за лукавство?

Недалек час, когда проект реформы цен будет поставлен на обсуждение. Можно ли надеяться, что на этот раз Госкомцен выдаст точную информацию к размышлению, без кивков в сторону бананово-лимонных широт?

Когда специалисты не могут разумно объяснить цели намеченной реформы, неспециалисты начинают искать в их косноязычии скрытый смысл. Найти его не так уж трудно — наводящих намеков более чем достаточно. Из статьи в статью, из беседы в беседу кочует один и тот же мотив: у населения скопилось слишком много денег, сберкассы под завязку набиты звонкой и хрустящей монетой. Гласности предана поражающая воображение цифра — 266 миллиардов на книжках! Экономисты называют это явление «отложенный спрос». А дальше и дураку ясно: спроса на счетах накопилось столько, что никаким сбытом его не заткнешь. И хорошо бы разбогатевших граждан немного пощипать, не с ковровой, так с мясной стороны.

Что и говорить, 266 миллиардов — это очень много. Даже если пересчитать в доллары по курсу закрытых «Березок», и то выйдет сумма хоть куда! Самый богатый человек на свете, саудовский сверхсупермультимиллиардер Кашога, торговец оружием и всем, что продается, и тот имеет меньше.

Правда, надо учесть, что Кашога один, а нас больше. Нас 280 миллионов. И если общую сумму вкладов разделить, как выражается в досаде мой знакомый экономист, «на рыло населения», выйдет больше тысячи на каждого. Тоже деньги. Отложенный спрос.

Велик он или мал? А это смотря на что отложен.

Если на сигареты или колготки — очень велик. Если на мотоцикл, цветной телевизор, дубленый овчинный тулуп или туристскую поездку в Болгарию — в самый раз. Если на «Жигули» — безнадежно мал. Если на трехкомнатую квартиру в кооперативе — лучше не считать, меньше огорчений.

Правда, тысяча выходит на каждого, включая пенсионеров и грудничков. Но ведь и они люди! Если молодая мама решит посидеть с малышом не до яслей, а до садика, «грудной тысячи» вряд ли хватит. А пенсионер? Вдруг ему, не дай бог, понадобится круглосуточная сиделка? Его «отложенный спрос» разлетится в два месяца — впрочем, этого вполне достаточно, ибо за это время он либо выздоровеет, либо переберется туда, где круглосуточные сиделки не положены пенсионерам ни областного, ни даже мирового значения...

Кстати, любопытно бы узнать, как решает проблему отложенного спроса наш приятель Кашога? У нас с тысячью уйма проблем, а ему, бедняге, каково с его миллиардами? Даже если он в течение одного года купит «Жигули», вступит в кооператив, выстроит домик на садовом участке и съездит туристом в Болгарию — даже в этом разорительном случае супермульти, по моим прикидкам, потратит меньше половины своих денег. Оставшихся вполне хватит, чтобы скупить все сосиски в Саудовской Аравии и дезорганизовать тамошний мясной рынок на ближайшие сто восемьдесят лет.

Однако я полагаю, что столь антисоциально миллиардер не поступит. Как человек интеллигентный, он в обеденный перерыв сбегает в ближайший «Гастроном» и в порядке очереди возьмет полкило сосисок и граммов двести останкинской колбасы, то есть ровно столько, сколько дня за три сможет съесть.

Прежде чем поднимать панику по поводу отложенной тысячи, неплохо бы выведать, сколько скоплено на непредвиденный случай среднестатистиче-

ским американцем, французом, японцем. И прикинуть, какая заначка нужна советскому человеку, чтобы, если прохудится крыша садового домика или выстрелит пружинами двухспальный диван, не идти по соседям с лапкой ковшиком...

Очереди возникают не потому, что у людей много денег, а потому, что в магазинах мало мяса. И, наверное, надо думать не только о том, как переложить котлету с одной тарелки на другую, более достойную, но и о том, чтобы своя котлета была у каждого.

Решит ли эту проблему ожидаемое повышение цен на мясо? Думаю, нет. Не решит, как не решило предыдущее, при Хрущеве.

Причина моего недоверия уже называлась в печати, в частности А. Нуйкиным в «Огоньке», но услышана конструкторами реформы не была. Что ж, придется повториться.

Цена стимулирует развитие производства только там, где действует конкуренция. Монополисту напрягаться никакой необходимости нет. А все мы, всей державой, стоим в очереди к одному-единственному продавцу, сверхсупермультимонополисту — Министерству торговли СССР. И этот супермульти может делать с нами все, что хочет. Может продать гниль вместо товара, обвесить, обсчитать, обхамить — все равно в следующий раз мы пойдем к нему и только к нему: запуганный и задавленный в свое время колхозный базар и с трудом поднимающийся с четверенек кооператор в обозримые годы составить реальную конкуренцию Минторгу не смогут. И если наш единственный в государстве торгаш вообще перестанет работать, мы и тут никуда не денемся — будем плакаться, жаловаться, скандалить, но стучаться озябшими кулачками придется все в ту же запертую дверь. Так что развязывать руки монополисту следует с большой осторожностью — он вполне может использовать предоставленную свободу не для работы, а для грабежа.

Разумеется, Минторг употреблен здесь достаточно условно, он не лучше и не хуже прочих ведомств. Если, допустим, Аэрофлот, лишившись административной узды, решит взвинтить цены на билеты втрое, а железная дорога не захочет отстать, какой конкурент перехватит поток пассажиров и выручит московскую студентку, намертво отрезанную от мамы в Хабаровске? Левак на ржавом «Запорожце»?

Приведу пример, от мяса далекий, но очень наглядный. Недавно я сподобился, съездил туристом в Испанию. За семь дней девять сотен, зато от Севильи до Гренады. Раньше цена была ниже, а поездка длиннее. Может, качество выросло? Увы, кормили все больше макаронами, а испаночка-гид всю дорогу молчала, как партизан на допросе. Словом, у нашего прославленного Всесоюзного акционерного общества «Интурист» неиспользованные возможности такие, что дух захватывает.

Все это вовсе не означает, что я ВАО «Интурист» ругаю. Как можно его ругать, если в соревновании родственных контор он навеки победитель: один занимает весь пьедестал почета, и середину таблицы, и даже аутсайдер — тоже он. Во всех смыслах вне конкуренции!

Но вот что меня тревожит: а что, если наше ВАО, наше единственное окно в Европу, возьмет и возгонит цены раза еще эдак в полтора. Или даже в три. На том, скажем, основании, что на взаимопонимание между народами никаких денег не жалко. Может ВАО так поступить? Может. А почему, собственно, нет? Выбирать нам не из чего. И если даже все желающие разом откажутся от непомерно дорогих импортных пейзажей, ничего страшного не произойдет, государство и тут покроет убытки: то есть все мы, так и не увидев чужих небес, их опять-таки в складчину оплатим.

А вот в Севилье или Гренаде турист так просто вторую шкуру не отдаст. Перейдет через дорогу — и в другую фирму, где получше и подешевле. Или в третью. Или в десятую.

Ну почему мы так держимся за монополию? Почему раз объединение, то непременно всесоюзное? Почему в Москве только Мосторг, а в Ленинграде Ленторг, а по всей стране Минторг, от которого некуда деться? Ну, не люблю я эту фирму, ленивую, хамящую во всех своих торговых точках, не умеющую и не желающую работать без обрыдлых очередей. Не люблю — а куда я от Минторга денусь? На Камчатку летал, на Сахалин — так ведь и там Минторг!

Считается, что параллельные конторы сгоняют под одну крышу во имя сокращения штатов. Но ведь на деле все выходит наоборот! Монополия — тот же «Интурист» или Минторг — может позволить себе любой аппарат. А в двадцати или ста двадцати конкурирующих хозрасчетных фирмах все нахлебники отсохнут и отпадут быстро — сами или вместе с обанкротившейся конторой. Посчитайте, много ли освобожденных от работы работников в семейной, арендной или шабашной бригаде?

Ладно, бог с ним, с «Интуристом», пусть загоняет цены хоть на верхушку столба — Севилья и Гренада не предмет первой необходимости. Но сейчас-то речь идет об обязательном и неизбежном, о том, что каждый день ставится — или не ставится — на стол. Вырастет цена на мясо — станет вдвое выгодней кормить печеным хлебом скот. Значит, и его надо защитить новым ценником. А там, глядишь, Коммунхоз решит в порядке экономического оздоровления спустить с поводка плату за жилье — куда в этом случае из-под родной крыши переместится наш спрос?

Хорошо, если труженики Агропрома, вдохновленные взлетевшими ценами, удвоят выдачу мяса. Ну, а как наоборот, предпочтут передохнуть и, уполовинив производство, останутся при тех же барышах? Тогда что? Тогда только и останется вернуться к административным вожжам и в духе шумно осуждаемых командных методов дать накачку, снять стружку или даже в качестве совсем уж крайней меры накрутить хвост.

(Вот уж не думал, что мое опасение подтвердится с такой пугающей быстротой. Увы, хоть и косвенно, подтвердилось. Эти заметки были уже написаны, когда в «Известиях» за 19 июля я прочитал, что хитромудрая роскооперация как раз и поступила по выгодной схеме: продажу мяса сократила, зато цены вздыбила так, что во всех отчетах смотрится куда красивее, чем год назад. Все логично! Ну, а день грядущий, он что нам готовит? Догадаться нетрудно: не так уж глуп заготовительно-торговый монополист, чтобы увеличивать продажу колбас и окороков и тем самым сбивать столь приятную цену!)

Экономическая модель, доставшаяся нам от культа и застоя, очевидно, плоха. Но она много лет действительна и — не знаю, можно ли так сказать — извращенно разумна. Что защищает нас сегодня от всевластия монопольных ведомств? К великому сожалению, только всеми проклятый административный диктат. Та же госприемка — акт старомодно-печальный. Но как еще остановить монопольного бракодела? Нет кнута конкуренции — приходится пользоваться кнутом власти.

Реально ли реформировать систему цен, не реформировав систему монополий? А такая работа легкой не будет, это уж точно. Наши монополисты, как все монополисты на земле, будут яростно бороться за свою внеконкурентность. А бороться они умеют куда лучше, чем работать. Вспомним, как быстро они придумали и лишь чудом не осуществили налоговое улучшение только-только зарождающихся кооперативов! А страшная история с Худенко, талантливейшим экономистом, пророком и мучеником перестройки? У него в экспериментальном хозяйстве в конце шестидесятых заработки были вчетверо, а производительность труда вдесятеро выше, чем у соседей,— и при этом всего один освобожденный руководитель! За что же его сгноили за колючкой?

Худенко с убийственной наглядностью доказал, что современный советский земледелец может великолепно работать без погонял. Увы, доказать доказал, а о людях не подумал. Погонялам ведь тоже есть хочется, у всех семьи, дети. Монопольная форма руководства селом была поставлена под угрозу, и аппарат сработал стремительно и умело: и статью нашли, и судью нашли, и тюрьму нашли. Нет человека, система которого, распространись она в те годы, возможно, сделала бы необязательными нынешние дебаты о ценах...

У проблемы есть еще одна сторона, которую лучше бы учесть заблаговременно: а как среагирует на повышение цен потребитель? Молча считается, что традиционно: поворчит, пошумит на собраниях и в печати (эпоха гласности!), придумает десяток новых анекдотов и тем ограничится. Да и я почти уверен, что выглядеть все будет именно так. Но вот скрытые возможности потребителя мы весьма недооцениваем, как недооценивали их и в прошлые времена.

Прежде всего что такое потребитель? Это в общем-то производитель. Проще — народ. А народ во все эпохи, даже будучи бесправным, вовсе не был беспомощным.

Конечно, крестьянин не мог прямо противостоять сталинской машине принуждения и террора. Но подневольный труженик мог работать так, как и положено работать из-под палки, то есть плохо. И это пассивное сопротивление в конце концов вынудило государство в корне изменить отношение к человеку на земле.

Совсем свежий пример — борьба с пьянством. Позарез необходимое благородное по целям дело было начато уже в новое время, но по-старому: без серьезного обсуждения, волевым путем, с решающим перекосом в сторону административных мер. Реакция потребителя была не скорой, но и не слабой: пьянство в стране не исчезло, зато исчез сахар. И если сразу после Указа на самогонщиков смотрели с резкой неприязнью, то теперь взгляд изменился: всякий, кто хоть раз испытал унижение многочасовой очередью (а мало ли по какой радостной или печальной причине в нее может попасть даже непьющий человек), воспринимает современное крайне изобретательное самогоноварение уже не как покушение на здоровье нации, а как ехидный акт протеста против чиновничьей ретивости. В конечном счете получилось, что Указ запретил не столько алкоголь, сколько сладкий чай.

Что же может произойти, если без достаточных оснований, серьезных разъяснений и стопроцентно адекватной компенсации вырастут цены? Реакцию предвидеть нетрудно.

Люди очень не любят терять достигнутый уровень жизни (а он у нас, кроме редких исключений, весьма скромен). И каждый, конечно же, попытается его сохранить. Как? Угадать, увы, не трудно: чуть больше халтурить, чуть больше воровать. Уже сейчас именно так отвечает трудящаяся масса на «выводиловку» и прочие развлечения бюрократической экономики. Не случайно у нас мелкое воровство на производстве даже не называют воровством — корявый неологизм «несун» прочно вошел и в живой, и в печатный язык. Вполне возможно, что, отдав государству за колбасу лишний червонец, потребитель-производитель, увлекшись, возьмет назад два. И никакой контроль тут не поможет, потому что и у проверяющего семья — скорей всего несуну придется тащить на двоих — на себя и на контролера...

Так что же я предлагаю? Вообще не трогать цены? Ну, конечно, нет. Беспорядок у нас в этом деле страшный, и никто, наверное, толком не знает, какая злосчастная фортуна связала воедино товары и их ярлыки. Безусловно, эти завалы придется разгребать. Но — без спешки. Эта работа должна быть проделана максимально хорошо, слишком многое от нее зависит. Цена должна стимулировать труженика, это несомненно. Но нельзя допустить, чтобы она возвела в правило себестоимость, выросшую в результате аппаратного невежества, халтуры и воровства. Нельзя допустить, чтобы на дороге, ведущей в светлое будущее, нас подстерегал монополист с кистенем. Нельзя допустить, чтобы руководители нашего народного хозяйства, вплоть до самых высоких, получили возможность, заткнув «мясными» деньгами финансовые дыры, отложить коренную перестройку экономики — как уже, к сожалению, бывало. Пусть реформа цен идет вместе с хозяйственной реформой, а не вместо нее.

Рискну выдвинуть три конкретных предложения.

1. Проект реформы надо готовить открыто и на конкурсной основе. У нас множество экономистов, и, как показали дискуссии последних лет, среди них достаточно умных и высокопрофессиональных. За что же всех их скопом обижать, отстраняя от решения важнейшей державной задачи? Даже на монументы нынче объявляют конкурс, и правильно делают: нам небезразлично, что будет стоять на Поклонной горе. Но ведь и что напишут на ярлыках, тоже небезразлично. Так что пусть проектов будет несколько, чтобы народу было что обсуждать, а правительству — из чего выбирать.

2. Решение о ценах необходимо вынести на всенародный опрос. Я предлагаю это не потому, что надеюсь на отрицательный ответ — наоборот. Народ неглуп и себе не враг, разумное новшество он всегда поддержит. Но у референдума есть по крайней мере два огромных плюса: во-первых, решение, принятое добровольно, не вызовет неприятных психологических последствий, во-вторых, инициаторы реформы, зная, что впереди грозный экзамен, будут куда тщательней ее готовить и куда убедительней объяснять. А это необходимо: народ должен быть уверен, что уходящий из кармана лишний червонец будет употреблен на дело, а не для того, чтобы Северную Двину повернуть на юг, а Южный Буг — на север.

3. Нужно восстановить авторское право на государственные решения такого масштаба.

Вот я задаю всякие вопросы — а кто на них ответит? И, что более существенно, кто ответит, если реформа на практике провалится? Госкомцен? Но Госкомцен — ведомство, а ведомство не человек: ни лица, ни имени, старое начальство уйдет, а новое не виновато. В театре автора вызывают на сцену, ему хлопают или свистят — может, и в экономике использовать этот прогрессивный опыт? Мы знаем из школьного учебника про столыпинские реформы. А за наши нынешние кому хлопать или свистеть? Кто за них ответит персонально? Нет, не головой, даже не должностью — просто собственным именем, репутацией профессионала.

Разработчики намечаемой реформы засекречены, как физики-бомбовики или агенты сразу пяти разведок. От кого они таятся в эпоху гласности? Не пора ли, выражаясь поэтически, «приоткинуть черную чадру»?

...Повторю — я дилетант. И вполне допускаю, что специалисту мои вопросы покажутся наивными, а то и глупыми. Заранее согласен. Но столь же наивные вопросы задают себе сегодня двести миллионов наших сограждан, ничего не понимающих в масштабной экономике, но прекрасно умеющих отличить на ценнике пятерку от трояка. Именно поэтому я и прошу конструкторов реформы дать на мои глупые вопросы умный ответ.

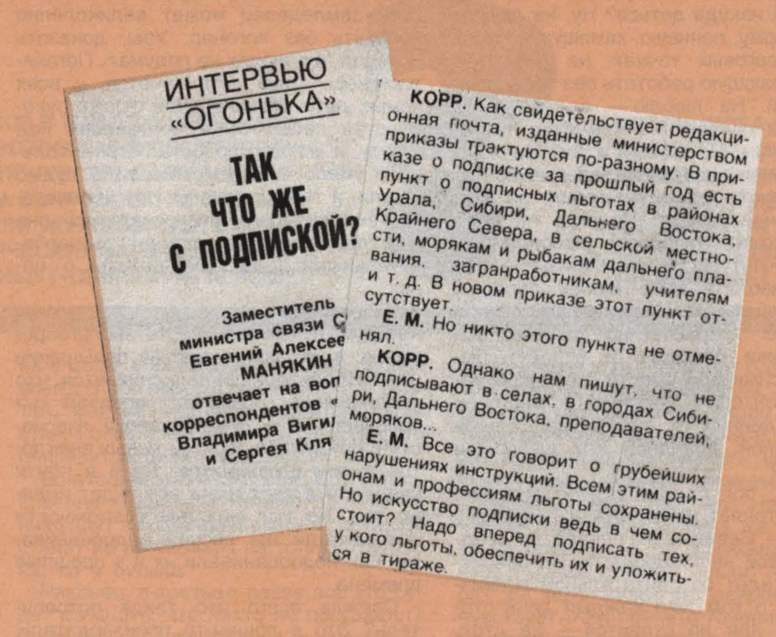
В просьбе моей прошу не отказать.

Для кого же льготы? Почему нарушаются права подписчиков

Наш Хасын — поселок особенный, он, правда, небольшой. Живут здесь в основном геологи, геофизики, люди с высшим образованием. Дело, конечно, не в образовании. Характер профессии, образ жизни на Севере — на самом дальнем, магаданском — накладывают свой отпечаток на быт и досуг местного населения. Отпуск берем раз в три года, полевики полгода проводят в экспедициях. Клуб, который достался нам от заключенных, постройки 1942 года, он же и библиотека и кинотеатр, к тому же пребывает в крайне жалком состоянии. Спортзал отдали в аренду музыкальной школе, стадион планируют под угольный склад. Короче, того, что называется «соцкультбыт», в поселке нет (исключая баню, амбулаторию и целых шесть (!) магазинов). В отличие от многих других поселков так называемого «Золотого Колымского кольца» Хасын расположен не вдоль колымской трассы, а в стороне, и рейсовые автобусы сюда не заходят. Но самое главное — в поселке, где живет больше двух тысяч человек, НЕТ КИОСКА «СОЮЗПЕЧАТИ»! Нет,— и все!

Теперь вы ясно представляете, какую важную роль в духовной жизни Хасына играет периодика. Каким образом формируется здесь общественная мысль. Насколько страшна оторванность от культурных центров. Собственно говоря, зачем мы написали это письмо? Мы хотим гласности не по лимиту, хотим читать то, что мы выбираем.

И. ФРОЛОВ, С. БАБКИН, А. ТАТАРСКИЙ, В. БОЛЬШАКОВ, Н. КУЗНЕЦОВ (всего 110 подписей)
пос. Хасын Магаданской области

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

ТАК ЧТО ЖЕ С ПОДПИСКОЙ?

Заместитель министра связи С[...] Евгений Алексее[...] МАНЯКИН отвечает на воп[...] корреспондентов «[...] Владимира Вигил[...] и Сергея Кля[...]

КОРР. Как свидетельствует редакционная почта, изданные министерством приказы трактуются по-разному. В приказе о подписке за прошлый год есть пункт о подписных льготах в районах Урала, Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, в сельской местности, морякам и рыбакам дальнего плавания, загранработникам, учителям и т. д. В новом приказе этот пункт отсутствует.

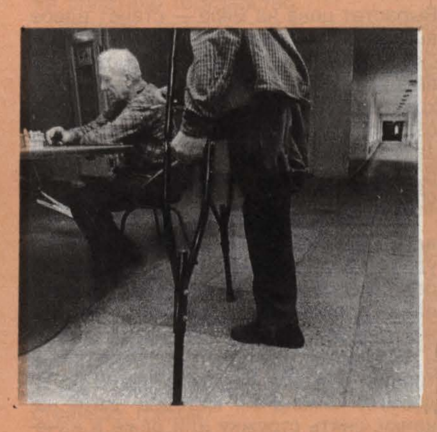
Е. М. Но никто этого пункта не отменял.

КОРР. Однако нам пишут, что не подписывают в селах, в городах Сибири, Дальнего Востока, преподавателей, моряков...

Е. М. Все это говорит о грубейших нарушениях инструкций. Всем этим районам и профессиям льготы сохранены. Но искусство подписки ведь в чем состоит? Надо вперед подписать тех, у кого льготы, обеспечить их и уложиться в тираже.

ЗАПРОС МИНИСТРУ СВЯЗИ СССР В. А. ШАМШИНУ

Множество писем и телеграмм получил «Огонек» от читателей, которые имеют льготное право на подписку, и поток их, как это ни прискорбно, продолжает и продолжает нарастать. Предварительный анализ свидетельствует, что в результате введения ограничений больше всех пострадали именно льготники. От имени читателей просим дать официальное разъяснение: как им практически реализовать свое преимущественное право на подписку?

■

«Огонек» выписываю с 1951 года. И вот после стольких лет — стоп, лимит. А я смертельно больной человек, инвалид труда I группы, единственной отрады и той лишают, хотя я пользуюсь льготами. Номер пенсионного удостоверения 066805, выдан Фрунзенским райсобесом. Надеюсь на вмешательство редакции.

А. БОКИЧЕВ
Иваново

■

Мне приносят на дом пенсию, подписывают на корреспонденцию тоже дома: я инвалид труда, одинокий, старый человек и просто оживаю, когда получаю «Огонек». До боли жаль, что отказали в подписке, к тому же я подписчик с 20-летним стажем.

Л. ПАНОВА
Харьков

■

Подписчиком журнала являюсь 50 лет. Перерыв был с 1938 по 1945 год. Комсомолец 20-х годов, с 1927 года — член партии, ветеран войны и труда. Мне стыдно даже писать, что лишился на будущий год «Огонька».

Н. ДОРОЖКИН,
академик АН БССР
Минск

■

Как ветеран войны, обратился я в «Союзпечать» с просьбой выписать журнал. В течение 15 лет пропагандистской работы мне помогал «Огонек», изучив журналы, я передавал их в школу. В актуальном интервью замминистра связи т. Манякина сказано о праве подписки без ограничений на лимитированные издания для некоторых категорий трудящихся. Но в реальности просьбы ветеранов не удовлетворяются.

Е. ГОСДАНКЕР
Подольск Московской области

В ИНТЕРВЬЮ ОГОНЬКУ ЗАММИНИСТРА СВЯЗИ ТОВ МАНЯКИНА СКАЗАНО О ЛЬГОТАХ ПОДПИСКУ ЖИТЕЛЯМ КРАЙНЕГО СЕВЕРА ОДНАКО НАШЕМ РАЙОНЕ ВВЕДЕН ЛИМИТ ТЧК ВПЕРВЫЕ ОЛЕНЕВОДЫ СЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПРОПАГАНДИСТЫ НЕ МОГУТ ВЫПИСАТЬ ОГОНЕК ТЧК ЕСЛИ ВАШИХ СИЛАХ ПРЕДЛОЖИТЕ МАНЯКИНУ ПРИВЕСТИ ДЕЛА СООТВЕТСТВИЕ СЛОВАМ = ЯР-САЛЕ ЯМАЛЬСКОГО ТЮМЕНСКИЙ СОВХОЗ ЯРСАЛИНСКИЙ = ПРОФКОМ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПАВЛЕНКО

ПРОСИМ ОКАЗАТЬ СОДЕЙСТВИЕ СНЯТИЯ ЛИМИТА НА ОГОНЕК ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ КИЕВСКОГО МЕДИЦИНСКОГО УЧИЛИЩА ТЧК СЧИТАЕМ НАРУШЕНИЕМ ИНСТРУКЦИИ МИНИСТЕРСТВА СВЯЗИ СССР ВЫДЕЛЕНИЕ ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРОВ КОЛЛЕКТИВУ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ БОЛЕЕ 120 ЧЕЛОВЕК ЗПТ 1620 УЧАЩИХСЯ = КОЛЛЕКТИВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВСЕГО 42 ПОДПИСИ

СООБЩАЮ ВОПИЮЩЕМ БЕЗОБРАЗИИ ВОПРОСУ ПОДПИСКИ ОГОНЬКА В КРЫМУ ТЧК НАШЕМУ КОЛХОЗУ ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО ПАРТСЪЕЗДА НА ДВЕ ТЫСЯЧИ РАБОТАЮЩИХ ВЫДЕЛИЛИ ДВА ЭКЗЕМПЛЯРА ОГОНЬКА СЧИТАЮ НЕВОЗМОЖНЫМ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ БЫТЬ КОММУНИСТОМ И АКТИВНЫМ ЗАЩИТНИКОМ ПЕРЕСТРОЙКИ БЕЗ ОГОНЬКА ПРОШУ ПОМОЧЬ ПОДПИСКЕ ПО АДРЕСУ 334422 ВИЛИНО КРЫМСКОЙ БАХЧИСАРАЙСКОГО КРАСИНА 3= В С ЛЕДНЕВА

СЧИТАЕМ ОГОНЕК ОДНИМ ИЗ РУПОРОВ ГЛАСНОСТИ ЗПТ ПЕРЕСТРОЙКИ ЗПТ ОБНОВЛЕНИЯ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ТЧК ОЧЕНЬ ХОТИМ БЫТЬ ЕГО ПОСТОЯННЫМИ ЧИТАТЕЛЯМИ НО ЭТО НЕВОЗМОЖНО ОГРАНИЧЕНИЙ ПОДПИСКИ ЗПТ КОТОРЫМИ СТОЛКНУЛИСЬ МУРМАНСКЕ ЕЕ ОФОРМЛЕНИИ ТЧК ОБРАЩАЕМСЯ ПРОСЬБОЙ ПОМОЧЬ ЧЛЕНАМ ЭКИПАЖА АТОМОХОДА АРКТИКА ЗПТ РАБОТАЮЩЕГО ПРОЛИВЕ ЛОНГА ТРЕТИЙ МЕСЯЦ ЗПТ ПОДПИСАТЬ ВАШ ЖУРНАЛ ТЧК НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ЭКИПАЖ АТОМОХОДА АРКТИКА ЛИШЕН ПОДПИСКИ ВАШ ЖУРНАЛ ПОЛНОСТЬЮ= КАПИТАН ГОЛОХВАСТОВ ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК ГУСЕВ ЗАМСЕКРЕТАРЯ ПАРТБЮРО ТРАВКИН ПРЕДСУДКОМА СЕВРОСТЬЯНОВ

В ОТДЕЛЕНИИ СОЮЗПЕЧАТЬ ШЕВЧЕНКОВСКОГО РАЙОНА КИЕВА ТРЕБУЮТ ПИСЬМЕННОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ МИНИСТРА СВЯЗИ О СОХРАНЕНИИ ЛЬГОТ НА ПОДПИСКУ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ ТАК КАК ЗАЯВЛЕНИЕ ЗАММИНИСТРА ТОВАРИЩА МАНЯКИНА ДАННОЕ В ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ ДЛЯ НИХ НЕ УКАЗ ПРОСИМ РАЗЪЯСНИТЬ СИТУАЦИЮ= УЧИТЕЛЯ СШ 93

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

Борис РЯЗАНЦЕВ,
Дмитрий ДЕБАБОВ (фото),
специальные корреспонденты «Огонька»

Еще год назад в такое вряд ли бы кто-нибудь поверил. А теперь в селе Тюнино Задонского района сразу трое мужиков купили тракторы. Живут рядом. Усадьба механизатора Валерия Кутьина разделяет дворы братьев Неплюевых. Младшего Андрея дома не застали — уехал продавать капусту и огурцы с огорода. Прицеп потащил, понятно, собственным трактором.

Подошло обеденное время, появился Валерий Кутьин. Выслушал просьбу нашу — показать покупку, отворил ворота и выехал на тракторе. Заглушив мотор, обошел машину. Не довелось мне видеть, как хозяин показывает ладных статей коня, но, вероятно, это выглядело примерно так же.

— Не слишком ли много лошадиных сил для одного подворья?

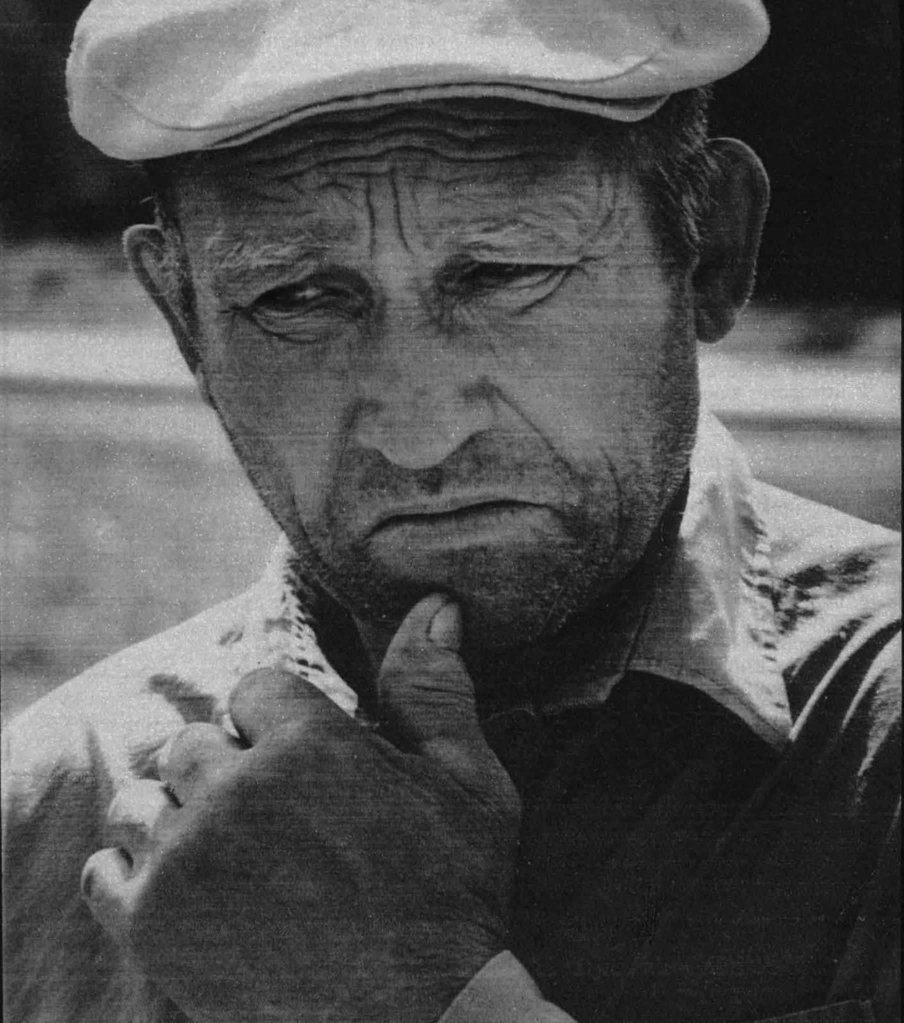
— Возьму патент, буду помогать соседям на огородах,— пояснил Валерий.

— А с оплатой как?

— Кто сколько даст,— ответил уклончиво.

НОВОСТЬ ИЗ ЛИПЕЦКА: МЕСТНАЯ КООПЕРАЦИЯ ПРОДАЕТ НАСЕЛЕНИЮ ТРАКТОРЫ. ЦЕНА — ОКОЛО ШЕСТИ С ПОЛОВИНОЙ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ.

К ЛОШАДЕЙ—И ВСЕ МОИ!

— А если совхоз попросит подсобить? На собственном тракторе? Конечно, не бесплатно?

— Ну, зачем я буду машину собственную гробить...

Иначе рассудил подъехавший Николай Иванович Неплюев:

— Я успел поработать на личном тракторе в питомнике — таскал тележку с саженцами, а то лесхозовская техника совсем никуда. Вот я и воспользовался собственной... Известно, что давно государственные тракторы пашут частные огороды. Известное дело, за бутылку, да не о том сейчас речь. Невыгодно технике простаивать, хоть государственной, хоть личной!

Николай Иванович еще поразмышлял вслух:

— Я видел, как мастера по ремонту телевизоров на собственных автомашинах обслуживают население. Администрация оплачивает им транспортные расходы. Почему же с трактором нельзя?

Валерий внимательно слушал соседа. Похоже, и он находил резон в его словах. Неплюев тем временем заговорил о том, как можно использовать личную технику для общей пользы. О том, как можно бы этому поспособствовать...

— А вы могли бы втроем объединиться? Арендовали бы у совхоза землю, договорились бы о наборе культур, а тракторы у вас свои...

— Подумать можно,— ответил Николай Иванович.— Отчего же... Многое в жизни ломать придется. Валере, скажем, проще. Он моложе и работает в совхозе. А я — в лесхозе. Участок мне дали строиться. Да и по дому дел хватает... Вот бычков взял на откорм. Сено теперь надо им готовить... Словом, подумать надо... Об инвентаре тоже. Неплохо бы к трактору и косилку, и плужок, и культиватор...

— Дай срок,— пообещал бывший тут же председатель Задонского райпо А. Кретинин.— Будут тебе и навесные орудия.

— Меньше руки об лопату бить будем... Побольше вырастим — рынок дешевле станет. Я так понимаю. А то иной раз на базаре от горожан такое услышишь!..

Пора представить виновника деревенского торжества: универсально-пропашной колесный трактор Т-40! Изделие производственного объединения «Липецкий тракторный завод». Машину эту хорошо знают в хозяйствах страны. И в сорока двух государствах за рубежом. Высок авторитет различных модификаций Т-40.

И все же то, что тракторами торгуют в розницу — факт сам по себе неожиданный. А почему в Липецкой области? Тут сказалось совпадение интересов производства и населения.

— С этого года мы работаем в новых условиях,— рассказал генеральный директор производственного объединения «Липецкий тракторный завод» Н. Г. Загорский.— Нам предоставлена возможность самостоятельно формировать производственную программу на тракторы этого типа. Иначе говоря, они не вошли в государственный заказ. Прав-

да, есть одна существенная оговорка — наши договорные планы должны составляться с учетом прямых долгосрочных связей. В них-то и неувязка. Многие поставщики продолжают работать только на госзаказ. Они снабдить нас нужными изделиями не могут — полностью не могут. Минавтопром не дает нам нужного количества подшипников, аккумуляторов, приборов, фонарей. Миннефтехимпром, в свою очередь не гарантирует поставки уплотнителей и шлангов высокого давления. Без них трактор не поедет...

Между тем у нас теперь есть право искать новых потребителей. Нашли! Заявок поступило на шестьдесят тысяч тракторов. Но мы в силах продать только сорок восемь с половиной тысяч Кстати, цифры наглядно говорят о популярности наших машин. Но... Судя по сдержанным телеграммам поставщиков, план наш под угрозой... А программа для завода — не формальность. Не сверху спущена, сами наметили. И реализация ее нужна коллективу, как кислород. От нее и социальное развитие, и техническое перевооружение...

Далее мы затеяли усовершенствовать модель, по существу, хотим выпускать новый, более мощный трактор с комфортабельной кабиной. В ней тише, а механизатор будет избавлен от вибрации. Управление станет удобнее, шире обзор...

Так вот, для Т-55, как он будет называться, мы успели построить новый корпус. И буквально на днях начнем выпуск первых из пяти тысяч машин. В будущем году десять тысяч дадим.

— А намерены ли вы выпускать навесные орудия?

— Обязательно. Со временем трактор будет укомплектован шлейфом — косилкой, культиватором, плугом. В самое ближайшее время вместе с машиной будет продаваться прицеп. Его нам предоставят по кооперации.

Как известно, предприятие имеет право торговать только оптом. Но Неплюевы, Кутьин и другие расплачивались за тракторы наличными. Посредником между заводом и владельцами стала потребительская кооперация. А кому принадлежит идея розничной продажи тракторов населению?

Замысел родился в облпотребсоюзе но, конечно, не без участия начальника управления сбыта тракторного завода Владимира Петровича Фролова. Именно через него и стало известно об их новой программе. Поначалу идея ошеломила дерзостью. А потом появился азарт: почему не попробовать? Давно пора развязать руки сельскому труженику. На протяжении десятилетий жителей деревни лишали возможности проявить свои исконные способности — трудолюбие, домовитость, сметку, предприимчивость, заботу о земле. Народ побежал от безысходности из села, деревни обезлюдели. Как их возродить, заселить? Вернуть жителям право на самостоятельность, на заинтересованную хозяйственную деятельность — вот чему поможет личный трактор.

Кстати, статистика утверждает, что всего три процента населения США работают в сельскохозяйственном производстве, кормят всю страну, еще и на экспорт хватает. А сильны тамошние фермеры разнообразной современной техникой. Трактор — первый помощник земли и хозяина.

Однако идею нужно материализовать. Тут-то и произошло доселе небывалое — идея сама пробивала себе дорогу. На каждом этапе согласований, утверждений, решений, короче, в любой инстанции она встречала поддержку. Словом, кооперация заключила договор с заводом на триста тракторов. Почти все мы уже распродали!

ОТ РЕДАКЦИИ: пока материал готовился к печати, Центросоюз распорядился продавать тракторы только садовоогородным товариществам и кооперативам. Хронические вывихи бюрократии трудно поддаются лечению.

ПАЛИТРА

В квартире Лансере после наводнения.
Фото Льва МЕЛИХОВА

СПАСТИ КОЛЛЕКЦИЮ?

В центре Москвы, на доме по улице Мархлевского, есть мемориальная доска. Здесь жил и работал прославленный живописец, один из основоположников «Мира искусства», Евгений Евгеньевич Лансере. В семье художника бережно хранится бесценное собрание рода Лансере-Бенуа, пронесенное сквозь пожары и голод не одной войны. Но страшнее всякой войны оказалась для коллекции атмосфера безразличия и халатности.

Ночью первого февраля 1987 года в выселенных комнатах над квартирой Лансере прорвало отопление. Кипяток хлынул на стены, где висели картины Лансере, Бенуа, Серебряковой, Сомова, Добужинского, Головина, Серова, Врубеля. Получила повреждение уникальная мебель, пострадали ценные реликвии, редкие книги.

Как следует из составленного акта, «починенные» утром батареи продолжали извергать кипяток еще четыре часа, пока отопление не было вовсе отключено.

В июне прошлого года «Московские новости» под заголовком «Хранить и преумножать» опубликовали отчет о первом заседании Московской организации Советского фонда культуры, в котором говорилось: «Для Москвы остро стоит вопрос сохранения творческого наследия. Предстоит установить опеку над коллекциями, собранными в семьях Е. Лансере, К. Мельникова, Б. Пастернака». Не опека, а скорая неотложная помощь требовалась позеленевшим потолкам, залитым ржавым кипятком картинам. После звонка первому секретарю райкома партии одного из руководителей фонда квартиру отремонтировали — через полгода... Почему же так сложно делается обязательное? Ведь именно Советам народных депутатов, согласно законодательству, доверена охрана памятников культуры.

Разговор с депутатом (теперь уже бывшим) райсовета Корниловой, которая была председателем комиссии по охране памятников истории культуры при Сокольническом исполкоме, коечто прояснил: «Мы ничего не слышали о коллекции Лансере. Но если бы даже слышали, то вряд ли что-то изменили. Видимо, не хватило бы специальных знаний». Очевидно, в подобные комиссии должны входить не просто энтузиасты, а квалифицированные специалисты, способные сказать веское слово по существу очень специфических проблем сохранения памятников.

Что же получается на деле? На сегодняшний день среди 800 депутатов, выбранных в Московский городской Совет, нет архитекторов, реставраторов, искусствоведов. Но кто же тогда вошел в комиссию по охране памятников при Моссовете? Кто будет курировать работу Главного управления культуры при Мосгорисполкоме?..

Пока еще коллекция дома Лансере жива и служит людям. Картины, графические работы постоянно экспонируются. Вот последние выставки: в 1986 году — экспозиция в музее Толстого, в 1987-м — выставка Серебряковой в Доме художника, выставка «Женский образ в русском искусстве XVIII—XX веков». А сколько удивительных открытий сделали работники крупнейших музеев страны, а так-

же Италии, Франции, Люксембурга, США, специалисты в области истории культуры и просто студенты, разбирая семейный архив, листая бережно хранимые в семье альбомы! Исследователи, авторы серьезных монографий о «Мире искусства», выражая глубокую признательность семье художника, подчеркивают необыкновенную ценность, уникальность коллекции. Все в ней подлинно — от пластилиновых всадников работы известного скульптора Е. А. Лансере, отца художника, до терракотовой «Египтянки» Врубеля. Все овеяно вдохновенным талантом художников: Лансере, его сестры Серебряковой, его дяди Александра Бенуа, их друзей и соратников по искусству.

В 1985 году на основании постановления Совета Министров СССР и Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» Главное управление культуры взяло коллекцию под охрану государства, а дом, где жил художник, включило в дополнительный список вновь выявленных памятников истории культуры, подлежащих охране. Как же так случилось, что два года спустя дом пришел в полное запустение, а коллекция чуть не погибла? Не кроется ли причина в том, что охранная грамота на деле охраняет коллекцию от... их владельцев? И называется она «Охранными обязательствами по использованию движимых памятников истории культуры, находящихся в личной собственности граждан». Там есть пункт, по которому владельцы «обязаны удовлетворять свои культурные потребности при использовании памятников истории и культуры в объеме, обеспечивающем их сохранность».

О сохранности вещей у нас печется Госстрах. Но страховка такой коллекции под силу «рисующим» деньги, а не картины. Что же делать семье художника, как спасти, отреставрировать пострадавшее? Остается суд. И знаете с кем? С ДЭЗ № 1. Со «стрелочником» в этом порочном кругу безалаберности и бесхозяйственности.

К. А. СОМОВ. 1869—1939.
ФЕЙЕРВЕРК.
1904.

З. Е. СЕРЕБРЯКОВА.
1884—1967.
Эскиз
к портрету О. К. Лансере.
1910.

М. А. ВРУБЕЛЬ. 1856—1910.
ЕГИПТЯНКА.
1899—1900.

Е. Е. ЛАНСЕРЕ. 1875—1946.
ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II
В ЦАРСКОМ СЕЛЕ.
1905.

Над домом, а значит, над коллекцией, над людьми висит к тому же дамоклов меч выселения — в связи с капитальным ремонтом. Хранение такой коллекции требует особых условий. Современные квартиры с железобетонными стенами ей категорически противопоказаны. Сохранить уникальную квартиру во время капитального ремонта, когда порой рушат и стены, значит не только спасти бесценную коллекцию, но и живой уголок нашей истории.

Уже в первые месяцы существования молодого Советского государства В. И. Лениным были намечены пути сохранения памятников культуры Отечества. Почему же теперь не находится времени у тех, кто должен решать вопрос о присвоении квартире статуса мемориальной? Сколько можно тянуть? Только ли официальное решение способно сохранить коллекцию? А общественное мнение?

«Египтянку» Врубеля, эскиз к портрету Серебряковой и многое другое удалось спасти. Но сколько еще предстоит спасать! Черно-белый снимок, который мы публикуем,— это SOS, посланный с надеждой.

Анна ГОДИК.

От редакции. Пока готовилась к печати эта статья, ушел из жизни старший из Лансере.

Судебный процесс с ДЭЗом пошел по накатанному пути переносов заседаний. А трубы опять потекли...

Принято считать, что писательская судьба Владимира Федоровича Тендрякова сложилась благополучно. 30 лет звучал в литературе его голос. Из года в год публиковались романы, повести, рассказы. На сценах многих театров страны шли его пьесы, экранизировались и ставились фильмы. У Владимира Федоровича был преданный ему читатель, слушатель, зритель. Внешне его биография бедна событиями — с 18 лет солдат, три года передовой, тяжелое ранение, учеба в институте, а дальше — дальше писательский стол. Ежедневный каторжный труд. Скупой «послужной» список — не избирался, не выдвигался, не занимал командных постов, не сидел в президиумах, не руководил, не награждался... Список с подобными «не» можно было бы продолжить. Но суть в ином — глубокая, бескомпромиссная сосредоточенность, непрерывная работа души и ума и непреходящее чувство личной сопричастности всему происходящему. Глухо закрытый от внешней суеты, он был всегда открыт чужой боли, страданию и надежде.

Казалось бы, что может быть счастливее такой судьбы? Но все, что было опубликовано при жизни, лишь видимая часть айсберга. Убежденный, что без читателя писателя не существует, Владимир Федорович Тендряков с ожесточенным упорством, год за годом писал рукописи, которые были арестованы временем и на десятилетия сосланы в стол. Привычным для меня стал его немой вопрос, который означал примерно следующее: «Ну как?! Еще продержимся на плаву без публикаций?» Он с головой уходил в работу, отлично осознавая, что новое, а значит, самое дорогое детище еще долго не увидит света. Но иначе не мог. Год за годом росли горы неизданного. Только сейчас, прикасаясь к тому, что уже положено называть словом «архив», понимаешь, каким напряженным и интенсивным был его поиск. Уже после ухода из жизни Владимира Федоровича читатель узнал роман «Покушение на миражи», повесть «Чистые воды Китежа», рассказы, опубликованные в журналах «Дружба народов» и «Новый мир». И это лишь небольшая часть освобожденных рукописей. Пакет публицистики практически еще не распечатан. Одна из статей сегодня предлагается на суд читателя. Возможность этих публикаций продиктована временем, приход которого в какой-то степени всем своим творчеством упорно вызывал к жизни писатель. Написанная много лет назад, в 1970 году, статья «Культура и доверие» обращена в наш день и в день завтрашний. На полях этой рукописи осталась надпись: «Люблю наше Время, удивляюсь ему, страдаю за него, страдаю от него и жду, жду счастливых в нем перемен».

Наталия
АСМОЛОВА-ТЕНДРЯКОВА

Владимир ТЕНДРЯКОВ

КУЛЬТУРА И ДОВЕРИЕ

Навряд ли найдется такой прекраснодушный идеалист, который бы считал, что противоречия, существующие в мире, просты и преодолеть их не представляет больших затруднений. Но столь же очевидно для всех и другое — эти противоречия не будут преодолены, если не станет происходить сближения национальных культур, их взаимопроникновения <...>

Чем активнее культурное влияние нации, тем большее ее значение в мире. Собственно, именно в этом и проявляется самоутверждение народа.

Мы, русские, вправе гордится тем, что наша классическая литература XIX века проникла во все уголки земного шара. Пожалуй, можно без обиняков говорить о всемирной русской «литературной оккупации», которая не только не ущемляла чьи-либо интересы, а, напротив, щедро одаривала, с благодарностью воспринималась.

Но могла ли Россия культурно влиять на мир, не получив прежде самого мощного культурного заряда со стороны Запада? Без вольнолюбивых французских веяний, без немецкой философии, без Шекспира, Руссо, Вольтера, Байрона, Гете русская литература не достигла бы своего величия.

В мире материальных благ дающий оскудевает. В мире же духовных благ дающий обогащает и других, и себя.

Национальная культура становится по-настоящему значительной тогда только, когда перерастает узконациональные рамки, воспринимается иными нациями. А этот естественный процесс неизбежно объединяет народы.

Но все принимает совершенно другой оборот, если национальное подменяется националистическим. Эти два, казалось бы, сходных понятия, прямо противоположны по существу.

Думается, только озлобленный или с извращенной психикой человек способен не любить то, что породило и вырастило его — свою страну, свой народ. Предпочитать родное чужому — нормальное явление, которое не может быть поводом ни для похвалы, ни для осуждения.

Деятель культуры более чем когда-либо должен любить свое национальное. Любить — да! Но любовь-то проявляется по-разному. Сколько матерей искалечили своих детей, когда всепрощающе и самоотреченно любили в них все без разбору, даже очевидные пороки. И качественно иной будет любовь той матери, которая во имя своей самоотреченной любви способна ненавидеть пороки сына. В одном случае чувство простое, неосмысленное и неуправляемое, в другом — осмысленное, сложное до противоречивости. Одно несет в себе разрушительные последствия, другое — созидательно по своей сути.

Сильно, но бесхитростно прямолинейно любящий национальные особенности своего народа деятель культуры может впасть в опасный грех любвеобильной, но неразумной матери. Все, что присуще народу, все, что ни возникает внутри нации, свято, достойно только восхищения. И тот, кто смеет относиться к ней с трезвой критичностью, в глазах любящего деятеля — по меньшей мере неблагодарный сын своего народа, если не прямой враг.

Люди моего поколения хорошо помнят то время, когда восторженная любовь ко всему русскому доходила до курьезности. В одном из изданий пушкинской «Сказки о царе Салтане» вместо слов «за морем житье не худо» стояли точки, даже в этой весьма безобидной фразе усматривали нечто умаляющее наше национальное достоинство... И с апломбом прославлялись высокие качества русского мужика, и считалось едва ли не преступным говорить о незавидном положении, в каком находился этот русский мужик в те годы.

Нужно ли доказывать, какой вред нации приносит проявление такой любви. Она порождает враждебность к какому бы то ни было осмыслению жизни. Национальное развитие, его противоречия, осложнения, наболевшие проблемы — под запретом. Слепое преклонение лишает нацию самого важного — разумного подхода.

Но это еще только одна сторона дела. Безобидное на первый взгляд утверждение влюбленного в родину писателя: русская рябина самая сладкая, русские обычаи самые колоритные — уже содержит скрытое превосходство над другими. Подобные безобидные утверждения, накапливаясь, имеют тенденцию перерастать в новое, уже совсем небезобидное качество. Многократные повторения о несравнимом вкусе рябины, красоте берез, неповторимости обычаев и пр., и пр. в конце концов превращаются в декларацию исключительности своей нации. И непризнание этой исключительности, равнодушие к ней начинает восприниматься как оскорбительный акт, на который, в свою очередь, следует отвечать оскорбительным выпадом. И неизбежное следствие при этом — вражда.

Декларативное утверждение национальных достоинств ничего не имеет общего с национальным самовыражением. Нет ничего сложнее, чем бытие целой нации, а потому, и ее выражение не может быть декларативно простым.

Азбучно: культурный опыт народа идет от жизни, от существующих в ней противоречий, часто весьма острых и болезненных, от преодоления неизбежных проторей и убытков. И не азбучно ли, что передать опыт, не упоминая то, на чем он основан, просто невозможно?

Выражать свои протори и убытки — не значит ли признаваться в своей слабости? Не отпугнет ли это друзей, не вызовет ли торжество врагов? Не лучше ли умолчать, скрыть, выставить напоказ лишь свои достоинства?

Неискренность никогда еще не помогала завоевывать сторонников, следовательно, и укреплять свои позиции. Наоборот, открытое признание трудностей — всегда признак силы и уверенности в себе.

И вот наглядный пример из истории нашей культуры. Сразу же после гражданской войны, которая кончилась для большевиков победоносно, выходит повесть, ярко рассказывающая, нет, не о победе, а о... разгроме. Эту повесть написал отнюдь не пораженец, а человек, который сам с винтовкой в руках завоевывал победу. И все-таки афиширование разгрома, то есть значительной неудачи, произведение не в пользу победителей, умаляющее их значение?.. Ан нет! Повесть произвела столь оглушающее впечатление, что даже в лагере врагов раздались уважительные голоса. Могла ли подобную реакцию вызвать книга, самовосхваляющая победность?

Мы пережили революцию, мы выстояли в гражданскую, ликвидировали разруху, мы знаем цену, которую заплатили за коллективизацию и индустриализацию, знаем цену победы в самой жестокой из всех войн в истории человечества. Утверждать тут, что этот путь мы прошли, не испытывая ни трудностей, ни болезненных осложнений, не совершая роковых ошибок, значит, не просто наивно скрывать, а намеренно лгать. Народный опыт даже трагический составляет культурную силу нации.

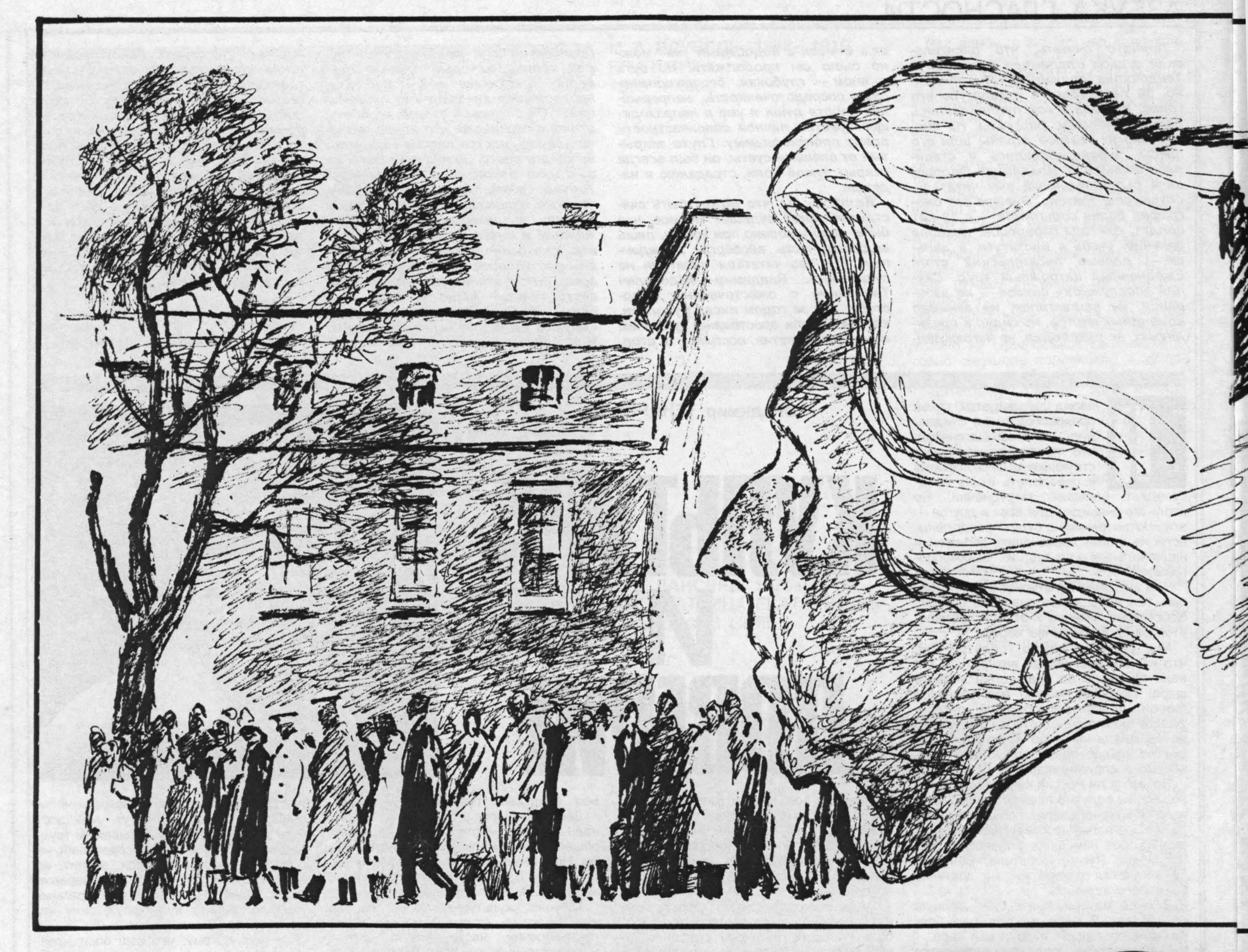
Именно потому, что наш опыт чрезвычайно богат и болезнен, он представляет жизненно важную ценность для народов. В нем нуждаются, его ждут!

Декларация в пользу нации обуянных любовным экстазом неискушенных деятелей, претендующих на участие в культурном движении, не содержит ничего национального — просто проявление национализма. Между национальным и национализмом такая же несовместимая разница, как между городом и огородом, государем и милостивым государем. Национальное, как правило, представляет общечеловеческую ценность, национализм вреден даже для той нации, в недрах которой он родился. Выражение национального — объединяющая мир сила. Проявление национализма препятствует объединению, порождает недоверчивость и вражду.

Конечно, установление на планете климата доверия и сотрудничества не ограничивается лишь культурным обменом, и без этого возможно представить некое международное сотрудничество — скажем, экономическое. Но доверие, духовное сближение исключено! Только тот писатель, который несет свою национальную культуру другим народам, способствует возвышению нации, заставляя признать за нею высокое право быть просветителем человечества.

Еще раз напомню: отдающий свои духовные богатства не оскудевает, наоборот, сам приобретает многое.

Публикация Наталии
АСМОЛОВОЙ-ТЕНДРЯКОВОЙ

ДОКТО

Андрей БИТОВ

Рассказ

Памяти Е. Ральбе

Солнечный день напоминает похороны. Не каждый, конечно, а тот, который мы и называем солнечным,— первый, внезапный, наконец-то. Он еще прозрачен. Может, солнце и ни при чем, а именно прозрачность. На похоронах прежде всего бывает погода.

...Умирала моя неродная тетя, жена моего родного дяди.

Она была «такой живой человек» (слова мамы), что в это трудно было поверить. Живой она действительно была, и поверить действительно было трудно, но на самом деле она давно готовилась, пусть втайне от себя.

Сначала она попробовала ногу. Нога вдруг разболелась, распухла и не лезла в обувь. Тетка, однако, не сдавалась, привязала к этой «слонихе» (ее слова) довоенный тапок и так выходила к нам на кухню мыть посуду, а потом приезжал Александр Николаевич, шофер, и она ехала в свой институт (экспертизы трудоспособности), потом на заседание правления общества (терапевтического), потом в какую-то инициативную группу выпускниц (она была бестужевка), потом на некий консилиум к какому-нибудь титулованному бандиту, потом сворачивала к своим еврейским родственникам, которые, по молчаливому, уже сорокалетнему, сговору, не бывали у нас дома, потом возвращалась на секунду домой, кормила мужа и тяжело решала, ехать ли ей на банкет по поводу защиты диссертации ассистентом Тбилисского филиала института Нектором Бериташвили: она очень устала (и это было больше, чем так) и не хочет ехать (а это было не совсем так). Втайне от себя она хотела ехать (повторив это «втайне от себя», я начинаю понимать, что сохранить до старости подобную эмоциональную возможность способны только люди, очень... живые? чистые? добрые? хорошие? — я проборматываю это невнятное, несуществующее уже слово — втайне от себя самого...). И она ехала, потому что принимала за чистую монету и любила все человеческие собрания, питала страсть к знакам внимания, ко всему этому глазету почета и уважения, и даже, опережая возможную иронию, обучила наше кичливое семейство еврейскому словечку «ковод», которое означает уважение, вовсе не обязательно идущее от души и сердца, а уважение по форме, по штату, уважение как проявление, как таковое. (У русских нет такого понятия и слова такого нет, и тут, с ласковой улыбкой тайного от самого себя антисемита, можно сказать, что евреи — другой народ. Нет в нашем языке этого неискреннего слова, но в жизни оно завелось и к тому же почему все так убеждены в искренности хамства?..) «Понимаешь, Дима,— говорила она мужу,— он ведь сын Вахтанга, ты помнишь Вахтанга?» — И, сокрушенно вздохнув, она ехала. Желания ее все еще были сильнее усталости. Мы теперь не поймем этого — раньше были другие люди.

Наконец она возвращалась, задерживалась она недолго, исключительно на торжественную часть,

Р

Рисунок Петра ПИНКИСЕВИЧА

которую во всем очень трогательно любила, наполняя любую мишуру и фальшь своим щедрым смыслом и верой. (Интересно, что они искренне считали себя материалистами — эти люди, которыми мы не будем; надо обладать исключительной... тоже невнятное слово,— чтобы исполнить этот парадокс.) Итак, она быстро возвращалась, потому что, плюс к ноге, страдала диабетом и не могла себе на банкете ничего позволить, но возвращалась она навеселе: речи торжественной части действовали на нее, как шампанское,— помолодевшая, разрумянившаяся, бодро и счастливо рассказывала мужу, как все было хорошо, тепло... Постепенно прояснялось, что лучше всех сказала она сама... И если в это время смотреть ей в лицо, трудно было поверить, что ей вот-вот восемьдесят, что у нее — нога, но нога — была: она была привязана к тапку, стоило опустить глаза. И, отщебетав, напоив мужа чаем, когда он ложился, она наполняла таз горячей водой и долго сидела, опустив туда ногу, вдруг потухнув и оплыв, «как куча» (по ее же выражению). Долго так сидела, как куча, и смотрела на свою мертвую уже ногу.

Она была большой доктор.

Теперь таких докторов НЕ БЫВАЕТ. Я легко ловлю себя на том, что употребляю готовую формулу, с детства казавшуюся мне смешной: мол (с «трезвой» ухмылкой), всегда все было — так же, одинаково, не лучше... Я себя легко ловлю и легко отпускаю: с высоты сегодняшнего опыта формула «теперь не бывает» кажется мне и справедливой, и правильной — выражающей. Значит, не бывает... Не то, чтобы тетка всех вылечивала... Как раз насчет медицины заблуждений у нее было меньше всего. Не столько она считала, что всем можно помочь, сколько — что всем *нужно*. Она хорошо знала не в словах, не наукой, а вот тем самым..., что помочь *нечем*, а тогда, если уж есть хоть немножко *чем* помочь, то вы могли быть уверены, что она сделает *все*. Вот эта неспособность сделать хотя бы и чуть-чуть НЕ ВСЕ и эта потребность сделать именно СОВСЕМ ВСЕ, что возможно,— этот императив и был сутью «старых докторов, каких теперь не бывает», и каким она, последняя, была. И было это вызывающе просто. Например, если ты простужен, она спросит, хорошо ли ты спишь; ты удивишься: при чем тут сон? — она скажет: кто плохо спит — тот зябнет, кто зябнет — тот простужается. Она даст тебе снотворное от простуды (аллергия все еще была выдумкой капиталистического мира), а тебе вдруг так ласково и счастливо станет от этого забытого темпа русской речи и русских слов: зя-бнет... Что — все правильно, все в порядке, все впереди... померещится небывалое утро с серым небом и белым снегом, температурное счастье, кто-то под окном на лошадке проехал, кудрявится из трубы дым... Скажешь: нервы шалят, что-нибудь, тетя, от нервов бы... Она глянет ледяно и приговорит: возьми себя в руки, ничего от нервов нет. А однажды, ты и не попросишь ничего, сунет в руки справку об освобождении: видела, ты вчера вечером курил на кухне — отдохнуть тебе надо.

И если бы некий наблюдательный интеллектуал сформулировал бы, хотя бы вот так, ей ее же — она не поймет; о чем это ты? — пожмет плечами. Она не знает механизмов опыта! Как она входит к больному!.. никаким самообладанием не совершишь над собой такой перемены! она — просто меняется, и все. Ничего, кроме легкости и ровности,— ни восьмидесяти лет, ни молодого красавца мужа, ни тысяч сопливых, синих, потных, жалких, дышащих в лицо больных — никакого опыта, ни профессионального, ни личного, ни тени налета ее самой, со своей жизнью, охотной жизнью. Как она дает больному пожаловаться! как утвердительно спросит: очень болит? Именно — ОЧЕНЬ. Никаких «ничего» или «пройдет» она не скажет. В этот миг только двое во всем мире знают, как болит: больной и она. Они — избранные боли. Чуть ли не гордится больной после ее ухода своею посвященностью. Никогда в жизни не видать мне больше такой способности к *участию*. Зачета по участию не сдают в медвузе. Тетка проявляла участие мгновенно, в ту же секунду отрешаясь навсегда от своей старости и боли: стоило ей обернуться и увидеть твое лицо, если ты и впрямь был болен,— со скоростью света на тебя проливалось ее участие, то есть полное отсутствие участвующего и полное чувство, как тебе, каково. Эта изумительная способность, лишенная чего бы то ни было, кроме самой себя, со-чувствие в чистом виде стало для меня Суть доктора, Имя врача. И никакой фальши, ничего наигранного, никаких мхатовских «батенек» и «голубчиков» (хотя она свято верила во МХАТ и, когда его «давали» по телевизору, усаживалась в кресло с готовым выражением удовлетворения, которое, не правда ли, Димочка, ничто современное уже не может принести... ах, Качалов-Мачалов! Тарасова — идеал красоты... при слове «Анна» поправляется дрожащей рукой пышная прическа...).

С прически я начинаю ее видеть. До конца дней носила она ту же прическу, что когда-то больше всех ей шла. Как застрял у девушки чей-то комплимент: волосы, мол, у нее прекрасные,— так и хватило ей убежденности в этом на полвека и на весь век, так и взбивалась каждое утро седоватая, чуть стрептоцидная волна и втыкался — руки у нее сильно дрожали — втыкался в три приема: туда-сюда, выше-ниже и наконец точно в середину, всегда в одно и то же место — черепаховый гребень. Очень у нее были ловкими ее неверные руки, и эта артиллерийская пристрелка тремора: недолет — перелет (узкая вилка) — попал — тоже у меня перед глазами. То есть перед глазами у меня еще и ее руки, ходящие ходуном, но всегда попадающие в цель, всегда что-то делающие... (Это сейчас не машинка у меня бренчит — а тетка моет посуду, это ее характерное позвякивание чашек о кран; если она била чашку, что случалось, а чашки у нее были дорогие, то ей, конечно, было очень жаль чашки, но — с какой непередаваемой женственностью, остановившейся тоже во времена первой прически,— она тотчас объявляла о случившемся всем кухонным свидетелям, как о вечной своей милой оплошности: мол, опять...— даже фигура менялась у нее, когда она сбрасывала осколки в мусорное ведро, даже изгиб талии — какая уж там талия!— и наклон головы были снова девичьими... потому что самым запретным поведением свидетелей в таком случае могла быть лишь жалость — замечать за ней возраст было нельзя.) Мне и сейчас хочется поцеловать тетку (чего я никогда не делал, хотя и любил ее больше многих, кого целовал) вот при этом позвякивании чашек о кран.

Она сбрасывала 50 или 100 рублей в ведро жестом очень богатого человека, опережая наш фальшивый хор сочувствия... а дальше было самое для нее трудное, но она была человек решительный — не мешкала, не откладывала: на мгновение замирала она перед своей дверью с разностью чашек в руках — становилась еще стройнее, даже круглая спина ее становилась прямой, трудно было не поверить в этот оптический обман... и тут же распахивала дверь и впархивала чуть ли не с летним щебетом серовского утра десятых годов той же своей юности: мытый солнечный свет сквозь мытую листву испещрил натертый паркет, букет рассветной сирени замер в капельках, чуть ли не пеньюар и этюд Скрябина... будто репродукция на стене и не репродукция, а зеркало: «Дима! такая жалость, я свою любимую китайскую чашку разбила!..»

Ах, нет! мы всю жизнь помним, как нас любили...

Дима же, мой родной разлюбимый дядя, остается у меня в этих воспоминаниях за дверью, в тени, нога на ногу, рядом с букетом, род букета — барабанит музыкальными пальцами хирурга по скатерти, ждет чаю, улыбается внимательно и мягко, как хороший человек, которому нечего сказать.

Значит, сначала я вижу ее прическу (вернее, гребень), затем — руки (сейчас она помешивает варенье; медный начищенный старинный (до катастрофы) таз, как солнце, в нем алый слой отборной, самой дорогой базарной клубники, а сверху по-голубому сверкают грубые и точные осколки большого старинного сахара (головы),— все это драгоценно: корона, скипетр, держава — все вместе (у нас в семействе любят сказать, что тетка величественна, как Екатерина),— и над всей этой империей властвует рука с золотою ложкой — ловит собственное дрожание и делает вид, что ровно такие движения и собиралась делать, какие получились (все это очень живописно: управление случайностью как художественный метод...).

Я вижу гребень, прическу, руки... и вдруг отчетливо, сразу — всю тетку: будто я тер-тер старательно переводную картинку и, наконец, задержав дыхание, муча собственную руку плавностью и медленностью, отклеил, и вдруг — получилось! нигде пленочка не порвалась: проявились яркие крупные цветы ее малиновой китайской кофты (шелковой, стеганой), круглая спина с букетом между лопаток и — нога с прибинтованным тапком. Цветы на спине — пышные, кудрявые, китайский род хризантем; такие любит она получать к непреходящему своему юбилею (каждый день нам приносят корзину от благодарных, и комната тети всегда, как у актрисы после бенефиса; каждый день выставляется взамен на лестницу очередная завядшая корзина...). Цветы на спине — такие же в гробу.

В нашем обширном, сообща живущем семействе был ряд узаконенных формул восхищения теткой, не знаю только вот, в виде какого коэффициента вводились в них анкетные данные — возраст, пол, семейное положение и национальность. Конечно, наше семейство было слишком интеллигентно, чтобы опускаться до уровня отдела кадров. О таких вещах никогда не говорилось, но стопроцентное молчание всегда говорит за себя: молчание говорило, что об этих вещах не говорилось, а — *зналось*. Она была на пятнадцать лет старше дядьки, у них не было детей, и она была еврейка. Для меня, ребенка, подростка, юноши, у нее не было ни пола, ни возраста, ни национальности; в то время как у всех других родственников эти вещи были. Каким-то образом здесь не наблюдалось противоречия.

Мы все играли в эту игру: безусловно принимать все заявленные ею условности,— наша снисходительность поощрялась слишком щедро, а наша неуклюжая сцена имела благодарного зрителя. Неизвестно кто кого переигрывал в благородстве, но переигрывали все. Думаю, что все-таки она могла видеть кое-что сверху,— не мы. Не были ли ее, вперед выдвинутые условности высокой реакцией на нашу безусловность?.. Не оттого ли единственным человеком, которого она боялась и задабривала сверх всякой меры, была Павловна — наша кухарка: она могла и не играть в нашу игру, и уж она-то знала и то, что еврейка, и то, что старуха, и то, что муж... и то, что детей... Что смерть близка. Павловна умела это свое знание нехитрое, но беспощадно-точное, с подчеркнутым подобострастием обнаруживать, так и не доходя до словесного выражения, и за это свое молчание, с суетливой благодарностью, брала сколько угодно и чем попало, хоть теми же чашками.

Мы и впрямь любили тетку, но любовь эта еще и декларировалась. Тетка была — Человек! Это звучит горько: как часто мы произносим с большой буквы, чтобы покрыть именно анкетные данные, автоматизм нашей собственной принадлежности к роду человеческому приводит к дискриминации. Чрезмерное восхищение чьими-либо достоинствами всегда пахнет. Либо подхалимством, либо апартеидом. Она была человек... большой, широкий, страстный, очень живой, щедрый и очень заслуженный (ЗДН — заслуженный деятель науки; у нее было и это звание). В общем, теперь я думаю, что все сорок лет своего замужества она работала у нас тетей со всеми своими замечательными качествами и стала как родная. (Еще и потому у них с Павловной могло возникать особое взаимопонимание; та ведь тоже была — Человек...)

Мы имели все основания возвеличивать ее и боготворить: столько, сколько она для всех сделала, не сделал никто из нас даже для себя: она спасла от смерти меня, брата и трижды дядьку (своего мужа). А сколько она помогала так, просто (без угрозы для жизни),— не перечислить. Этот список рос и канонизировался с годами, по отступающим пунктам списка. Об этом, однако, полагалось напоминать, а не помнить, так что это вырвалось у меня сейчас правильно: как родная... И еще, что я узнал, значительно позже, после ее смерти, она была как жена. Оказывается, все эти сорок лет они не были зарегистрированы. Эта старая новость сразу приобрела легендарный шик независимости истинно порядочных людей от формальных и несодержательных форм. Остальные, однако, были зарегистрированы. Сошло время — илистое дно. Ржаво торчат конструкции драмы. Это, оказывается, не жизнь, а сюжет. Он — неживой от пересказа: годы спустя в нашем семействе прорастает информация в форме надгробия.

А я из него теперь сооружаю постамент...

Она была большой доктор, и мне никак не отделаться от недоумения: что же она сама знала о своей болезни?.. То кажется: не могла же не знать!.. то — ничего не знала.

Она попробовала ногу, а потом попробовала инфаркт.

От инфаркта у нее чуть не прошла нога. Так или эдак, но из инфаркта она себя вытянула. И от сознания, что на этот раз проскочила (это в данном случае она как врач могла сказать себе с уверенностью), так приободрилась и помолодела, и даже ногу обратно уместила в туфлю, что мы все не нарадовались. Снова пошли заседания, правления, защиты, консилиумы (вылечи убийцу! — безусловно, святой принцип Врача... но нельзя же лечить их старательней и ответственней, чем потенциальных их жертв?.. однако можно: закон жив там, где живы его парадоксы — как в Англии...)... и вот я вижу ее снова на кухне, повелевающую сверкающим солнцем-тазом.

Однако таз этот взошел ненадолго.

Тетка умирала. Это уже не было ни для кого... кроме нее самой. Но и она так обессилела, что, устав, забывшись, каждый день делала непроизвольный шажок к смерти. Но потом спохватывалась и снова не умирала. У нее совсем почернела нога, и она решительно настаивала на ампутации, хотя всем, кроме нее... что операция ей уже не по силам. Нога, инфаркт, нога, инсульт... И тут она вцепилась в жизнь с новой силой, которой, из всех нас, только у нее и было столько.

Кровать! Она потребовала другую кровать. Почему-то она особенно рассчитывала на мою физическую помощь. Она вызывала меня для инструкций, я плохо понимал ее мычание, но со всем соглашался, не видя большой сложности в задании. «Повтори»,— вдруг ясно произнесла она. И — ах!! — с какой досадой отвернулась она от моего непарализованного лепета.

Мы внесли кровать. Это была специальная кровать, из больницы. Она была тем неуклюжим образом осложнена, каким только могут осложнить вещь люди, далекие от техники. Конечно, ни одно из этих приспособлений, меняющих положение тела, не могло действовать. Многократно перекрашенная тюремной масляной краской, она утратила не только форму, но и контур,— стала в буквальном смысле нескладной. Мы внесли этого монстра в зеркально-хрустально-ковроно-полированный теткин уют, и я не узнал комнату. Словно бы все вещи шарахнулись от кровати, забились по углам, сжались в предчувствии социальной перемены: на самом деле просто кровати было наспех подготовлено место. Я помню это нелепо-юное ощущение мышц и силы, преувеличенное, не соответствовавшее задаче грузчика: мускулы подчеркнуто, напоказ жили для старого, парализованного, умирающего человека,— оттого особая неловкость преследовала меня: я цеплял за углы, спотыкался, бился костяшкой, и словно кровать уподобляла меня себе.

Тетка сидела посреди комнаты и руководила вносом. Это я так запомнил — она не могла сидеть посредине, она не могла сидеть, и середина была как раз очищена для кровати... Взор ее пылал каким-то угольным светом, у нее никогда не было таких глубоких глаз. Она страстно хотела перелечь со своего сорокалетнего ложа, она была уже в той кровати, которую мы еще только вносили,— так я ее и запомнил посредине. Мы не должны были повредить «аппарат», поскольку ничего в нем не смыслили, мы должны были «его» чуть раздвинуть и еще придвинуть и выше-ниже-выше установить его намертво-неподвижные плоскости, и все у нас получалось не так, нельзя было быть такой бестолочью, видно, ей придется самой... У меня и это впечатление осталось, что она сама наконец поднялась, расставила все как надо — видите, нехитрое дело, надо только взяться с умом — и, установив, легла назад, в свой паралич, предоставив нам переброску подушек, перин и матрацев, более доступную нашему развитию, хотя и тут мы совершали вопиющие оплошности. Господи! за тридцать лет она не изменилась ни капли. Когда мы, в блокадную зиму, пилили с ней в паре дрова на той же кухне, она, пятидесятилетняя, точно так сердилась на меня, пятилетнего, как сейчас. Она обижалась на меня до слез в споре, кому в какую сторону тянуть, пила наша гнулась и стонала, пока мы спасали пальцы друг друга. «Ольга! — кричала она наконец моей матери.— Уйми своего хулигана! Он меня сознательно изводит. Он нарочно не в ту сторону пилит...» Я тоже на нее сильно обижался, даже не на окрик, а на то, что меня заподозрили в «нарочном», а я был совсем без задней мысли, никогда бы ничего не сделал назло или нарочно... я был тогда ничего, неплохой, мне теперь кажется, мальчик. Рыдая, мы бросали пилу в наполовину допиленном бревне. Минут через десять, веселая, приходила она со мной мириться, неся «последнее», что-то мышиное: не то корочку, не то крошку. Вот так, изменился, выходит, один я, а она все еще не могла свыкнуться с единственной предстоящей ей за жизнь переменой: в Тот мир она, конечно, не верила (нет! так я и не постигну их поколение: уверенные, что Бога нет, они выше меня несли христианские заповеди...).

Мы перенесли ее; она долго устраивалась с заведомым удовлетворением, никогда больше не глядя на покинутое супружеское ложе. Мне почудился сейчас великий вздох облегчения, когда мы отрывали ее от него: из всего, что она продолжала, несмотря на свой медицинский опыт, не понимать, вот это, видимо, она поняла необратимо: никогда больше она в ту кровать не вернется... Мы не понимали, мы, как идиоты, ничего не понимали из того, что она прекрасно, лучше всех знала: что такое больной, каково ему и что на самом деле ему нужно,— теперь она сама нуждалась, но никто не мог ей этого долга возвратить. И тогда, устроившись, она с глубоким нервным смыслом сказала нам «спасибо», будто мы и впрямь что-то сделали для нее, будто мы понимали... «Очень было тяжело?» — участливо спросила она меня. «Да нет, что ты, тетя!.. Легко». Я не так должен был ответить.

Кровать эта ей все-таки тоже не подошла: она была объективно неудобна. И тогда мы внесли последнюю, бабушкину, на которой мы все умирали... И вот уже на ней, в последний раз подправив подушку, разгладив дрожащей рукой ровненький отворот простыни на одеяле, прикрыв глаза, она с облегчением вздохнула: «Наконец-то мне удобно». Кровать стояла в центре комнаты, как гроб, и лицо ее было покойно.

Именно в этот день внезапно скончалась та, другая женщина, тот самый сюжет...

Тетка ее пережила. «Наконец-то мне удобно...»

Кровать стояла посреди странно опустевшей комнаты, где вещи покидают хозяина чуть поспешно, на мгновение раньше, чем хозяин покидает их. У них дешевые выражения лиц; эти с детства драгоценные грани и поверхности оказались просто старыми вещами. Они чураются этого железного в середине, они красные, они карельские... Тетке удобно.

Она их не возьмет с собою...

Но она их взяла.

В середине кургана стоит кровать, в ней удобно полусидит, прикрыв веки и подвязав челюсть, тетка в своей любимой китайской кофте с солнечным тазом, полным клубничного варенья, на коленях, в одной руке у нее стетоскоп, в другой — американский термометр, напоминающий часовой механизм для бомбы; аппарат Рива-Роччи — в ногах... не забыты и оставшиеся в целых чашки, диссертация, данная на отзыв, желтая Венера Милосская, с которой она (по рассказам) пришла к нам в дом... дядька, за ним шофер скромно стоят рядом, уже полузасыпанные летящей сверху землею... к ним бесшумно съезжает автомобиль со сверкающим оленем на капоте (она его регулярно пересаживает с модели на модель, игнорируя, что тот вышел из моды...), значит, и олень здесь... да и вся наша квартира уже здесь, под осыпающимся сверху рыхлым временем, прихватывающим и все мое прошлое с осколками блокадного льда, все то, кому я чем обязан, погружается в курган; осыпается время с его живой человечностью, со всем тем, чего не снесли их носители, со всем, что сделало из меня то жалкое существо, которое называют, по общим признакам сходства, человеком, то есть со мною... но сам я успеваю, бросив последнюю лопату, мохнато обернуться в черновато-мерцающую теплоту честной животности...

Ибо с тех пор как их не стало, сначала моей бабушки, которая была еще лучше, еще чище моей тетки, а затем тетки, эстафетно занявшей место моей бабушки, а теперь это место пустует для... я им этого не прощу. Ибо с тех пор как не стало этих последних людей, мир лучше не стал, а я стал хуже.

Господи! после смерти не будет памяти о Тебе! Я уже заглядывал в твой лик... Если человек сидит в глубоком колодце, отчего бы ему не покажется, что он выглядывает ИЗ мира, а не В мир? А вдруг там, если из колодца-то выбраться,— на все четыре стороны ровно-ровно, пусто-пусто, ничего нет? Кроме дырки колодца, из которого ты вылез? Надеюсь, что у Тебя слегка пересеченная местность...

За что посажен, пусть малоспособный, но старательный ученик на дно этого бездонного карцера и позабыто о нем? Чтобы я всю жизнь наблюдал эту одну звезду, пусть и более далекую, чем видно не вооруженному колодцем глазу?! Я ее уже усвоил.

Господи! дядя! тетя! мама! плачу...

Солнце. То самое солнце, с которого я начал.

Бывают такие уголки в родном городе, в которых никогда не бывал. Особенно по соседству с достопримечательностью, подавившей собою окрестность. Смольный, слева колокольня Смольного монастыря — всегда знаешь, что они там, что приезжего приведут именно сюда, и отношение к ним уже не более как к открытке. Но вот приходится однажды разыскивать адрес (оказывается, там есть еще и дома, и улицы, там живут...), и — левее колокольни, левее обкома комсомола, левее келейных сот...— кривая улица (редкость в Ленинграде), столетние деревья, теткин институт (бывший Инвалидный дом, оттого такой красивый; не так уж много настроено медицинских учреждений — всегда наткнешься на старое здание...), и — так вдруг хорошо, что и глухой забор покажется красотою. Все здесь будто уцелело, в тени достопримечательности... Ну, проходная вместо сторожевой будки, забор вместо ликвидированной решетки... зато ворота еще целы, и старый инвалид-вахтер на месте у ворот Инвалидного дома (из своих, наверно). Кудрявые барочные створки предупредительно распахнуты, я, наконец, прочитываю на доске, как точно именуется теткино учреждение (Минздрав, облисполком... очень много слов заменило два — Инвалидный дом), мне приходится посторониться и пропустить черную «Волгу», в глубине которой сверкнул эполет; вскакивает на свою культю инвалид, отдает честь; приседая, с сытым шорохом по кирпичной дорожке удаляется генерал в шубе из черноволги; я протягиваюсь следом, на «территорию». «Вы на похороны?» — спрашивает инвалид не из строгости, а из посвященности. «Да».

Красный кирпич дорожки, в тон кленовому листу, который сметает набок тщательный даун; он похож на самосшитую ватную игрушку нищего военного образца; другой, посмышленее, гордящийся доверенным ему оружием, охотится на окурки и бумажки с острогой; с кирпичной мордой калека, уверенно встав на деревянную ногу с черной резиновой присоской на конце, толчет тяжким инструментом, напоминающим его же перевернутую деревянную ногу, кирпич для той же дорожки; серые стираные старушки витают там и сям по парку, как те же осенние паутинки,— выжившие Офелии с букетиками роскошных листьев... Трудотерапия на воздухе, солнечный денек. Воздух опустел, и солнечный свет распространился ровно и беспрепятственно, словно он и есть воздух; тени нет, она освещена изнутри излучением разгоревшихся листьев; и уже преждевременный дымок (не давайте детям играть со спичками!) собрал вокруг сосредоточенно-дебильную группу... Старинный запах прелого листа, возрождающий — сжигаемого; осенняя приборка; все разбросано, но сквозь хаос намечается скорый порядок: убрано пространство, проветрен воздух, вот и дорожка наново раскраснелась; утренние, недопроснувшиеся дебилы, ранние (спозаранку, раны...) калеки, осенние старушки — выступили в большом согласии с осенью. «Вам туда»,— с уважением сказал крайний олигофрен. Куда я шел?.. Я стоял в конце аллеи, упершись в больничный двор. Пришлось отступить за обочину, в кучу листьев, приятно провалившихся под ногами,— олигофрен интеллигентно сошел на другую сторону: между нами проехали «Волги», сразу две. Ага, вон куда. Вон куда я иду. Тетка уже здесь.

В морге была заминка, мы ее не узнали. Не хватало прически. Рука у нас не поднималась взбить ей привычную прядь. И у нее тоже... Нектор Бериташви-

ли — вот кто оказался близкий ей человек. Он привел парикмахера, чуть ли не в кандалах. «Никто денег не хочет!..» — возмущался он. «Сколько?» — поинтересовались мы. «А...— отмахнулся он.— Сто». Краткое это слово звучало, как одна бумажка: тетка не поскупилась.

Теперь тетка выглядела хорошо. Лицо ее было в должной степени значительно, покойно и красиво, но как бы чуть настороженно. Она явно прислушивалась к тому, что говорилось, и не была вполне удовлетворена. Вяло перечислялись заслуги, громоздились трупы эпитетов — ни одного живого слова. «Светлый облик... никогда... вечно в сердцах...» Первый генерал, сказавший первым (хороший генерал, полный, три звезды, озабоченно мертвый...) уехал: сквозь отворенные в осень двери конференц-зала был слышен непочтительно-быстрый удаляющийся треск его «Волги». «Спи спокойно...» — еще говорил он, потупляясь над гробом, и уже хлопал дверцей: «В Смольный!» — успевал на заседание. Он успел остановиться, главным образом на ее военных заслугах: никогда не забудем!..— уже забыли. И войну, и блокаду, и живых, и мертвых. Тетку уж некогда было помнить: я понял, что она была списана задолго до смерти; изменившиеся исторические обстоятельства позволили им явиться на панихиду — и то славно: другие пошли времена, где старикам поспеть... и уж если, запыхавшись, еще поспевал генерал дотянуться до следующей звезды, то при одном условии — не отлучаться ни на миг с ковровой беговой дорожки... После генерала робели говорить, будто он укатил, оставив свое седоволосое ухо с золотым отблеском погона... И следующий оратор бубнил в точь, и потом... никак им было не разогреться. Близкие покойной, раздвоенные гробом, как струи носом корабля, смотрелись бедными родственниками ораторов. Налево толпились мы, направо — еврейские родственники; не знал, что их так много. Ни одного знакомого лица; одного, кажется, видел мельком в передней... Он поймал мой взгляд и кивнул. Серые внимательно-растерянные, как близорукие, глаза. Отчего же я их никого... никогда... Я еще не понимал, но стало мне неловко, нехорошо — в общем, стыдно. Но я-то полагал, что мне не понравились ораторы, а не мы, не я сам. «Были по заслугам оценены... медалью...» Тетка была человек... ей невозможно по заслугам... Смерть есть смерть: я что-то все-таки начинал понимать, культовский румянец сходил с ланит... Сталин умирал вторично, еще через пятнадцать лет. Потому что во всем том времени мне уже нечего вспомнить, кроме тетки, кристально честной представительницы, оказывается, все-таки, сталинской эпохи...

Тетку все сильнее не удовлетворяло заупокойное бубнение ораторов. Поначалу она еще отнеслась неплохо: пришли все-таки и академики, и профессура, и генералы...— но потом окончательно умерла с тоски. В какой-то момент мне отчетливо показалось, что она готова встать и сказать речь сама. Уж она бы нашла слова! Она умела произносить от сердца... Соблазн порадовать человека бывал для нее всегда силен, и она умудрялась произносить от души хвалу людям, которые и градуса ее теплоты не стоили. Это никакое не преувеличение, не образ: тетка была живее всех на собственной панихиде. Но и тут, точно так, как не могла она прийти себе на помощь, умирая, а никто другой так и не шел, хотя все тогда толпились у кровати,— так теперь у гроба... и тут ей ничего не оставалось, как отвернуться в досаде. Тетка легла обратно в гроб, и мы вынесли ее вместе с кроватью, окончательно неудовлетворенную панихидой, на осеннее солнце больничного двора. И, конечно, я опять подставлял свое упругое... бок о бок с тем внимательно-сероглазым, опять мне кивнувшим. «Что ты, тетя! Легко...»

Двор стал неузнаваем. Он был густо населен. Поближе к дверям рыдали сестры и санитарки, рыдали с необыкновенным уважением к заслугам покойной, выразившимся в тех, кто пришел... Сумрачные, непохмелившиеся санитары вперемешку с калеками следующей шеренгой как бы оттесняли общим своим синим плечом толпу дебилов, оттеснивших, в свою очередь, старух, скромно выстаивавших за невидимой чертою. Ровным светом робкого восторга были освещены их лица. Свет этот проливался и на нас. Мы приосанивались. Родственники на похоронах — тоже начальство. Кисти гроба, позументы, крышки, подушечка с медалью, рыдающие руководящие сестры... генерал!!. (был еще один, который не так спешил)... автомобили с шоферами, распахнувшими дверцу... осеннее золото духового оркестра, одышливое солнце баса и тарелок... еще бы! Они простаивали скромно-восторженно, ни в коем случае не срывая дисциплины, в заплатках, но чистенькие, опершись на грабли и лопаты,— эта антивосставшая толпа. Генерал уселся в машину и засверкал внутри, будто увозили трубу-бас... они провожали его единым взглядом, не сморгнув. Гроб плыл, как корабль, раздвигая носом человеческую волну на два человечества: неполноценные обтекали справа, более чем нормальные, успешные и заслуженные — слева. За гробом вода не смыкалась, разделенная молом пограничных санитаров. Мы — из них! — вот какую гордость прочел я на общем, неоформленном лице идиота. Они с восторгом смотрели на то, чем бы они стали, рискни они выйти в люди, как мы. Они — это было, откуда мы все вышли, чтобы сейчас, в конце трудового пути, посверкивать благородной сединой и позвякивать орденами. Они из нас, мы из них. Они не рискнули, убоявшись санитара; мы его подкупили, а затем подчинили. Труден и славен был наш путь в доктора и профессора, академики и генералы! Многие из нас обладали незаурядными талантами и жизненными силами, и все эти силы и таланты ушли на продвижение, чтобы брякнула медаль и услужливо хлопнула дверца престижного гроба на колесах...

Но если они полчеловека, то мы — тоже... Они — не взяли, мы — потеряли. Но утратили мы как раз ту половину, что у них цела. Разобраться бы на пары, как в детсадике, взяться за ручки, выдать себя за целое... только так не страшно предстать перед Ним... Никогда, никогда бы не забыть, какими бы мы были, не пойди мы на все это... вот мы стоим серой, почтительной чередою, с большими и крошечными, как цветки, головами, микро- и макроцефалы, с пограничными санитарами и гробом последнего живого человека между!.. вот мы бредем, отдавшие все до капли, чтобы стать теми, кем вы заслуженно восторгаетесь; мертвые хороним живого, слепим своим блеском живых!.. Ведь они живы, дебилы!..— вот что осенним холодком пробежало у меня между лопаток, между молодо-напряженных мышц. Живы и безгрешны! Ибо какой еще у них за душой грех, кроме как в кулачке, в кармане... да и карман им предусмотрительно зашили. А вот и мы с гробами заслуг и опыта на плечах... И если вот так заглянуть сначала в душу идиота, увидеть близкое голубое донышко в его глазах, а потом резко взглянуть бы в душу того же генерала, да и любого из нас, то — Боже! лучше бы не смотреть, чего мы стоим. А стоим мы дорого, столько, сколько за это уплатили. А уплатили мы всем. И я далек, ох, как далек заглядывать в затхлые предательские тупички нашего жизненного пути, неизбежную перистальтику карьеры. Я заведомо считаю всю нашу процессию кристально чистыми, трудолюбивыми, талантливыми, отдавшими себя делу (хоть с большой буквы!..) людьми. И вот в такую только незаподозренную нашу душу и предлагаю заглянуть... и отворачиваюсь, испугавшись. То-то и они к нам не перебегают, замершие не только ведь от восторга, но и от ужаса! Не только полуголовые, но и мы ведь с трудом отделим ужас от восторга, восторг от ужаса, да и не отделим, так и не разобравшись. Куда дебилу... он с самого начала, мудрец, испугался, он еще тогда, в колыбели, или еще раньше — в брюхе, не пошел сюда, к нам... там он и стоит, в колыбели, с игрушечными грабельками и лопатой и не плачет по своему доктору: доктор-то живой, вы — мертвые. Никто из нас и впрямь не мог заглянуть в глаза Смерти и не потому, что страшно, а потому, что уже. Души не родившиеся в Раю, души умершие в Аду; тетка протекает между нами, как Стикс.

Мы прошли неживой чередою по кровавой дорожке парка; он был уже окончательно прибран (когда успели?..); не пущенные санитарами, остались в конце дорожки дебилы, выстроившись серой стенкой, и вот слились с забором, исчезли. Последний мой взгляд воспринял лишь окончательно опустевший мир: за остывшим, нарисованным парком возвышался могильный курган, куда по одному уходили пациенты к своему доктору.

Кто из нас двоих жив? Сам ли я, мое ли представление о себе?

Она была большой доктор, но я и сейчас не отделался всеми этими страницами от все того же банального недоумения: что же она как врач знала о своей болезни и смерти? То есть знать-то она, судя по написанным страницам, все-таки знала... а вот как обошлась с отношением к этому своему знанию?.. Я так и не ответил себе на вопрос, меня по-прежнему продолжает занимать, какими способами обходится профессионал со своим знанием в том случае, когда может их обратить к самому себе? Как писатель пишет письма любимой? как гинеколог ложится с женою? как прокурор берет взятку? на какой замок запирается вор? как лакомится повар? как строитель живет в собственном доме? как сладострастник обходится в одиночестве?.. как Господь видит венец своего Творения?.. Когда я обо всем этом думаю, то, естественно, прихожу к выводу, что и большие специалисты — тоже люди. Ибо те узкие и тайные ходы, которыми движется в столь острых случаях их сознание, обходя собственное мастерство, разум и опыт, есть такая победа человеческого над человеком, всегда и в любом случае!.. что можно лишь снова обратить свое вытянувшееся лицо к Нему, для пощады нашей состоящему из голубизны, звезд и облаков, и спросить: Господи! сколько же в Тебе веры, если Ты и это предусмотрел?!.

Что снится учителю

Меня взволновало письмо Г. Каковкина «Я против такой «педагогики» (№ 21), в котором он обвиняет учителей в том, что они «оказались врагами» его «трудного» сына, ученика четвертого класса. «Как динозавры, вымирают в наших детях человеческие качества, потому что вымирают они и в школе, в среде учительства»,— пишет автор. Я учитель и мать троих детей. И, уверена, это дает мне право быть более объективной в оценке положения дел в школе.

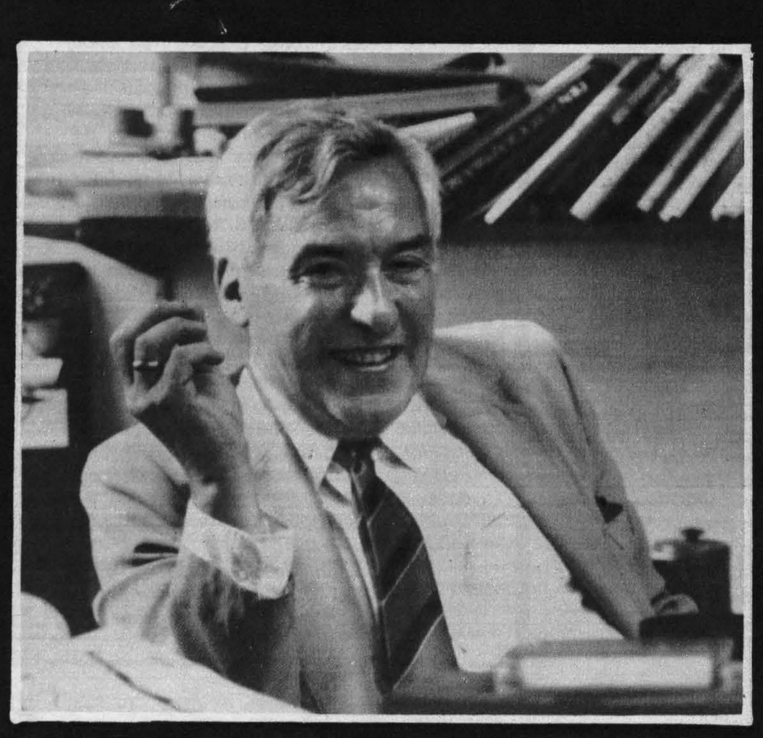
Да, таким детям, как сын автора письма, в школе плохо. Они требуют особого подхода и, значит, дополнительных затрат времени и энергии. А где их взять? Современный учитель должен выполнять 250 видов работ, и его рабочая неделя равна 72 часам. Это средняя статистика. Учителю русского языка и литературы и по ночам снятся тетради и трудные ученики...

Никто не занимался статистикой разрушенных учительских семей. Нет времени нормально вести хозяйство, присматривать за детьми. Растет постоянное чувство неудовлетворенности собой, работой, жизнью. Нет времени заниматься самообразованием, повышением культурного уровня, просто сходить в театр. Учителя мельчают. Да, в современной школе много плохих учителей. Увы, бытие определяет сознание. Повысили зарплату в среднем до 180—200 рублей. Хорошо. Но тут же стали закрывать классы и увеличивать и так запредельную нагрузку. За классное руководство, то есть за собственно воспитательную работу, платят 30 рублей в месяц, то есть 70 копеек за ученика. Но не только в этом дело. Есть и бессребреники. Но сил нет. На производстве платят «за вредность» там, где шумы превышают норму. Кто и когда замерял эти шумы в школе, где наполняемость 1000—1500 человек? Кто и когда замерял затраты нервной энергии учителя в классе в 40 человек, где нужно одновременно на современном уровне вести урок, следить за тем, чтобы донести весь необходимый объем знаний до каждого ученика, за своей речью, корректировать нагрузки на разных (очень разных!) детей, владеть их вниманием, интересом, трудоспособностью, поведением, почерком, посадкой, ритмом работы, ее объемом... и поведением «трудных», которых в классе 3—4, а то и 5 человек и которые систематически ломают весь продуманный и отлаженный механизм урока?

Все «здание» современной школы слишком шатко. Никакой «косметический ремонт» в виде прибавки жалованья или выбора директора школы его уже не спасет. Нужно смотреть «в корень» и начинать с фундамента: материально-технической базы и психофизиологической нагрузки на одну «педагогическую единицу».

Татьяна КОСТАРЕВА,
учительница
Ленинград

ВСЕ ЭТИ ГОДЫ...

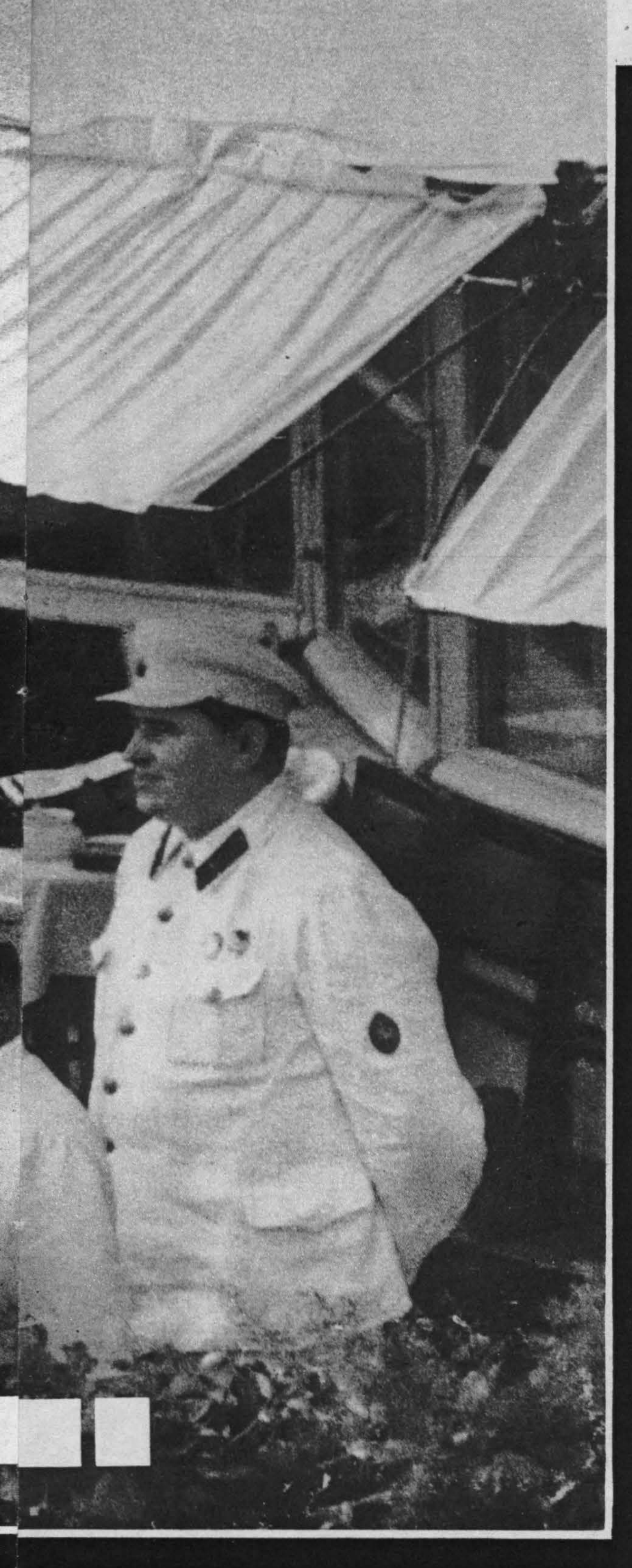

РЕТРОВЕРНИСАЖ

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

Едва ли не каждый, кто может себе это позволить, хочет, чтобы фотожурналисты увековечивали его шаги. Мы видели с вами немало фоторепортажей, на которых шаги эти весьма величественны. Но ведь настоящий журналист всегда честен; иногда даже кажется, что авторучка или фотоаппарат отважнее его самого, записывая те слова и делая те снимки, которые, будучи тотчас обнародованы, по меньшей мере не принесут автору немедленной славы. Но снимки делаются и строки пишутся во имя того, чтобы история эпохи выстраивалась без пробелов, цельно. Так мы становимся не только свидетелями, но и творцами времени, а работы таких фотожурналистов, как Дмитрий Николаевич Бальтерманц, запоминаются, а они интересны даже после того, как забудутся многие из портретированных ими

«Взаимное кормление» — таков кашмирский обычай высшего гостеприимства. Индия. 1955 г.

◂ Сталин любил праздники... Авиационный парад в Тушино. 1940 г.

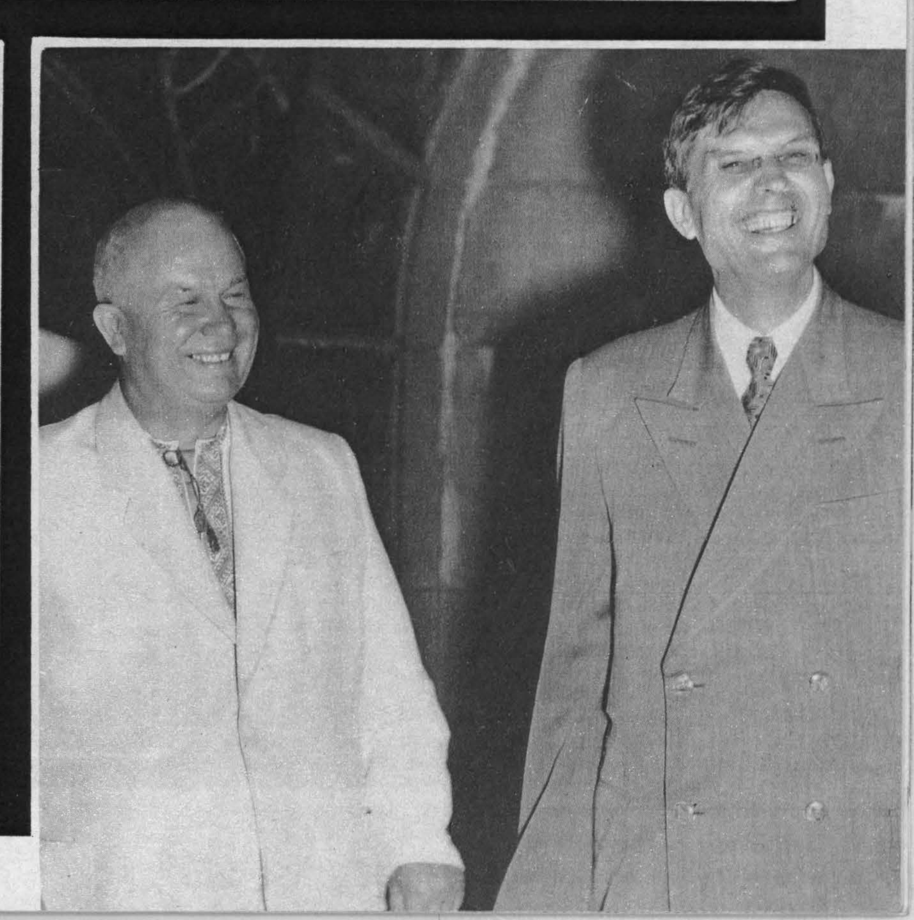

▴ Аргумент Никиты Сергеевича. Ташкент. 1961 г.

Встреча с дипломатами. Н. С. Хрущев и М. А. Суслов. 1955 г. ▸

◂ По дорогам Венгрии. 1958 г.

ВСЕ ЭТИ ГОДЫ...

временно возвышенных должностных лиц.

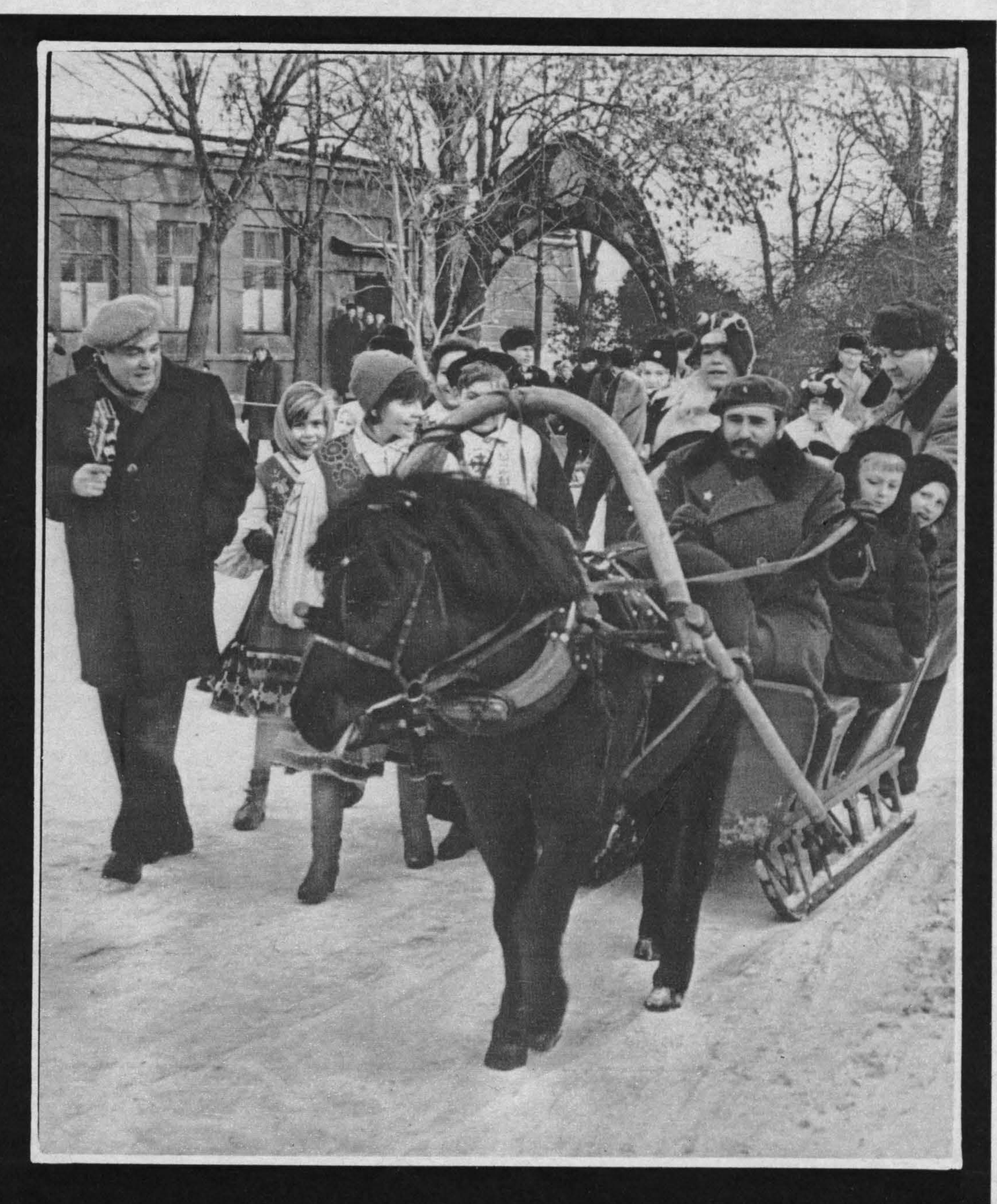
Это трудная, рискованная и прекрасная должность — быть фотолетописцем. Дмитрий Николаевич талантлив, он обладатель богатого фотоархива.

Он сумел побывать именно в тех местах, где происходили главнейшие события середины нашего века, и все это увековечил в своих снимках. При всем том у Дмитрия Николаевича всегда было достаточно терпения, чтобы делать свое дело неторопливо и с полной откровенностью,— вот и сегодня он показывает фотографии, которых вы не видели никогда. Снимки дождались своего вернисажа; стоило ждать...

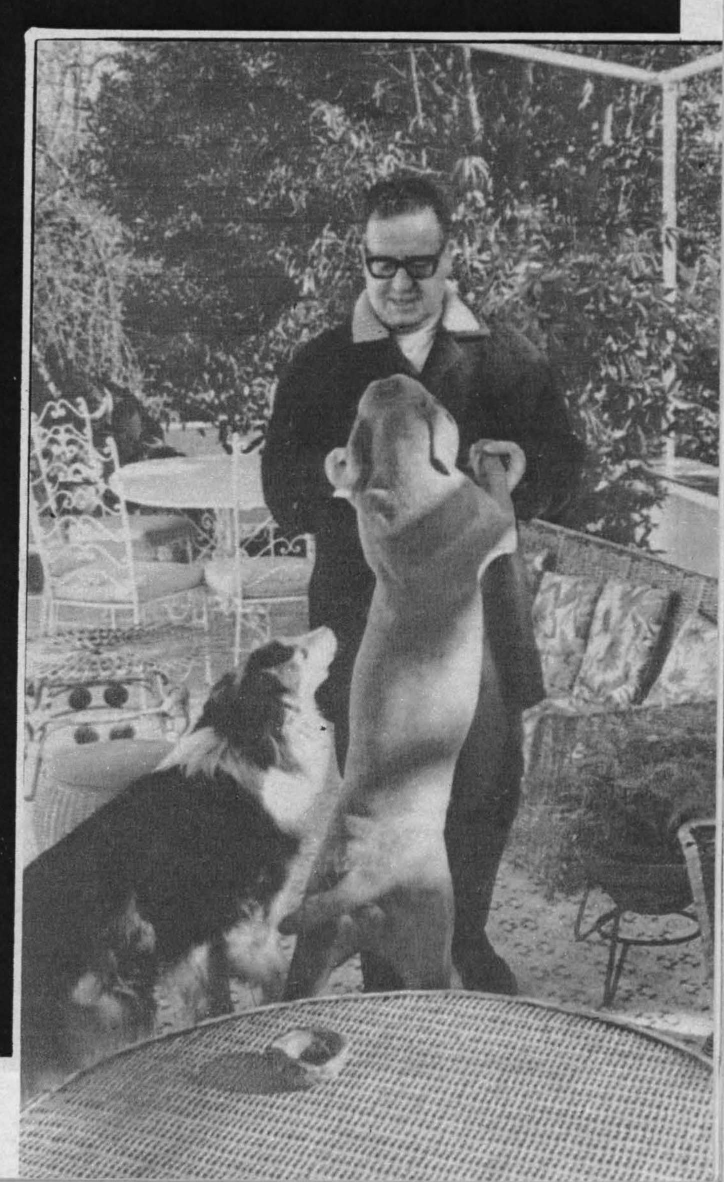
Мне доводилось работать с ним в командировках. С удовольствием признаю, что хоть он стар-

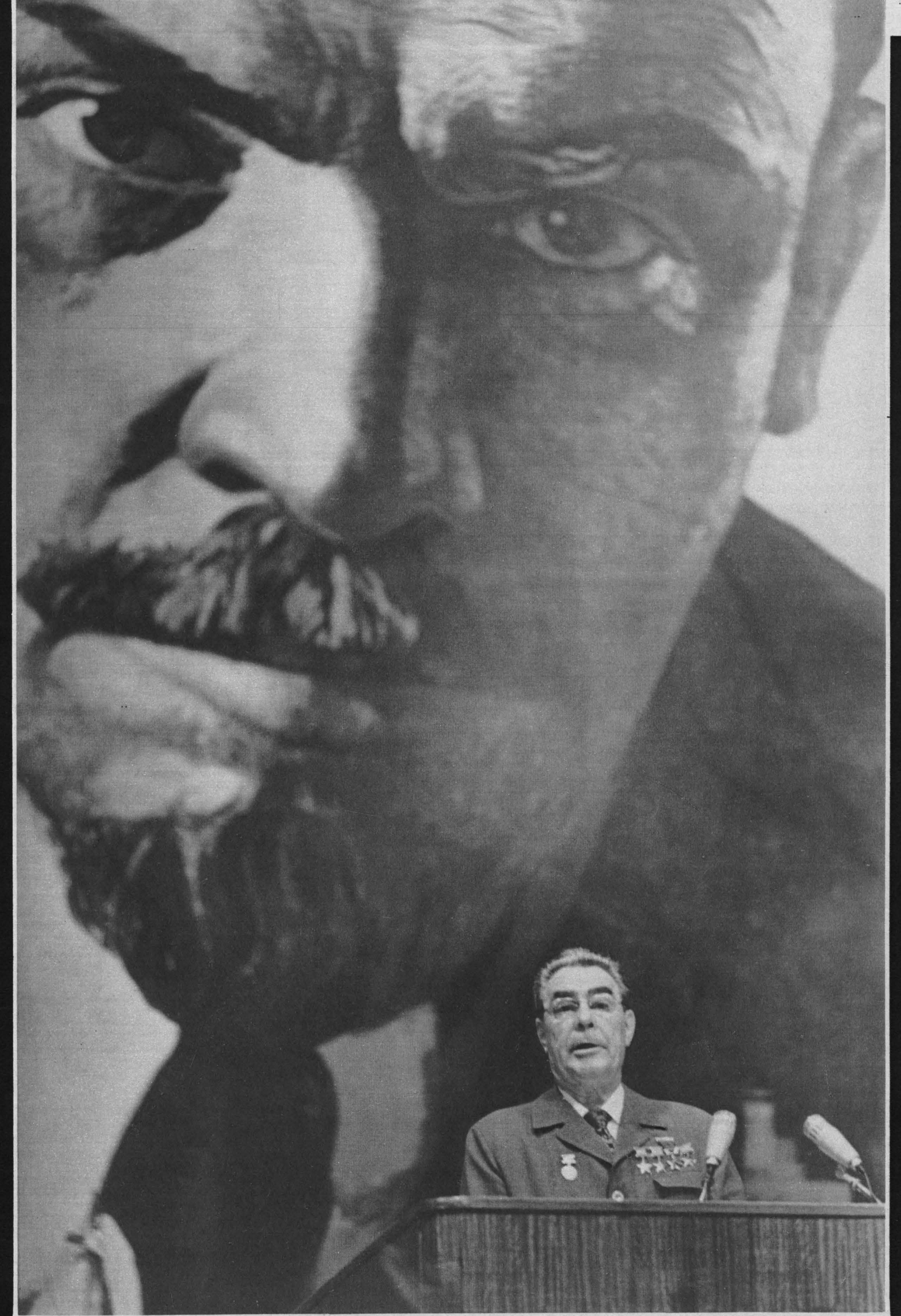
Иосип Броз Тито вручает высший югославский орден «Свобода» Георгию Константиновичу Жукову. 1956 г. За год до опалы...

Танец — это тоже политика. Правительственный прием. Пекин. 1959 г.

С Фиделем... Москва. 1964 г.

Георгий Димитров с сыном в Подмосковье. 1949 г.

Президенту Чили Сальвадору Альенде путчисты не оставили выбора. Свобода означала для него смерть. Снимок 1972 г. За год до путча...

Без оглядки... 1973 г.

Ген сталинизма. Т. Д. Лысенко громит генетиков на сессии ВАСХНИЛ. Москва. 1948 г.

В ожидании гостей. Первый официальный прием К. У. Черненко. 1984 г.

ВСЕ ЭТИ ГОДЫ...

ше меня на четверть века, но энергичнее и зачастую наблюдательнее, чем я. Оставаясь старейшиной редколлегии «Огонька» и авторитетнейшим из действующих фотокорреспондентов страны, Дмитрий Николаевич доверяет не своим речам, а своим снимкам отстаивать репутацию их творца.

Он открывал собственные персональные вернисажи в Нью-Йорке и Вильнюсе, в Риме и Праге, в Лондоне, Москве и Париже. Математик по образованию, Дмитрий Николаевич ничего не калькулировал, ничего в своей судьбе не высчитывал наперед. Коммунист, убежденный сторонник демократии как государственной системы и жизненного, творческого принципа, он поучительно трудится. Когда мы размышляем сегодня о «человеческом факторе», давайте-ка задумаемся, почему так случилось, что видели все мы, а запечатлевают, оставляют свидетельства немногие!

Дмитрий Николаевич деятелен и добр; злой человек не смог бы работать так долго и вдохновенно.

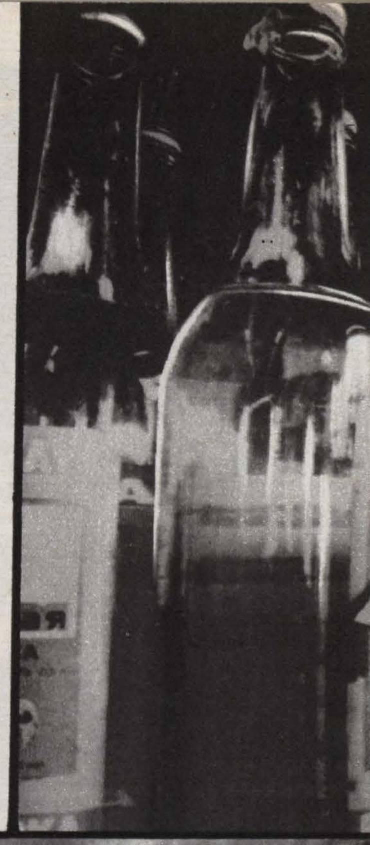
Давайте порадуемся, что Дмитрий Бальтерманц — один из нас, и он столько сделал, чтобы мы с вами жили вдумчивее, честнее и целеустремленнее. Разглядывая фотографии Бальтерманца, завидую его смелости и таланту.

Виталий КОРОТИЧ

ВО ЧТО ОБХОДИТСЯ

ПРИШЛА, НАВЕРНОЕ, ПОРА ПОДСЧИТАТЬ НАМ, ВО ЧТО ОБОШЛИСЬ ПЕРВЫЕ ТРИ ГОДА ОЧЕРЕДНОЙ НАПРЯЖЕННЕЙШЕЙ ОСАДЫ КРЕПОСТИ, НАД КОТОРОЙ, КАК НИ ДОСАДНО, ПО-ПРЕЖНЕМУ РЕЕТ ЗНАМЯ СТАРОГО ВРАГА — «ЗЕЛЕНОГО ЗМИЯ». А БЫЛИ ПУЩЕНЫ В ХОД, КАЗАЛОСЬ, ВСЕ НАЛИЧНЫЕ БОЕВЫЕ СРЕДСТВА

ТРЕЗВОСТ

Лев МИРОШНИЧЕНКО

Фото Евгения АКСЕНОВА и Эдуарда ЭТТИНГЕРА

...ТЬ?

Кое-какие успехи поначалу обнадеживали. Сократились пьяные прогулы, снизился производственный травматизм. В 1984 году населением страны было куплено и выпито 14,7 миллиарда литров всевозможных алкогольных напитков. В 1987 году поток проданного горячительного питья, благодаря решительным мерам, сузился до 8,2 миллиарда литров.

Казалось, радоваться надо и продолжать душить врага таким манером дальше.

К сожалению, становится все более очевидным, что успехи, достигнутые за три года, мягко говоря, скромны, но зато появились и углубляются всевозможные неприятные новые проблемы.

Несмотря на удвоение цены на водку, казна в результате сокращения продажи спиртного недополучила за последние три года 37 миллиардов рублей. Ради доброго дела можно вытерпеть и денежные убытки, но намного ли мы стали трезвее?

Увы, судя по всему, пьем мы сегодня примерно столько же, как и в 1985 году. Статистика бесстрастно свидетельствует, что продажа водки за последних два года упала с 2,5 до 1,2 миллиарда литров. Но за это же время продажа сахара подскочила на 1,5 миллиарда килограммов, а это, согласно оценке опытных знатоков по самогоноварению из МВД, с лихвой перекрывает убыль алкоголя из государственной продажи. Нелишне, между прочим, заметить, что объем продажи сахара в 1985 году был даже ниже, чем в 1980 году. Мы уже не помнили, когда были перебои с этим рентабельным сельхозпродуктом. Теперь многие города перешли на карточную систему продажи сахара населению, как будто началась война. Следом можно ожидать затруднений с карамелью, конфетами, соками, вареньем и т. д.

А война действительно идет — ожесточенная, упорная. Противник несет большой урон, но ряды его почему-то не иссякают. В 1985 году было выявлено и наказано 80 тысяч самогонщиков, в 1986-м — 150 тысяч, в 1987-м — 397 тысяч. А сколько их было не выявлено? За первые пять месяцев текущего года в сети уже попало 270 тысяч самогонщиков, а вообще к ответственности за всякие алкогольные прегрешения было привлечено 2,7 миллиона человек, о чем МВД сообщает как о большом достижении. Только почему-то не радуют такие достижения.

Наказания суровые — вплоть до тюрьмы с конфискацией имущества, и все-таки число лиц, идущих на риск, не снижается, а растет. Милиция натаскивает собак на поиск самогона по запаху, устраивает широкие рейды по домам и квартирам, иногда смахивающие на облаву,— на грани нарушения конституционных прав на неприкосновенность жилища. Подобные прочесывания проводились недавно в селах Курской, Томской и Харьковской областей, и в каждом третьем-четвертом доме обнаруживались брага и самогон.

Винокуры идут на всякие ухищрения и уловки. Сивуху прячут на чердаках и в сараях, в стогах сена, зарывают в огороде и даже в навозные кучи. Изощряются самогонщики и в изобретении самогонных аппаратов, которые сооружаются даже из доильных агрегатов, а бывает, и с применением ЭВМ. Ускользая от неотвязного преследования милиции, самогоноварение перемещается на рабочие места, в цеха и мастерские, превращаясь в своеобразную форму «бригадного подряда».

О великом спросе на самогон говорит его цена: до 70 рублей за трехлитровую банку, то есть дороже магазинной водки. Да и понятно, почему дороже, хотя и ядовитее. Попробуй сходи, купи ее, проклятущую. А когда приспичит, как говорится, последних штанов не пожалеешь. И не жалеют, переплачивая спекулянтам 10—15 рублей за бутылку.

В Петрозаводске каждую винную точку патрулирует наряд милиции в десять человек. Но и этого боевого отряда оказалось недостаточно. Под Новый год пятитысячная толпа смела все преграды, откинула грузовик и дружно высадила дверь в магазин. К несчастью, при этом раздавили насмерть о дверной косяк старушку, которая мужественно пыталась раздобыть угощение для родичей, ожидавшихся в гости.

Армия спекулянтов спиртным растет: спекулируют продавцы, таксисты, проводники вагонов, дворники и уборщицы общественных туалетов. Милиция мечется между алкогольными барышниками, самогонщиками и винными очередями, не успевая переключаться на квартирных воров, а квартирные грабежи растут. В недрах общества вызревает хорошо организованная алкогольная мафия.

Пьяницы набросились на одеколон, на лосьоны и средства для ращения волос, на всякие лаки, клеи и политуры, на смеси для мытья грязных окон, для натирания ноющей поясницы и полоскания больного горла. Население стало терпеть большие неудобства из-за исчезновения из магазинов и аптек простых, дешевых, но очень нужных для быта и здоровья спиртовых жидкостей, медсестры — из-за того, что нечем лишний раз протереть ягодицу пациента перед уколом.

Но еще большая плата — человеческие жизни. Пошла волна отравлений алкогольными суррогатами,— нередко смертельных,— иногда целыми группами в быту и на производстве. Совсем свежий пример: в одном из украинских сел директор школы угощает механика совхоза за подвоз в школу мебели. Наутро механик умирает, а через пару дней расстается с жизнью директор. На поминках директора фигурировал тот же самый злосчастный суррогат, и восемь человек отправились на тот свет вслед за незадачливыми директором и механиком, в том числе дочь и двое сыновей механика.

В прошлом году жертвой подобных трагических ошибок пали 11 тысяч человек — почти столько погибло наших на войне в Афганистане.

Полезли вверх наркомания и токсикомания, особенно среди молодежи.

Была надежда, что ограничение доступа к спиртному благотворно подействует на воспитание подрастающего поколения. Но, увы, на недавнем заседании коллегии Прокуратуры СССР было отмечено, что преступность среди подростков возросла и что на учете в инспекции МВД по делам несовершеннолетних состоят полмиллиона подростков.

Что-то было недодумано в начале этого крестового похода. Опросы населения показывают, что, несмотря ни на что, не менее восьмидесяти процентов взрослого населения по-прежнему потребляют спиртное, а в полку трезвенников прибыло не столько сторонников, как надеялись энтузиасты кампании. А перестройку нам делать не только с двадцатью процентами трезвенников, среди которых далеко не все праведники, а и с остальными восемьюдесятью процентами пьющих.

Да, отношения с зеленым змием, сложившиеся к началу восьмидесятых годов, тревожили. В течение двадцати лет устойчиво росла масса потребляемого в стране алкогольного питья. В 1980 году в стране было выпито на душу населения 8,7 литра алкоголя (в пересчете на стопроцентный спирт), или в два с половиной раза больше, чем в 1960 году. Беспокоило нарастание всевозможных последствий неумеренного употребления алкоголя и рост численности самих неумеренно употребляющих. Люди стали откровенно пить и опохмеляться с утра на производстве, росли пьяные травмы и другие, связываемые с алкоголем беды. Однако для вдумчивого взгляда и тогда было ясно, что нарастание этих бед связано не просто с фактом наличия алкоголя в торговом обороте, а с некими глубинными причинами. Боролись тогда со следствием, а о причинах говорить в те годы было не принято.

Зато теперь о них можно сказать откровенно и ясно. Вот, например, высказывание публициста Николая Шмелева: «Главная причина усиления пьянства в 60—80-е годы в том, что люди устали от лжи и бестолковости, от того, что не к чему было приложить свои руки и голову».

И все-таки, и все-таки... мы продолжаем решать алкогольную проблему методами, которые были бы более к лицу «застойным» шестидесятым — семидесятым и никак не вяжутся с духом и стилем революционных преобразований, идущих теперь в других сферах нашей жизни. Наверное, прежде чем открывать эту кампанию, с прицелом не на причины, подталкивающие к чрезмерному пьянству, а на пьющих и на сам алкоголь, нелишне было бы сначала задаться всевозможными непростыми вопросами и попытаться ответить на них. Например, такими.

Почему в Бразилии можно в любое время дня и ночи купить хоть ведро, хоть цистерну спирта, изготавливаемого из сахарного тростника, для заправки машины — по цене дешевле бензина, а дворы и улицы не усеяны мертвецки пьяными жителями?

Почему в нашей же Грузии или Армении, где горные склоны утопают в виноградных лозах, а в каждом крестьянском погребе всегда стояли как минимум две бочки вина, вот уже много десятков лет подряд обнаруживается алкоголиков (на душу населения) в 7—10 раз меньше, чем в России? Почему в Тбилиси, Ереване пустуют вытрезвители?

Почему, казалось бы, в расчетливой и рациональной во всех отношениях Японии не так давно по всей стране было установлено 170 тысяч автоматов для продажи алкогольного питья, способных за сутки упоить до бесчувствия все взрослое население?

Почему в большинстве развитых стран в последние 5—6 лет потребле-

ние спиртного на душу населения само собой поползло вниз? В Италии и Франции снижение началось еще раньше, причем без всякого принуждения и насилия. Вино осталось в продаже неограниченно доступным и дешевым, и большинство итальянцев и французов не заметили, что они стали за год потреблять меньше. Факт зафиксировала статистика: с 1970 по 1986 год потребление алкоголя на душу населения в год снизилось во Франции на 3,7 литра, в Италии — на 5 литров.

Почему «здоровый образ жизни» у нас приходится навязывать, и он для многих стал пугалом?

Ситуация, которую мы имели в мае 1985 года, позволяла более основательно и с меньшей спешкой подумать над всеми запутанными вопросами. Потребление алкоголя достигло пика в 1980 году, в дальнейшем оно не росло, и даже, как и в западных странах, проявилась тенденция к некоторому снижению. Остановился рост заболеваемости алкоголизмом. К сожалению, торопливое желание покончить с проблемой одним мощным административным ударом взяло верх.

Была надежда, что удастся включить в антиалкогольное движение большие массы населения через добровольное общество трезвости. Оно было незамедлительно создано. Однако получилась грандиозная, по сути, бесполезная, типично бюрократическая конструкция, в которую приходится загонять «добровольных» членов принудительно. Об этом творении стоит сказать подробнее.

Это ни много ни мало 450 тысяч первичных организаций, усеявших всю страну от знойной Кушки до заледенелой Земли Франца Иосифа. Первичные организации, разумеется, подчиняются и регулярно отчитываются перед «вышестоящими» — районными и городскими. Их более трех тысяч. Эти, в свою очередь, получают распоряжения от следующих ступеней антиалкогольной власти — областной, краевой и республиканской.

Ну, а уж в поднебесье, то есть в столице, в красивом доме с колоннами священнодействует «Центральный совет общества» со своим председателем, заместителями, ответственным секретарем, членами правления и прочим немалым штатом. А вообще в «обществе» работают шесть с половиной тысяч штатных сотрудников за счет 15 миллионов рядовых членов, вносящих по рублю. Да еще государство добавляет солидную дотацию. Кроме того, на различных уровнях регулярно заседают, утверждают и одобряют 164 тысячи членов «советов общества», получая, разумеется, в эти дни зарплату по основному месту работы.

В общем, неудивительно, что эта гигантская организация с изощренной иерархической структурой оказалась столь малоэффективной, если не вредной. Несмотря на антиалкогольный шум и треск, который она распространяет вокруг, она фактически работает сама на себя. И никого не беспокоит и не волнует, что по меньшей мере на одну треть общество состоит из пьющих людей, что председатели ячеек нередко попадают в вытрезвители и что на антиалкогольную лекцию на заводах слушателей загоняют чуть ли не палкой.

Не исключено, что есть в этом обществе люди, искренне желающие сделать доброе дело и помочь несчастным. Но не они, очевидно, делают погоду. Нет в этом обществе духа истинного милосердия. Привычный тон публичных и печатных выступлений активистов — это призывы закрутить антиалкогольные гайки покруче и прижать пьющих пожестче. Один из лидеров «общества» недавно выражал на страницах журнала «Трезвость и культура» недовольство тем, что в поисках алкогольных еретиков нельзя врываться в дома и квартиры без санкции прокурора и что членам «общества» не дано права штрафовать пьяниц.

Не найдя сторонников среди масс обыкновенных «грешников», активисты общества трезвости прекрасно нашли общий язык с многими представителями местной администрации, не отвыкшими от любезного сердцу стиля кампанейщины. Отсюда, например, многочисленные авантюры с объявлением сел и районов зонами трезвости, которые с тихим позором проваливались.

Отсюда липовые безалкогольные свадьбы — с милиционером у порога и с водкой в самоварах на столах. Отсюда трезвому уму непостижимый раж, с которым за короткое время в Крыму, в Азербайджане, Грузии, Молдавии местные власти срыли с лица земли сотни тысяч гектаров прекрасных виноградников, в то время как в стране на человека за год потребляется лишь четыре килограмма винограда.

Позапрошлым летом зашел я в лабораторию к своему товарищу по работе, виртуозу-аналитику. К удивлению, я увидел на столе возле дорогого, снабженного компьютером хроматографа не привычные пробирки с очередными образцами крови больных, а батарею разномастных бутылок и банок с кефиром, простоквашей, соками и всякими другими напитками.

— Ты что, решил по совместительству открыть гастрономический отдел?

— Да, понимаешь, государственное задание: искать во всем этом алкоголь.

— Ну, и как, много нашел?

— Много или мало, но почти везде этот чертов эликсир обнаруживается: например, в соках — 5—6 граммов на литр, в кефире — 8—10 граммов, в квасе — аж 12—15. Так что вместо 30 граммов водки можешь спокойно хватануть литр кваса.

Задание это неожиданно возникло в связи с совершенно бессмысленной войной, которую экстремисты из общества трезвости повели с большим пылом против кефира, бомбя в течение двух лет Минздрав, Совмин и ЦК КПСС петициями о его запрете.

Новоявленные враги кефира пытались убедить, что с его помощью в стране много лет совершается преступное «алкопрограммирование детей», начиная с грудничкового возраста, то есть хроническое отравление алкоголем и подготовка к будущему алкоголизму.

А что сказали бы эти правоверные борцы с кефиром, если бы у кого-нибудь из них при анализе крови нашли столько алкоголя, сколько бывает после стаканчика сухого вина? Пусть даже они будут клясться, что не брали в рот ни капли. С некоторых пор стало известно, что даже у совершенно не пьющего человека в крови есть алкоголь, уровень которого колеблется в широком диапазоне, что, возможно, имеет важное жизненное значение. А не засекретить ли, пока не поздно, от широкой публики эти сведения? Ведь получается, что с формальной точки зрения среди людей нет ни одного абсолютно трезвого!

Этот пример показывает, до какого абсурда, далеко не безвредного, можно дойти, утрируя проблему.

Видимо, одной из принципиальных ошибок последней антиалкогольной кампании, да и всех предыдущих, было смещение двух проблем: употребления и злоупотребления. Злоупотребление алкоголем — это такое употребление, когда оно становится самоцелью, когда на работе и в семье из-за пьянства все идет наперекосяк. Когда продолжают пить, невзирая на то, что из-под ремня вылезает увеличившаяся печень и мерещатся зеленые чертики.

Все остальные случаи — просто употребление. «Употребляли», как известно, Пушкин, Тургенев, Блок и многие другие выдающиеся, но не знакомые с современной антиалкогольной литературой люди.

Для борьбы со злоупотреблением алкоголем в крупных развитых странах созданы специальные институты, проводят глубокие исследования социологи, медики и психологи. Строго наказываются пьяные водители. Но ни в одной из этих стран не борются с употреблением алкоголя. Наоборот, стараются создать как можно более приятные условия для потребления этого яда. В Токио есть увеселительный район, где на площади в три гектара предлагают большой ассортимент выпивок на любой кошелек и вкус три тысячи ресторанов, ночных клубов, баров, кафе и закусочных. В распоряжении желающих выпить москвичей — три тысячи уютных пустырей и подзаборных закутков. Есть такая примитивная логика: чем меньше питейных заведений, тем меньше пьяных. Однако практика не подтверждает этот высосанный из чиновничьего пальца закон: в Москве, где давно не осталось почти ни одной пивной, в прошлом году попало в вытрезвитель 330 тысяч человек — почти по тысяче каждый день.

С употреблением алкоголя борются только исламские государства: Турция, Иран, Малайзия, Пакистан и другие. С какой стати они должны быть для нас примером?

О чем говорят цифры? Судя по разным выборочным опросам и обследованиям, в нашей стране из 150—160 миллионов пьющих, по-видимому, миллионов 20—30 «злоупотребляют», из них около 5—6 миллионов — хронические алкоголики. Из 120—130 миллионов непьющих 80 миллионов — дети, остальные 40—50 миллионов — убежденные или невольные трезвенники. Один лишь этот арифметический расклад подсказывает, как было бы разумнее организовать антиалкогольный поход.

Между прочим, любой пьющий не желает стать опустившимся забулдыгой и готов приложить все силы к тому, чтобы забулдыг было как можно меньше.

Да и сами пьянчуги-то многие никак не хотят признавать себя пьянчугами, есть в них еще гонор и хотя бы остатки стыда. Можно было бы тактично и по-умному втянуть их в борьбу против самих себя.

Другое дело — хронические алкоголики, их пьянство — не столько их вина, сколько беда, и без специалистов-медиков им не обойтись. Многим из них, как показали последние работы генетиков, алкоголизм передался даже не от папы с мамой, а чуть ли не от обезьян. Тут-то и надо бы помочь разобраться людям, кому заказано даже нюхать алкоголь.

А как быть с майским постановлением 1985 года? Признать его ошибочным? А почему бы не признать хотя бы однобоким и потому сработавшим не в ту сторону? Сколько их было в недалеком прошлом, направленных вроде бы «на благо», постановлений, о которых мы теперь стараемся не вспоминать. А надо бы. Надо бы посчитать напрасно затраченное время, силы и средства, да не забыть про нанесенный экономический и моральный ущерб и извлечь дорогой урок.

Мы почему-то не вспоминаем постановление 1972 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». А в нем было почти все, что повторилось потом в постановлении 1985 года: снижение производства крепких напитков, штрафы и всякие другие наказания пьяниц и попустительствующего им начальства, наказания за спекуляцию спиртным и самогоноварение, за езду в пьяном виде и т. д. В общем, все тот же упор на принуждение, подкрашенный абстрактным призывом «широко развернуть культурно-воспитательную работу».

Нельзя сказать, что постановление 1972 года выполнялось без должного административного пыла. По всей стране были созданы при исполкомах и предприятиях сотни тысяч комиссий по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Кампания началась достаточно шумно, за нее строго спрашивали с партийного и другого начальства на всех уровнях, были прочитаны миллионы антиалкогольных лекций, изведены миллионы килограммов бумаги на антиалкогольные планы и отчеты. Но с самого начала кампания стала буксовать и постепенно безнадежно заформализовалась. Хорошо, что не успели пройтись бульдозерами по виноградникам.

Но тогда была обстановка показухи, недостатка гласности, разгул бюрократизма и прочего. Теперь-то нам что мешает решать проблему по существу и «по-человечески»? По-видимому, никому сейчас не будет зазорно, если мы признаем, что постановление, принятое в мае 1985 года, было подготовлено в недрах и в духе только что закончившегося «застойного периода» и новое мышление перестройки не успело отразиться в нем.

Если будет продолжаться прежний грубый антиалкогольный нажим на население, мы рискуем по некоторым позициям дойти до критического положения. К маю этого года, за 12 месяцев в стране был израсходован резерв сахара, который поддерживался из года в год. В Министерстве торговли опасаются, что для снятия «сахарного напряжения» придется уже сегодня закупить за границей дополнительно 1 миллион 800 тысяч тонн сахара, что обойдется в миллиард долларов. И это в стране с самым высоким производством сахара в мире.

Академик Абалкин в «Аргументах и фактах» объясняет нынешнее тяжелое состояние экономики тремя серьезными ударами, которые ей пришлось перенести с начала перестройки. Один удар — Чернобыль, второй — возникшие сложности с получением валюты на международном рынке. А третий, как ни странно,— антиалкогольная кампания, ставшая причиной «колоссальной бреши» в экономике.

А как измерить ущерб, нанесенный самочувствию ста шестидесяти миллионов, не посчитавших возможным отказаться от спиртного и попавших тем самым в неприятное положение преследуемых? Не помешает ли неважнецкое настроение таких больших масс народа подъему производительности труда и вообще бодрому движению перестройки?

Теперешнюю антиалкогольную кампанию, судя по всему, мы проиграли, и самогоноварение — не единственный вид серьезного ущерба. Речь идет уже и о больших политических издержках, вызванных этой кампанией, о чем было заявлено, в частности, с трибуны девятнадцатой партконференции академиком Примаковым. А могло ли быть иначе, если кампания в теперешнем ее виде выглядит как эксперимент, поставленный на населении?

Как сделать крутой поворот? Вопрос не простой. Но некоторые меры представляются очевидными.

Ликвидировать винные очереди, унижающее достоинство миллионов людей.

Установить такую цену на спиртное, когда самогоноварение станет для большинства нежелательным из соображений вредности для здоровья, риска наказания и вообще его аморальности. Хотя бы до такого уровня, чтобы в ответ расход сахара в стране упал на 1,5 миллиона тонн..

Резко сократить аппарат Всесоюзного общества борьбы за трезвость, который подчас дискредитирует гуманные устремления тех людей, кто действительно беспокоится о здоровье и благополучии своих пьющих сограждан. Поощрять организацию местных обществ трезвости, которые будут поистине добровольными объединениями единомышленников, и не навязывать им никакой централизации.

Исключить всякую «ложь во благо» в системе антиалкогольной пропаганды, дошедшей до степени антиалкогольной профанации. В стремлении отпугнуть от потребления алкоголя пропагандисты давно уже привычно доходят до нелепых утверждений, не вяжущихся с простой реальностью. Такая пропаганда вызывает равнодушную и даже негативную реакцию, а миллионы рублей и человеко-часов пролетают впустую. Нередко массовая антиалкогольная ложь становится причиной отдельных личных трагедий.

Признать на деле, а не на словах алкоголизм болезнью. Не использовать больных алкоголизмом под видом трудотерапии на заводах в качестве дешевых рабочих рук. Поставить вопрос об оплате больничного листка за время лечения по поводу алкоголизма, которая была отменена в 1972 году.

Не мстить алкоголикам только за отказ от лечения принудительным заключением в ЛТП — фактически лишением свободы на 2 года. Ограничить использование ЛТП случаями, когда отказ от лечения сочетается с хронической асоциальностью (воровство, трудовая дезадаптация, бездомность и т. д.).

Вполне возможно, да и опросы это показывают, что большинство нашего населения считает трезвость в принципе наиболее разумным состоянием. Но большинство из них по тем или иным причинам, до конца еще не понятым, продолжает пить. И вопрос о том, как и в какие сроки достичь всеобщей и окончательной трезвости, решать, очевидно, надо всем вместе — и пьющим, и непьющим, без оскорблений и при полном взаимном доверии.

Пусть будет много открытых споров. И пусть жители Украины и России спорят между собой и не навязывают своего мнения жителям Грузии или Армении, где резко отличается ситуация и история отношений с алкоголем. Пусть взрослые люди сами делают выбор: пить или не пить, без воспитателя с плеткой. Возможно, потребуется референдум, причем отдельно в каждой республике. Очевидно, и в ближайшее время не стоит стричь все территории под одну антиалкогольную гребенку. А пока население стихийно «проголосовало» по этому вопросу длинными очередями за спиртным и реками самогона.

И, наверное, подсчитав уже сделанные огромные затраты на трезвость, к которой мы вряд ли заметно приблизились, не следовало бы медлить с принципиальным поворотом в антиалкогольной политике в сторону большего соответствия духу времени.

Только что стало известно, что в славном граде Киеве принято решение: объявить столицу Украины со следующего года безалкогольным городом. Как просто: взять и объявить. Во сколько жизней и миллионов рублей обойдется и этот заведомо безнадежный административный эксперимент? Вот если бы из своего кармана, за счет собственного здоровья...

Анатолий КОБЕНКОВ

БЕЛОЕ ОБЛАКО

Анатолий Кобенков сибиряк, много лет жил в Ангарске, последнее время — в Иркутске. Здесь же, в Иркутске, вышли все его книги.

Своими стихами Кобенков укрепляет общепринятое представление о сибиряках как о натурах широких и отзывчивых. Пожалуй, доброта и естественная доверительность разговора — это и есть те признаки, по которым его стихи легко отличить от потока.

Кобенков принадлежит поколению, которое до сих пор именуется «молодыми поэтами», хотя с каждым годом (а сорокалетний рубеж совсем рядом) это звучит все более уничижительно. Умение страдать — вот, пожалуй, важнейшее качество кобенковского стиха.

Сегодняшняя публикация — дебют поэта в «Огоньке».

* * *

Я живу не лучшим образом,
ибо до смерти устал
оттого, что в белом облаке
много лет тебя катал.

Я тебя, как ветер — веточку,
и как книжку — книгочей,
ранним днем и поздним вечером
перенес через ручей...

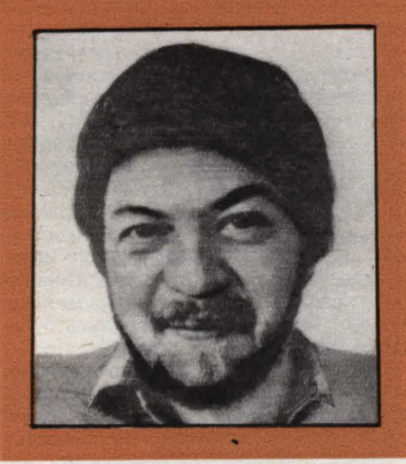
Мы тогда еще не ссорились
из-за каждого рубля,
ради нас в шеренги строились
транспаранты, тополя,

переругивались с тучами
деревянные дома,
выходили книжки Тютчева
и Софронова тома,

был пришторен кукурузою
свет нагрянувшей зари...
Каждый третий бредил вузами,
вазами —
процента три...

Вот какою жизнь мне помнится,
и такой она была —
с раскладушкой, но без комнаты,
с книжками, но без угла,

разноцветная, голодная,
как тайга перед грозой
и как елка новогодняя
с разукрашенной слезой...

ЧИТАЯ ЛУ СИНЯ

За моей избой — вся в смоле сосна
да черемуха в белой пене...
Как вино в груди, разлилась весна
не мгновенно, а постепенно.

Я прочел Лу Синя,
его А-кью
приходил ко мне,
весь в заплатах;
я читал и часто вставал к окну,
чтоб таких, как А-кью, оплакать.

Ни кола у них, ни двора,
увы,
ни подружки, ни крошки хлеба —
как трава живут,
если жизнь травы
столь неслышна и столь нелепа.

«У китайских писателей чистый
слог...» —
оттого, наверно, и грустно,
что примерно то же сказать я мог
и о наших писателях, русских.

Но сказать такое — как не сказать
ничего,
и верней, однако,
иногда — как в Китае —
горько вздыхать
и порой — как в России — плакать,

и смотреть в окно...
Я в окно смотрю:
тает ветер и снег вчерашний,
и бредет по лужам босой А-кью,
с нашим, русским А-кью,
обнявшись...

* * *

Здесь даль дождями заморочена,
налево — дождь, направо — дождь...
Пойдешь вперед ли — заболочено,
домой рванешься — пропадешь.

Но пахнет первой земляникою,
а над ближайшим озерцом
как будто бабушка над книгою —
синичка с маминым лицом...

Мне все здесь более чем нравится,
я даже думаю, что я
обязан был,
чтобы исправиться,
приехать в здешние края...

Портянки над костром полощутся,
и дым табачный бьет в поддых
трех взрывников,
двух чикировщиков
и геофизиков троих;

и я при них: цигарка сверчена,
и мне по нраву то, что здесь
не только птицы,
но и женщина,
Любовь Владимировна, есть.

Залив баранину подливою,
чаек наладив погустей,
она стоит, почти красивая,
над котелками всех мастей.

Обманутая мужем-пьяницей,
дотла спалившая мосты,
она сейчас мне больше нравится,
чем, необманутая, ты.

И потому, что смотрит весело
и мажет ваксой сапоги,
и потому, что занавесила
ночной рубашкой полтайги...

* * *

Спасибо всему, что на этой земле
еще остается: строке, на столе
сомкнувшей крыла свои; свету,
который, как мы с тобой,
тысячи лет
отыскивал эту планету.

Спасибо всему, что случилось:
губам
распахнутым снам, что наснились,
спасибо ломившимся к нам
тополям,
за то, что они были даданы нам
на счастье и в счастье сложились.

Спасибо за то, что могу говорить:
— Спасибо,— за то, что могу
повторить:
— Спасибо,— и вновь
повториться...
За то, что нас жизни возможно
лишить,
а жизнь ничего не лишится...

* * *

Все перешьется, перепишется
иглой тепла, пером добра,
уже сегодня
легче дышится,
чем, например, позавчера.

Уже проложены проталины,
где выкорчевывались пни,
и вновь надеждами затарены
на век расписанные дни...

А те, которые не дожили
до этих дней,
стучатся к нам,
как правило, весенним дождиком
и, как всегда, по четвергам...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

РЕСТАВРАЦИЯ ДУХА

«Неужели может пропасть хоть крупинка истинно ценного?.. Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг. Беречь их для народа надо; но, потеряв их, народ не все потеряет. Дворец разрушаемый — не дворец. Кремль, стираемый с лица земли,— не кремль. ...Кремли у нас в сердце, цари — в голове. Вечные формы, нам открывшиеся, отнимаются только вместе с сердцем и с головой».

Так писал в январе 1918 года не кто-то — Александр Блок. Писал, скорее продолжая философские дискуссии начала века о кризисе культуры, чем веря в страшную реальность своего пророчества. Но всего три года спустя, поздравляя московских друзей с рождением ребенка, поэт желал ему совсем иного:

«...Пусть... он будет человеком *мира,* а не войны, пусть он будет спокойно и медленно созидать истребленное... он будет расплачиваться за все, что мы наделали...»

В XX веке на горьком опыте, во всех своих великих экспериментах мы убедились: вслед за книжными кострами *всегда* зажигаются печи концлагерей, одновременно с главами соборов летят в никуда головы человеческие.

«Пренебрежение гуманитарным образованием очень дорого стоит человечеству. И мы начали понимать это»,— пишет академик Д. С. Лихачев в первом номере журнала «Наше наследие». Все-таки начали... И появление такого журнала — еще одно тому свидетельство.

Итак, «Наше наследие». Инициатор издания — Советский фонд культуры. Периодичность — раз в два месяца. Бумага — мелованная, иллюстрации — великолепные. В первом номере опубликованы неизвестные письма Н. В. Гоголя, П. Я. Чаадаева, Андрея Белого. Глава из первой монографии В. О. Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве». Автобиографические записи П. А. Флоренского, новые страницы «Африканского дневника» Н. С. Гумилева, стихи М. И. Цветаевой. Репродукция новонайденного портрета кисти Д. Г. Левицкого, очерки о гончаровском Полотняном Заводе, о подмосковной усадьбе Середниково, где юношей бывал Лермонтов, сообщение о создании музея династии Бенуа в Петергофе. Фотоэтюды последней четверти XIX века, художественное стекло XVIII — XIX веков... Резюме на английском, оглавление на четырех языках, обстоятельнейший комментарий к архивным материалам — были у нас прежде такие издания?

Были. «Старые годы» и «Былое», «Столица и усадьбы» и «Художественные сокровища России» — «Наше наследие» называет своих предшественников в первом же номере. И все же сопоставлять новый журнал с «уровнем 1913 года» вряд ли придется: он — другой, он принадлежит другому времени. Речь-то все-таки идет о *нашем наследии.*

О наследии, в котором пропавшее, размыканное, уплывшее и тщательно забытое не крупинками измеряется — пластами. О наследии, из которого «вечные формы» изымались воистину вместе с сердцами и головами.

Задача журнала — «спокойно и медленно созидать истребленное», интонация его — очень спокойна, но сам материал задевает нервные окончания дня сегодняшнего, сопротивляется спокойствию, кровоточит.

Елена ДЬЯКОВА

В. А. БОНДАРЕВ. Род. 1937. НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ. 1984.

неулыбчивая живопись

Фото Льва МЕЛИХОВА

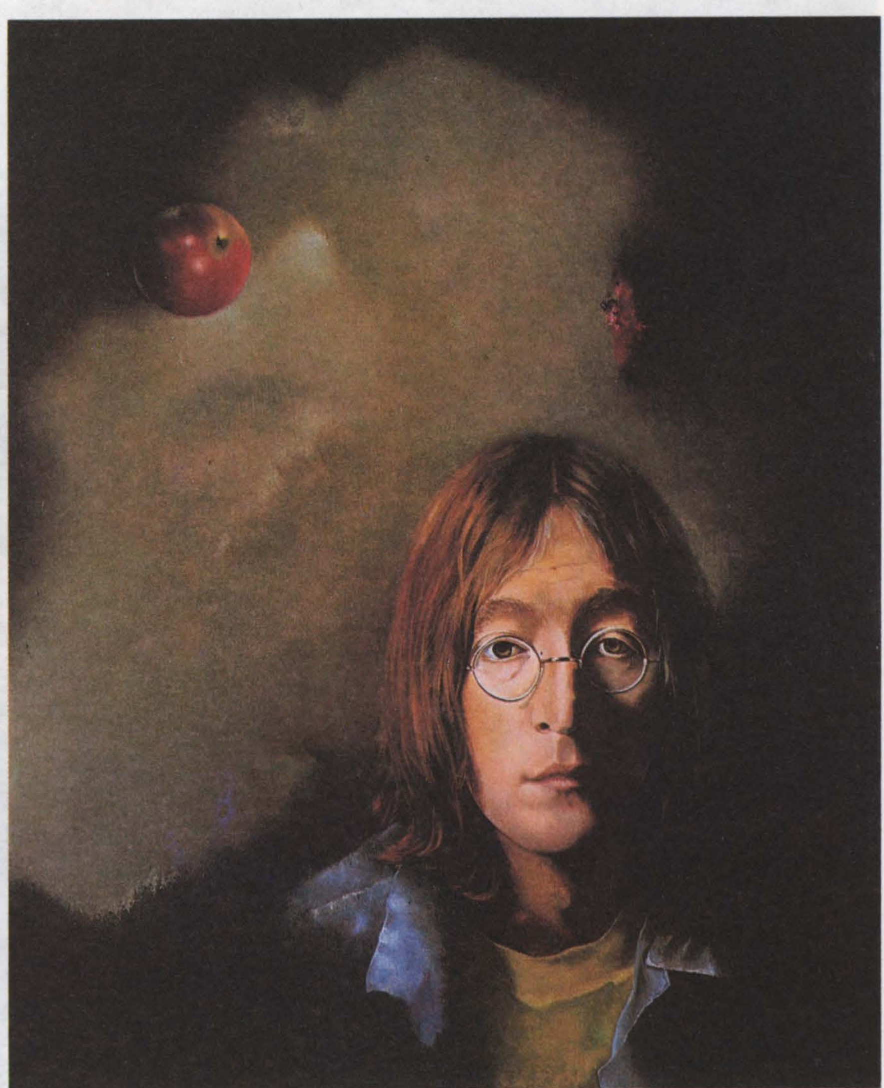
Юрий **РЯШЕНЦЕВ**

«Надо думать, а не улыбаться, надо книжки трудные читать», — сказал Борис Слуцкий. Он сказал это нам всем, но не все его услышали. Герои этих картин — из тех, кто услышал. Мне даже кажется, что это стало главным в их жизни — думать, а не улыбаться.

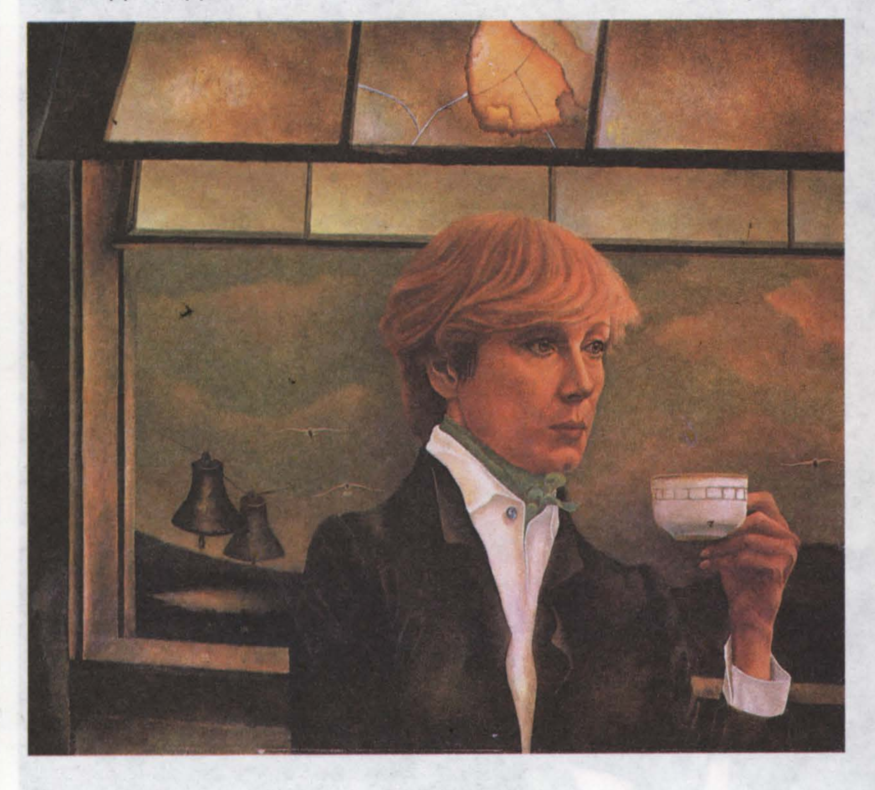
Когда без улыбки смотрит на нас со своего портрета Николай Гумилев, это понятно и естественно: поэты часто провидят свою судьбу, а судьба не та, которая может вызвать улыбку даже и у «конквистадора в панцире железном». Когда думают о чем-то своем, сосредоточенно и без улыбки, Марина Неёлова или Алла Демидова, актрисы из самых умных у нас и знающие цену актерскому счастью во времена, когда те, от кого зависело искусство, в том числе и лицедейское, делали все, чтобы превратить в лицедейство самую жизнь; когда, повторяю, так молчит Демидова или Неелова,— их несклонность к улыбке тоже объяснима, хотя и не совсем обычна для звезд со счастливой все-таки судьбой. Но не улыбается и мальчик, сын художника и немножечко Том Сойер, Том, который, вообще-то говоря, сам по себе есть улыбка озорного и непредсказуемого детства. То же и пес, существо, хоть и заставляющее зрителя улыбаться, но решительно отказывающееся отвечать ему улыбкой же.

По Бондареву, все мы острова, отделенные друг от друга слишком шумным житейским морем, чтобы можно было до конца расслышать и понять другого. Однако разглядывание любой малознакомой земли, неторопливая сосредоточенная разгадка ее тайны приводят к такому единению острова и его наблюдателя, когда в том, в другом, обнаруживаются новые черты, происходит взаимопроникновение, и земля становится немного похожей на своего наблюдателя, а наблюдатель, наверное, на землю. Первое особенно интересно наблюдать в портрете сына («В возрасте Тома Сойера»). Не знаю, верно ли, что единственное реальное бессмертие, которым обладает личность,— это существование в образе своих детей. Сын вовсе не обязательно повторяет отца. Но когда я смотрю на эту работу, мне кажется, что художник занят заклинанием судьбы своего ребенка, он как бы гипнотизирует ее своим взгля-

ДЖОН ЛЕННОН. 1987.

АЛЛА ДЕМИДОВА. 1983.

МАРИНА НЕЁЛОВА. 1981.

дом, потому что глаза-то у мальчика отцовы, не в том смысле, что похожи на глаза отца, а в том, что содержат такой опыт, которым мальчик обладать не может, а вот отец его — и побитый жизненными неурядицами, и не сразу нашедший дело жизни,— обладает и хочет, чтобы сын учел этот грустный опыт и одновременно припугнул свою неведомую пока судьбу этим не ждущим пощады, но и не склонным опускаться перед угрозами взором. Это могло бы произвести попросту неприятное впечатление, если бы странным образом мальчику на картине не удалось остаться ребенком, свободным и естественным, как всякий, кто «смолоду был молод».

Мне всегда было интересно, почему именно Бондареву, кинооператору по первой и не оставляемой им доныне профессии, для осмысления жизни нужна оказалась живопись. Почему ему обязательно надо остановить мгновение, которое так выразительно изменяется перед его кинокамерой, переходя в другое, в следующее и так до конца фильма. Кинооператор, занявшийся живописью, похож на одумавшегося Фауста: догадался наконец гениальный слепец, что любое мгновение достойно того, чтобы мы попытались остановить время, да вот как это сделать...

Но любой настоящий художник, независимо от масштаба, ничто без дерзкой попытки удержать мгновение... Где время — там и пространство. У работ Бондарева какие-то очень убедительные для меня отношения с пространством: мне трудно представить себе любую деталь картины сдвинутой хоть немного в сторону. Я думаю, что работа с кинокадром помогает ему в этом.

Мне же хочется обратиться к двум портретам, настойчиво подталкивающим меня друг к другу. Это портреты Николая Гумилева и Джона Леннона. Оба изображены молодыми, да им и не пришлось изведать старости. Два молодых человека двадцатого столетия: один — видевший его начало, другой — не успевший досмотреть конца.

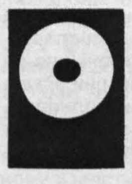
Гумилев на портрете знает все: и цену жизни, этого грозного подарка бога, природы ли Человеку, и хрупкость человеческую, и, похоже, свой скорый конец, когда его, Гумилева, понимание чести и долга столкнется с другим пониманием этих понятий или в данном конкретном случае пониманием их вообще: мы до сих пор слишком мало достоверного знаем о его смерти. Провидящий взгляд Гумилева объясним: это опять-таки взгляд живописца, страдающего от способности человека убивать даже и без особой нужды.

У меня есть ощущение, что Бондарев завершил какой-то важный для него этап в своей живописной работе. Я не знаю, будет ли он и впредь писать портреты. И тем более никто, думаю, и сам художник, не знает, научатся ли герои этих портретов улыбаться, не перестав, конечно, при этом думать и не разучившись «книжки трудные читать». Одни только дураки специально самоотверженно избегают улыбки, если жизнь такова, что «все стало вокруг голубым и зеленым» (песня за эту формулу ответственности не несет: она имеет в виду весну всего-навсего как сезон, а не как состояние общества). Но согласимся: «дураки» — это не про героев художника Владимира Бондарева. А «голубое и зеленое» — это не про нашу с вами жизнь.

ПОСЛЕ «ПРЕЦЕДЕНТА»

Дэви АРКАДЬЕВ

В 21-М НОМЕРЕ В СТАТЬЕ «ПРЕЦЕДЕНТ» «ОГОНЕК» РАССКАЗАЛ О ТОМ, СКОЛЬ ТЯЖЕЛО ДАЛОСЬ «ОКНО» В ЕВРОПУ ОДНОМУ ИЗ САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ СОВЕТСКИХ ФУТБОЛИСТОВ, ОЛЕГУ БЛОХИНУ. КАК СЛОЖИЛАСЬ ЕГО ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ПЕРЕХОДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АВСТРИЙСКИЙ КЛУБ «ФОРВЕРТС»? ЭТОТ ВОПРОС В СВОИХ ПИСЬМАХ ЗАДАВАЛИ МНОГИЕ НАШИ ЧИТАТЕЛИ. СЕГОДНЯ МЫ ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР НА СВОЕОБРАЗНУЮ ТЕМУ — «НАШИ В ЕВРОПЕ»,— КОТОРАЯ ВЫХОДИТ ДАЛЕКО ЗА РАМКИ ЧАСТНОГО СЛУЧАЯ...

легу Блохину и мне после публикации в «Огоньке» довелось услышать и прочитать (письма нам присылали тоже) немало самых противоречивых высказываний. Порой диаметрально противоположных. «Предатель! Снял все-таки погоны»,— зло высказался один из офицеров ведомства, на службе которого почти до двадцатых чисел марта нынешнего года числился майор МВД Блохин. «Молодец Олег! — говорил другой.— Вот это боец за перестройку: пошел ведь против бюрократов от спорта и все-таки доказал свое!» Здесь, как говорится, «на каждый роток...».

Информация ТАСС сообщила о продлении контракта, согласно которому Блохин будет отстаивать цвета клуба до 30 июня 1989 года.

Как живется и работается в австрийском клубе выдающемуся советскому спортсмену, ставшему профессионалом по статусу? Об этом в течение трех вечеров мы беседовали с Олегом Блохиным, когда он в Киеве заканчивал свой первый в жизни отпуск в летнее время. К слову сказать, на банальный вопрос «Как отдохнули?» я неожиданно для себя вдруг услышал его довольно бодрый ответ: «Прекрасно, как никогда раньше!» Такое из его уст прежде не доводилось слышать. Ведь как бывало? Обычно где-то в конце декабря спросишь его о самочувствии после очередного отпуска, а в ответ тяжкий вздох: «Ох, еще бы чуток отдохнуть, отоспаться...» А сейчас?

— Почти две недели мы всей семьей провели в Австрии,— рассказывал Олег.— Дней десять жили у меня в Штайере, а два дня — в Вене. Заканчиваю отпуск дома, в Киеве. Для меня эти солнечные летние дни показались сплошной сказкой. Мы отдыхали, купались, ездили на экскурсии. Я играл в теннис. Однажды в соседнем городке побывали на ипподроме. Особенно радовалась Иришка, которая сама кормила сахаром лошадок. Потом я на спор сел в двухколесную коляску, в которую запрягли резвую кобылку, и в заезде победил местную знаменитость — чемпиона по кетчу Отто Вана. При этом жена то и дело испуганно охала, переживая за меня, дочь ликовала, а я... выиграл бутылку шампанского. Не правда ли, может показаться странным, что впервые за все годы отдыхаю летом, когда у нас в разгаре футбольный сезон?! — улыбнулся Олег.— Сейчас снова предстоят тренировки, в конце июля стартует чемпионат Австрии. Мне скоро тридцать шесть, а я ничуть не ощущаю физической и моральной усталости, как бывало раньше. Во всяком случае, чувствую себя вполне отдохнувшим и с оптимизмом начинаю новый сезон.

Казалось бы, малозначительный штрих из жизни профи: иная, чем в нашей стране, формула чемпионата. Но как это много значит!

...Эту разницу — «они» и «мы» (и отнюдь не только в одной лишь формуле чемпионата!) — сполна ощутил на себе Блохин, чуть больше двух месяцев поживший жизнью профессионала западного образца. Я это сразу почувствовал. Признаюсь откровенно, что, беседуя с Олегом, я то и дело попадал впросак. К примеру, спрашиваю: «Что собой представляет тренировочная база вашего австрийского клуба?» А в ответ удивление: «Какая база? Она там не нужна». «А где же,— уточняю,— команда проводит предыгровой сбор в ходе чемпионата?» «Да нет там даже понятия такого — «сбор»! — удивляется он.— Что-то не узнаю вас?! Что за вопросы?» «Олег, вы уж меня простите,— говорю ему,— вы-то уже «професионал в законе», а я там ни разу не был!» «Что вы предлагаете?» «Давайте,— говорю,— начнем от печки, с того самого дня, как вы прилетели в Австрию». «Согласен»,— отвечает Блохин и берет свой дневник, который начал вести с первого дня жизни в австрийском клубе.

— ...Штайер мне понравился,— рассказывал Олег.— Это один из промышленных центров земли Верхняя Австрия. Но городок небольшой, с населением 43 тысячи. Из самых крупных — предприятие, где делают моторы для машин БМВ. Почти все остальное — частное предпринимательство: рестораны, магазины, кафе. Город ухожен. Очень красивый. Чем-то напоминает мне Ригу. Встретили меня приветливо. Немного пожил в гостинице, потом клуб предоставил трехкомнатную квартиру в доме, где, кроме меня, живут еще три семьи. Метрах в ста от дома спортивные площадки, теннисный корт, бассейн. Дом в зеленом пригороде Штайера, на машине минут пятнадцать езды от центра города.

— А какой марки ваша машина?

— «Мазда». Японская.

— Однако вернемся к футболу. 27 марта, как уже писала об этом наша пресса,— день вашего дебюта в «Форвертсе». Между прочим, австрийские обозреватели отметили, что «...в этой самой первой игре Блохин был признан лучшим среди футболистов обеих команд». Ваши впечатления того дня?

— Честно признаться, никаких впечатлений. Вероятно, сказались усталость, тяжелое состояние. В общем, не забываейте, что этому матчу предшествовало... Почему-то очень хотелось спать, а приходилось быть, как говорится, все время в центре внимания. Несколько пресс-конференций, во время которых журналисты в основном спрашивали: «Почему так долго не приезжал?» Отвечал как есть. Правду! Знакомство с командой. Сразу почувствовал — ребята смотрят на меня, как на звезду, и ждут: как я сыграю, как поведу себя? Тяжело далась та игра на раскисшем от дождя поле. «Форвертс» встречался с клубом «Ласк» из Линца. Ничья — 0:0. Думаю, что после этой игры мы друг другу понравились. Нормальные ребята. Молодые только: 22—24 года. Есть несколько тридцатилетних. В «Форвертсе» играют семь-восемь профессионалов, остальные — любители, которые днем работают или учатся, а вечером приходят на тренировки. По игре команду можно сравнить со средней командой нашей первой лиги.

...Недели через две после отъезда Блохина в Австрию позвонила мне его мама — заслуженный мастер спорта Екатерина Захаровна Адаменко. Рассказала, что говорила по телефону с Олегом. «Знаешь, мама,— говорит,— пахать приходится прилично. Уровень ребят слабоват. Стараюсь отобрать мяч, отдать партнеру, получить от него передачу и сам же стремлюсь забить».

Матерям, как правило, говорят правду. Перед ними не кокетничают. И по этому короткому диалогу можно было понять, что класс и мастерство игроков «Форвертса» на порядок ниже, чем у их нового партнера, вышедшего на поле под привычным для себя номером «одиннадцать». «А вы ему что сказали, мама Катя?» — спросил я. В ответ ее немного грустный голос. «Береги,— говорю ему,— ноги, сын...»

— Да, «Форвертс» явно пониже классом киевского «Динамо»,— продолжал Блохин.— Они играют совсем в другой футбол. Игроки очень мало взаимодействуют между собой, нет наигранных тактических комбинаций, точного паса, коллективных действий. Больше стараются играть индивидуально.

Мама не случайно настоятельно советовала Олегу поберечь ноги.

— ...Практически начиная со второй игры и до конца турнира меня опекали персонально,— рассказывал Блохин.— Прямо-таки дерби! Бьют прилично. Жесткий футбол. Все это не похоже на «венские кружева», как говорили когда-то об австрийском техничном футболе. Впрочем, это характерно для первой лиги. А уровень судейства очень низкий. Порой судьи не замечают явную грубость. Были моменты, когда меня в штрафной буквально хватали за футболку, валили с ног. Эти случаи в обозрении даже показало австрийское телевидение. Но арбитры, словно не замечая, ни разу не назначили пенальти.

— Олег, вам ли привыкать к грубости и судейским накладкам?!

— Верно. Я и не апеллирую к арбитрам. Просто стараюсь не дать себя поймать грубиянам. Опыт и чутье пока помогают. При этом умудряюсь даже забивать голы.

— Интересно, в каком матче забили первый? Сколько всего голов на вашем счету в играх за «Форвертс»?

— Первый мяч забил во второй игре. Мы встречались на своем поле. Стадион «Форвертс» чисто футбольный — без беговых дорожек. Рассчитан тысяч на 10 зрителей, но сидячих мест только 6—7 тысяч, остальные — стоячие. Как и в первом матче, на стадионе — аншлаг. Наш соперник — клуб «Мёдлинг». «Форвертс» выиграл 3:1, а мне удалось забить «свой» гол. Чувствовал, что партнеры и хозяева клуба остались довольны. Не обманул их надежд! Не скрою, самому было приятно: ведь меня пригласили на роль форварда, который должен на поле творить чудеса и забивать голы. В 13 матчах, которые я провел с марта по июнь, забил пять голов. Много или мало? Для сравнения — столько же голов на счету еще одного нашего бомбардира, а четыре человека забили по голу.

Хочется дополнить этот рассказ Блохина мнением заинтересованных лиц. После четырех-пяти матчей, сыгранных Олегом на австрийских стадионах, корреспондент ТАСС И. Ревякин позвонил из Вены в правление клуба «Форвертс». К телефону подошел председатель клуба Алоис Радльспек.

— Сказать, что мы только довольны Олегом, было бы просто несправедливо по отношению к вашему земляку,— заметил он.— Блохин, по-моему, не просто высококлассный спортсмен, но еще и большой энтузиаст футбола. К тренировкам и подготовке к матчам подходит серьезно. Ребята за ним тянутся, стараются не отставать. Я считаю, что мы сделали правильный выбор, пригласив к себе Блохина...

И еще один штрих, который, на мой взгляд, имеет отношение не только к жизни Олега в Австрии, но и ко всей будущей политике в вопросах «пущать» или «не пущать» наших звезд в зарубежные клубы. Начиная со второго-третьего матчей в честь советского футболиста на трибунах австрийских стадионов стали развеваться красные флаги! Как тут не вспомнить слова Лобановского, сказанные им еще в середине марта, когда не было известно, «отпустят» ли Блохина в Австрию.

— Убежден,— говорил главный тренер киевского «Динамо» и сборной страны,— что чем больше советских футболистов будет играть в зарубежных клубах, куда их можно отпускать в 28—29-летнем возрасте, тем выше будет престиж нашего футбола в мире.

Как в воду смотрел!

Подтверждением этому могут служить и приятные для нас вести из Франции, в профессиональном клубе которой успешно играет спартаковец

Вагиз Хидиятуллин. Примечательно, что французские функционеры связывают появление советского футболиста в их клубе с нашей... перестройкой. Президент клуба «Тулуза» Марсель Дельсоль так и сказал собственному корреспонденту Гостелерадио: «Считаю, что появлением советского игрока в «Тулузе» мы обязаны вашей перестройке. Раньше о таком и мечтать было нельзя. И это очень важно. Ведь сейчас, как никогда, нужно развивать контакты и более тесные связи во имя лучшего знания друг друга».

Попробуйте после этого утверждать, что большой футбол — вне политики?!

Однако вернемся к рассказу Блохина. Спросил его:

— Чем вам импонирует жизнь в профессиональном клубе?

— Для того, чтобы обстоятельно ответить на этот вопрос,— говорит Олег,— надо, вероятно, пожить и поиграть там поболее трех месяцев, глубже разобраться во всем. Пока же, как мне показалось, у них там нет никаких проблем. У футболистов одна лишь забота — игра! Вот мы здесь привыкли к постоянным сборам и почти триста тридцать дней в году проводим вне дома. А у них нет такого понятия. Поэтому, видимо, и не нужна своя загородная база. Для тренировок клуб арендует футбольное поле, а живут футболисты в своих семьях. Круглый год! Я там иногда вспоминал проблемы наших традиционных сборов на юге как страшный сон. Ведь, бывало, после тренировок или контрольных игр в промозглую погоду я едва успевал стирать свою форму, которую из-за гостиничных неудобств и высушить порой было негде! В «Форвертсе» тренируюсь так: в понедельник одна тренировка, во вторник, среду и четверг — по две, в пятницу — одна, в субботу — игра. Воскресенье — выходной. Но я там не знаю, например, что такое стирка своей формы. После тренировки или игры мы сбрасываем все пропотевшее и грязное в две пластмассовые корзины и... забываем. А перед очередной тренировкой или игрой все чистенькое и отутюженное уже разложено по нашим креслам в раздевалке. Как говорится, пустячок, а приятно. И занимаются этим два человека — муж и жена. Они же поддерживают порядок в раздевалке. Весь штат правления клуба состоит из четырех-пяти человек.

Или вот, к примеру, распорядок в день официального матча,— продолжал Блохин.— В половине двенадцатого утра собираемся в ресторане «Казино». Общаемся. Тренер дает установку. Отношения тренер — игрок очень уважительные: разговора на повышенных тонах я там пока не слышал. После установки обедаем, а потом каждый поступает согласно своим вкусам и привычкам. Я, например, после обеда еду домой, час сплю. Матчи в субботу начинаются в 16 часов: электрического освещения на стадионе нет. Приезжаю в раздевалку за час до игры.

— Это когда команда играет в Штайере. А если матч проходит в другом городе?

— Только однажды мы приехали в другой город за день до матча и переночевали там в гостинице. Дорога заняла часа четыре, но нисколько не утомила: отличные трассы и комфортабельный автобус, который клуб фрахтует,— своего у «Форвертса» нет. А так на игры в другие города, которые расположены неподалеку от Штайера, футболисты едут на своих машинах.

— К слову, Олег, о вашей футболке. Вместе со статьей «Прецедент» в 21-м номере «Огонька» была напечатана ваша фотография: на вашей футболке — броская надпись «Лейнер». Название фирмы?

— Да. Это один из основных спонсоров клуба «Форвертс». Фирма «Лейнер» по всей Австрии имеет 23 магазина, в которых продается все, что необходимо для дома: мебель, ковры, подушки, принадлежности для ванной и тому подобное.

— Олег, вы впервые в жизни оказались в новом для себя клубе, да еще в чужой стране. Неужели не почувствовали никаких проблем?

— Почувствовал. Языковой барьер и двухчасовая разница во времени.

— Надеюсь, со второй проблемой вы легко справились в первую же неделю: вам ли привыкать менять часовые пояса?! А вот как, интересно, складывается ваша жизнь в Австрии без знания языка?

— В первые дни было очень трудно. Но в самой команде у меня появились добровольные переводчики — Анди и Радан. Один из них из Югославии, у второго мать из той же страны, но он уже с шести лет живет в Австрии. Радану 32 года, Анди недавно исполнилось 25. Они понимают по-русски и помогают мне общаться. Познакомился с их семьями. Мы уже ездили все вместе за город на шашлыки. С Анди и Раданом у меня сложились дружеские отношения. А языковой барьер постепенно преодолеваю. Во всяком случае, уже сам вполне могу объясниться на почте или в магазине, заказать в ресторане нужное мне блюдо, но что, пожалуй, главное — партнеры понимают некоторые мои короткие возгласы на поле: «Вперед!», «Назад!», «Влево!», «Вправо!», «Не спеши!» и им подобные.

— Олег, а было что-то, к чему вам трудно было поначалу привыкнуть?

— Было. Слишком много свободного времени. Семья ведь приезжала ко мне на очень короткий срок, а без нее грустно. Особенно по вечерам.

— Как ваша команда отметила свой успех?

— Для нас решающим за выход в высшую лигу оказался матч с «Фёстом». Мы играли в Линце, куда приехали нас поддержать почти четыре тысячи болельщиков из Штайера. «Форвертс» выиграл, и один из двух «сухих» голов удалось забить мне. Между прочим, этот гол, как передало потом австрийское телевидение, был признан лучшим голом месяца в Австрии. После игры, разумеется, общее ликование на поле и на трибунах. Цветы, объятия, поцелуи. Свои футболки дарим зрителям. Зашли в раздевалку, а там в красивом сосуде литров на пять уже налито шампанское. Встретили нас, как встречают пилотов в гонках «Формулы-1»: окропили шампанским. А потом каждый по глотку выпил. Когда вышли из раздевалки, снова овации, приветствия болельщиков, цветы. Терпеливо даем автографы. И тут в толпе замечаю «своих» поклонников — австрийских мальчишек с красными флагами. Откровенно признаюсь, такое трогает душу. Особенно там, вдали от родного дома. Хороший это был день. Ликовали мои партнеры по команде, тренеры и хозяева клуба, наши болельщики. Радовались они, и мне было приятно...

Многие австрийцы, даже не интересующиеся футболом, без труда узнают на открытках киевлянина.

Ирины и Олег в «Огоньке».

Фото Геннадия КОПОСОВА

Ein gutes Team SK-Sparkasse Vorwärts Steyr.

...«Еще бы им не радоваться!» — подумал я, слушая рассказ Олега. Будем до конца откровенны и отбросим ложную скромность. Рядовой австрийский клуб за сравнительно дешевую плату заполучил звезду европейского футбола. Скажите на милость, кто у нас еще недавно знал о существовании этого провинциального австрийского клуба?! А кто им интересовался в Европе? Да, впрочем, и у него же на родине, где «Форвертс» почти сорок лет не мог пробиться в свою высшую лигу?! А тут начиная с 27 марта, то есть с того самого дня, как Олег Блохин надел футболку команды из Штайера, и до последнего июньского матча чемпионата Австрии во втором дивизионе на всех играх с участием «Форвертса» — аншлаги! Плюс ко всему резко возросший спрос на различного рода атрибу-

тику с эмблемой команды, в составе которой играет Блохин. Следовательно, и кассовый сбор, прибыли. Прибавьте к этому замелькавшие в прессе заметки о клубе из Штайера и его лидере Блохине. О том же — репортажи по радио и телевидению. Впрочем, повышенное внимание к «Форвертсу» проявила не только австрийская пресса, но и такие популярные в Европе футбольные издания, как «Франс футбол» и «Киккер». Причем последний написал, что Блохин для «Форвертса» — это «золотая рыбка»! А ведь для футбольного клуба из Штайера все это великолепная реклама, которая, как известно, на Западе в цене... Надо ли удивляться радости хозяев «Форвертса», продливших еще на год контракт, согласно которому Блохин уже официально выступит в роли играющего тренера?!

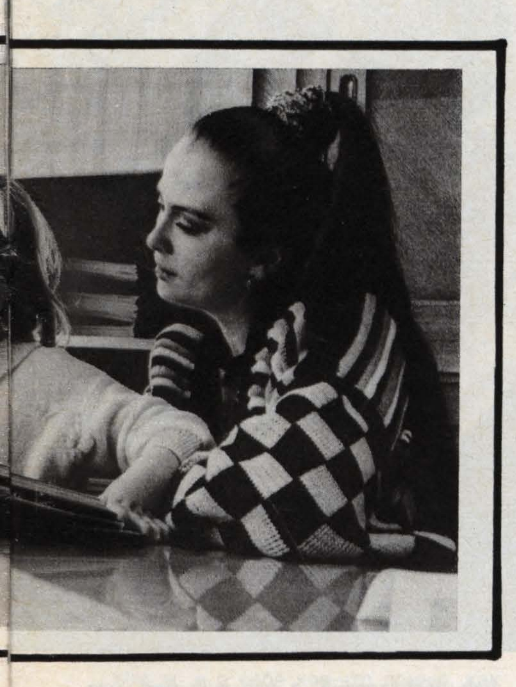
— Олег, как обстоит финансовая сторона нового контракта?

— В кассу Госкомспорта за год моего пребывания там должно поступить примерно 250 тысяч долларов. Моя заработная плата — 1000 долларов в месяц. Если учесть, что на питание, телефонные переговоры, бензин и прочие расходы буду тратить в месяц до 700—800 долларов, то, как говорится, чистыми за этот год своей жизни в Австрии могу заработать примерно две с половиной тысячи долларов.

— Не очень-то много...

— Но меня привлекали не столько материальные блага, сколько желание испытать себя в совершенно других, непривычных для нас условиях. К тому же перспективы тренерской работы для меня тоже заманчивы...

О заработке я спросил Блохина не ради праздного любопытства. Интерес к советским футболистам у представителей западных клубов растет: с ними

хотят заключать контракты. Правда, будем реалистами. Советские звезды футбола сами своей судьбой не распоряжаются. Торг ведет Госкомспорт. И думается, что иные его функционеры делают это, явно позабыв замечательные строки поэта о том, что «у советских собственная гордость...».

Кстати, «Советский спорт» сообщал, что известный западногерманский голкипер, 34-летний Харальд Шумахер, заключил контракт (заметьте: сам заключил!) с турецким клубом «Фенербахче» из Стамбула. Он будет выступать за него до 1990 года и получать 500 000 долларов за сезон...

Недавно в Киев прилетал специальный корреспондент популярной итальянской «Гадзетта делло спорт» Франко Томати. «После чемпионата Европы,— сказал гость из Италии,— советский футбол стал одним из наиболее привлекательных на континенте. Кроме того, некоторые игроки сборной Советского Союза очень приглянулись итальянским клубам».

Беседуя с Франко, я коснулся темы «наши в Европе».

— Нас на Западе поражает,— воскликнул синьор Томати, когда мы об этом заговорили,— почему советских игроков приобрели за сравнительно небольшие суммы и платят им очень небольшую зарплату?! В техническом отношении и по другим чисто футбольным качествам иные советские игроки не уступают западным звездам, за которых клубы заплатили миллионы. Да и заработки наших профи гораздо выше, чем зарабатывает сейчас, к примеру, Блохин или Хидиятуллин.

— А сколько зарабатывает игрок профессионального итальянского клуба?

— Точную цифру назвать трудно. К примеру, заработок таких звезд, как Марадона или Виалли,— восемь — десять миллионов долларов в год. Но есть футболисты, имена которых не очень хорошо известны, и зарабатывают они всего до 250 тысяч долларов в год...

Как вам нравится это «всего» итальянских профи, имена которых мало кому известны за пределами их страны, в сравнении со скромными «окладами», положенными Госкомспортом тем, кому рукоплещет футбольная Европа?!

Впрочем, похоже, что процесс перестройки в стране коснулся и нашего футбола. Лед, кажется, и здесь тронулся. Свидетельство тому — переход Александра Заварова, игрока киевского «Динамо», в клуб «Ювентус» из Турина. По контракту, сообщает печать, за три года выступлений киевлянина в итальянском клубе в порядке компенсации «Ювентус» выплатит пять миллионов долларов (по два миллиона получат киевское «Динамо» и Национальный Олимпийский комитет СССР, и один миллион пойдет в бюджет государства). Заметим, что сам Заваров, как утверждается, «...будет получать зарплату в Совинтерспорте согласно нормативам, установленным для специалистов, работающих за рубежом» (по словам Заварова, 1200 долларов в месяц). Правда, при этом «Ювентус» взял на себя расходы «...по проживанию, питанию, медицинскому обслуживанию, автотранспорту, по содержанию переводчика — преподавателя итальянского языка, школьному и ясельному обеспечению детей и выдаст небольшие суммы на карманные расходы...» (из интервью с В. Лобановским в газете «Правда Украины» от 23.8.1988).

Говорилось о различных проблемах, связанных с «переходом» Заварова, и в недавней — очередной на эту тему — публикации «Советского спорта»: начальник управления внешнеэкономических связей Госкомспорта СССР А. Погребной не слишком убедительно, на мой взгляд, попытался разъяснить финансовые взаимоотношения со своим государством наших спортсменов, на те или иные сроки выезжающих за рубеж. Казалось бы, можно и порадоваться: впервые сумма, указанная в контракте с «Ювентусом», близка к «европейским меркам». Но... не потому ли, что обсуждение контракта проходило «при активном участии В. Лобановского», о чем, кстати, начальник управления Госкомспорта упоминает как бы вскользь? Иначе говоря, когда в дело включился компетентный специалист, профессиональный тренер, тонко знающий европейскую конъюнктуру — и, пожалуй, истинную цену наших футбольных «звезд»,— вот тогда мы и не отдали свое богатство «по дешевке»!

Думаю, непосредственное участие компетентных представителей наших футбольных команд в заключении контрактов с западными партнерами должно стать нормой. Кому, как не им самим, уже сегодня, когда спрос на советских мастеров футбола в Европе резко возрос, стоит позаботиться о материальной основе (в том числе и в инвалюте!) своих клубов, некоторые из которых с будущего года перейдут на полный хозяйственный расчет и самофинансирование.

ПРОШУ СЛОВА!

Игорь ЗУДОВ

Каждый час в нашей стране от ишемической болезни сердца (ИБС) умирает 80 человек. Нестерпимо сознавать, что кому-то из них еще можно было сохранить жизнь. И речь идет не о врачебных ошибках. К сожалению, на этот раз дело упирается в «презренный металл». Операции на сердце дороги и требуют совершенной медицинской техники. А ее, по словам министра здравоохранения СССР академика Е. И. Чазова, только в 1988 году не хватает на 400 миллионов рублей. Так что же, смириться и терпеливо ждать, когда мы разрешим все узкие вопросы нашего здравоохранения? Скажите это родным и близким больных, приговоренных к смерти чумой XX века, как иногда называют ИБС! Посмотрите им в глаза!

ОЧЕРЕДЬ ЗА ЗДОРОВЬЕМ? АБСУРД

Рискуя навлечь на себя гнев читателей, позволю задать вопрос: почему в разряд дефицита — как автомобиль или импортная мебель — включена дорогостоящая хирургическая операция? Более того, мы вообще лишены возможности ее купить, то есть истратить деньги на улучшение здоровья, а порою — на спасение жизни близкого человека.

Операция на сердце стоит приблизительно 20 тысяч рублей.

Мне скажут: кому-то и под силу оплата столь дорогостоящей операции, но речь может идти лишь о единицах.

Отвечу так: в качестве одного из вариантов выхода из положения уместно рассмотреть вопрос о создании специального фонда, общим назначением которого являлось бы финансирование медицинской науки и техники, а более частным — оплата сложных и дорогостоящих операций.

Так и звенят в ушах скептические замечания: «Ну вот еще один фонд. Не слишком ли много их развелось?»

Нет, не много. Мы просто еще не привыкли к понятию фонда. В США, например, их множество, и это никого не смущает.

Я задумался: почему в некоторые фонды поступления не столь уж велики? Да потому, на мой взгляд, что они не персонифицированы. Когда нас призывают стать добровольными донорами, то мероприятие это относится скорее к добровольно-принудительным. А стоит сообщить, что кровь нужна погибающему от потери крови конкретному больному, как очередь добровольцев превышает потребность.

Так и здесь. Люди захотят знать, кому конкретно пошли их деньги, какому больному, кто проводил операцию, каков результат. Разве это не право того, кто платит? Гуманизм всегда конкретен, каким бы «абстрактным» и «общечеловеческим» его ни нарекали. Если поставить дело так, проблем со сбором средств не будет.

Если же гуманная вывеска фонда — лишь ширма для финансирования бюрократической системы и подкормки элиты, люди денег не дадут. Обезличка непопулярна.

По состоявшимся судебным процессам мы знаем, что в карманы разного рода знахарей попадают баснословные суммы. Человек ради здоровья готов на все. Готов заплатить шарлатану, потому что тот конкретен, а государство и его Минздрав абстрактны. Так почему бы не направить трудовые рубли на общее благо, но по каналам конкретной помощи не вообще «населению», а персонально Иванову от Петрова. Чтобы те, кто встанет на ноги, и те, кто их поднял своим рублем, узнали друг друга.

Представьте, что подобный фонд мог бы принимать пожертвования не только от наших соотечественников, но и от тех, кто живет за рубежом, но испытывает к нам симпатию. Возможно, средства захотели бы перечислить трудовые коллективы. В условиях, когда право распоряжаться фондом развития предприятия будет принадлежать в значительной мере советам трудовых коллективов, они вправе будут принимать решения об оплате сложной операции конкретному своему труженику. А возможно, захотят и регулярно отчислять средства в фонд развития медицины.

И, конечно, необходимо предусмотреть, чтобы средствами фонда имели возможность распоряжаться достаточно независимые ученые, как правило, сами испытавшие тернии в становлении новых направлений медицинской науки и техники. В общем, все это можно тщательно обдумать, обсудить и выработать оптимальное решение. Нельзя лишь ждать и мириться с тем, что кто-то сегодня в нашем обществе не может получить квалифицированного лечения только потому, что государство не имеет пока достаточных ресурсов. Министр здравоохранения СССР академик Е. И. Чазов сообщил, что «производство медтехники в следующей пятилетке возрастет почти в три раза... Скажете, долго ждать. Так давайте вместе приближать перспективу!».

Но как?

Я предлагаю так: привлечением средств населения.

А пока? Пока каждый час в стране жертвами ИБС становятся 80 человек. Так не стоит ли направить общие усилия на то, чтобы по возможности скорее уменьшить эту цифру?

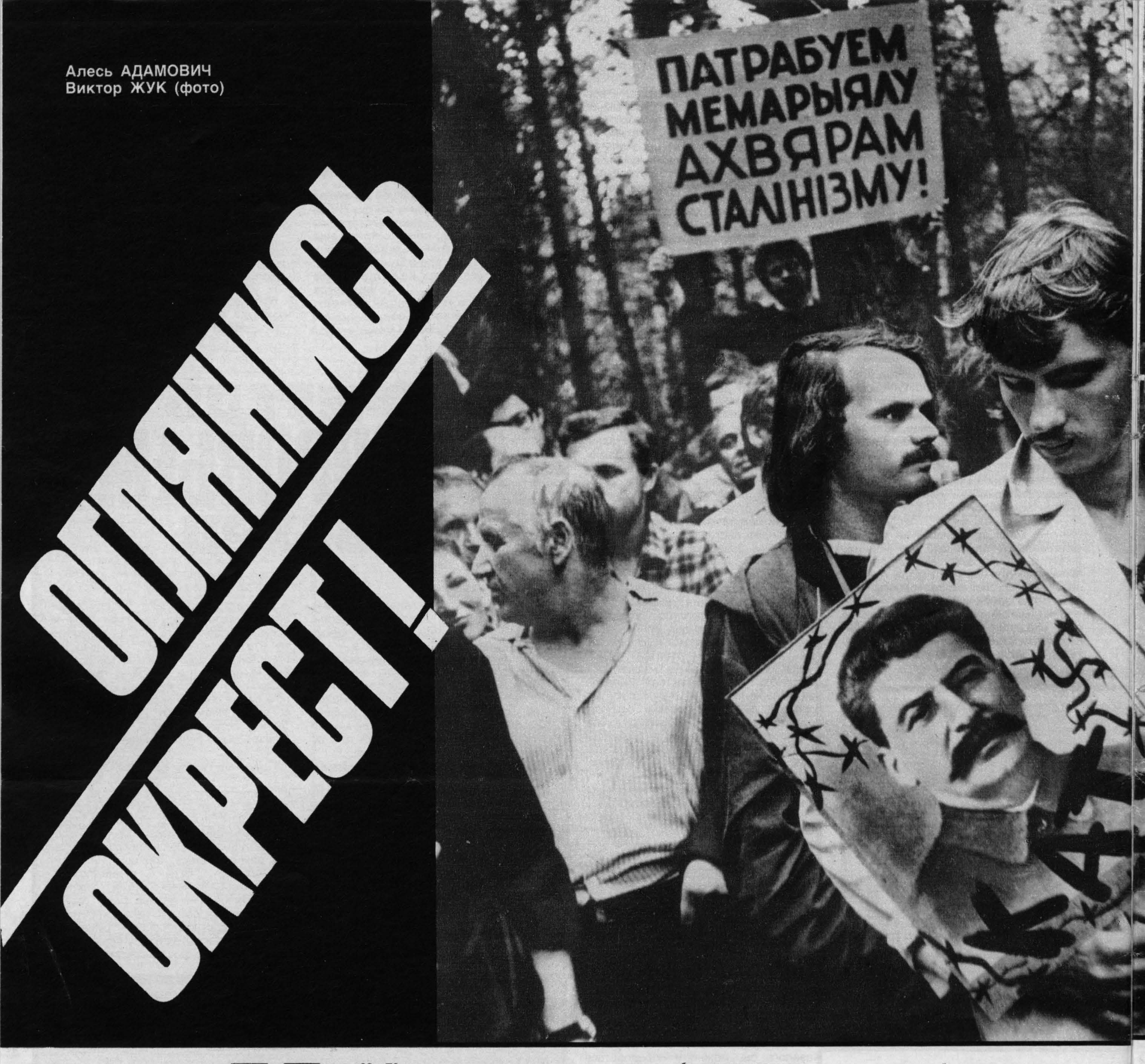
Помочь рублем. Помочь конкретным людям.

Предлагаю «Фонд ИБС».

Кто «за» — протяните руку помощи!

Алесь АДАМОВИЧ
Виктор ЖУК (фото)

ОГЛЯНИСЬ ОКРЕСТ!

Уже в 60—70-е годы открылась возможность путешествовать в сталинизм, по местам «не столь отдаленным» (но как раз очень отдаленным). Вот так мы с Янкой Брылем в 1971 году, воспользовавшись каким-то «писательским десантом», направились в сторону Дудинки, Норильска — по просторному, как Млечный Путь, Енисею. Сибирские леса и сопки время от времени открывали, показывали нам опустевшие поселки спецпоселенцев, где-то там остались на земле рубцы братских и одиночных могил, отсыхающие струпья лагерей, мы это замечали, но, конечно же, не видели всего того, что мог бы разглядеть «пацан из Дудинки» Виктор Астафьев (помните его недавний рассказ по телевидению?).

Наша с Брылем главная боль в те годы была — хатынская. Мы как раз делали книгу «Я из огненной деревни» — собирали по всей Белоруссии голоса народной памяти о фашистском геноциде. И естественно, что, когда нас позвал к себе в каюту капитан парохода, пожелав побеседовать с писателями об их заботах, делах, мы пустились рассказывать о страшных фактах и подробностях, записанных нами на магнитофонные ленты. Как фашистские каратели убивали целые семьи, заживо сжигали деревни, целые районы...

— Видел, насмотрелся и я,— отозвался капитан,— десятки рейсов сделал — все туда, полные трюмы, а оттуда — никого. Все там остались. Так что насмотрелся и на людей, и на нелюдей, как вы называете.

— После войны немцы, власовцы? — Мы все о своем.

— Нет, в 1937-м и аж до самой войны. Дальше возили другие, а я ушел на фронт.

Рядом с капитаном сидел начальник Дудинского порта, он капитана понял сразу, без уточнений...

Да, путешествовать в сталинизм не всегда означает — откуда-то и куда-то. Иногда это — заглядывать в самого себя. Мы его бадьями из себя вычерпывали, парашами извергали на протяжении десятилетий, а все еще есть что выдавливать, по капле. Например, внедренную в нас убежденность, иллюзию (где-то одновременно с угрожающей фразой: у нас зазря не арестовывают?), что палачи, мучившие и убивавшие наших людей до войны или после войны, делали это как-то «гуманнее», оправданнее, что ли, нежели пришельцы с Запада. В той же Дудинке схватился спорить с писателем, для которого идея государственности, державности — оправдание любым мерзостям.

— Они верили! — напирал оппонент. Это он — об охранниках и о самом главном «вертухае», вышка которого торчала нвд головами всех 170 (или сколько нас тогда было) миллионов. Ну, а те, кто творил немыслимые жестокости на землях оккупированной Белоруссии, Украины, России, Прибалтики,— они что, они не могут сослаться на свои «символы веры»? И могут, и оправдывались именно так на Нюрнбергском суде народов. На «веру» ссылались да еще на приказ.

Останки из захоронений в Курапатах. Фото эксперта МВД БССР Юрия Орешкина.

Оказывается, там, где многие минчане любили отдыхать семьями, с детьми, устраивали пикники — холмистое, заросшее сосняком место это и называется Курапаты,— там кости, простреленные черепа, запрятанное преступление (близко, под травкой, под желтым песочком!). Тысячи и тысячи убитых были упрятаны более чем в пятистах общих могилах! То-то же странно как-то корчилась земля, ни одного метра без бугорка, без провала, провисания!..

После XX съезда все еще подшучивали (удивительная наша способность даже о Чернобыле анекдоты сочинять и слушать!), мол, как должен вести себя советский человек, если его бить древком его же знамени?.. Тут механизм забывания должен, видимо, срабатывать еще безотказнее?

Но наконец-то пришло время помнить. Когда-нибудь — писал Рей Бредбери — мы вспомним так много, что выроем самую глубокую могилу в мире. Хочется добавить — беспамятству. Тогда, в 70-е, им удалось — тем, кто и могилы опустошал,— нашу, ну, не нашу, так следующих поколений память опустошить. Больше такого похищения памяти допустить мы не должны. Как бы ни хотелось некоторым.

А все еще хочется: пытаются успокоить нашу совесть ссылками на исторические прецеденты (все, мол, революции пожирали своих детей), исторической неизбежностью, даже патриотизмом (все, даже такое, «наше» надо любить), даже «натравливанием» жертв 1929—1933 годов на тех, кого сталинское безумие настигло в 1937 году,— вот уже до чего доходит!

Впрочем, удивляться тут нечему. Мог же автор подобных рассуждений, приехав к нам в Минск еще в 1970-м, объяснять истребление 80 процентов белорусских писателей такой «логикой»: Купалу же и Коласа не посадили? Вот то-то же, даже хозяйка, если она умная, морковку на грядке прореживает ради того, чтобы крупной расти было более споро. Вот так — в лицо всему институту белорусской литературы, и мы его не вышвырнули за дверь, а некоторым даже провожать его пришлось к поезду (гость как-никак) и выслушивать дальше, какие мы родственно-кровные братья-славяне.

Это тоже из тех времен в нас такая вот терпимость к нетерпимому! Что ж удивляться, что перестройка движется такими зигзагами, а писатели отнюдь не всегда показывают пример особенно ясного мышления, ясных чувств?

Да, памятник жертвам сталинских репрессий, беззаконий, мемориал в Москве — великое дело. Ну, а как быть с Курапатами под Минском?

Работа по изучению материалов, документов уже началась. После статьи в газете, где приведены убедительные свидетельства, прокуратура возбудила уголовное дело по обнаруженным останкам людей в Курапатах — кажется, впервые в нашей истории по преступлению, совершенному государством. Создана правительственная комиссия, но общественность на митинге выразила свое несогласие с ведомственным отбором, келейным назначением членов комиссии, люди потребовали ввести в ее состав Василя Быкова, в честность и объективность которого верят. В кем-то опорожненных могилах все-таки кое-что осталось — это тщательно изучается, работа ведется в архивах, заново опрашиваются свидетели из окружающих Курапаты деревень...

А сколько таких Курапат в других республиках, в больших и малых городах? Не говоря уже о «столицах Гулага»: возле Магадана, в Воркуте и вокруг, в Дудинке, Норильске...

А как моей Глуше быть: третья часть довоенных рабочих-стеклодувов исчезла в далеких ледяных недрах Гулага — куда нести нашу память, боль, наши цветы? Я уже предлагал: дополнить памятник потерь рабочих поселка Глуши (погибшие на фронте, в партизанах —

Что ж, и о себе кое-что помню, как при всем моем военном, в партизанах, прозрении (там немало слышал, видел, понял того, что потом обнародовал XX съезд КПСС) как я читал повести, воспоминания о наших лагерях. Уже, кажется, знали главное, а все равно на каждой странице приходилось снова и снова расставаться с навязанным самообманом (да, есть насильственный самообман). Читал «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, «Барельеф на скале» Алдан-Семенова, узнавал (насмотрелся на такое, когда гоняли на работу немцы наших военнопленных), но именно это узнавание и пугало, поражало: что, что? Пристреливали ослабевших?.. Как за «попытку к побегу»? Кто, наши?.. Шаг влево, шаг вправо — стреляем!..

Можно было бы спросить у себя: ну, а куда девались миллионы забранных, увезенных в начале 30-х, в конце 30-х? Не спрашивали, ухитрялись как-то не спрашивать. Не впускали в себя всю реальность, даже очевидность. Даже когда заговорили те, кто все-таки вернулся оттуда. Помню, как заплакал старый человек, рабочий стеклозавода (это моя Глуша, она 85 зеков поставила в 1937-м,— и почти все рабочие,— Гулагу), как он не выдержал, заплакал, когда стал рассказывать, что следователи выкручивали ему «самое больное, у мужчины место»: «Подпиши! Подписывай!»

Не впускали всю правду. И не выпускали, все удерживали какие-то иллюзии: да, да, но все-таки наши! И Сталин тоже имел заслуги!..

Мы, минчане, только недавно вдруг сообразили (опять вдруг!), что в 30-е людей губили, уничтожали не только за Полярным кругом, но и рядом с домом. Не увозя за тридевять земель, выполняли «план» и «обязательства» (тоже принимались «повышенные») по разоблачению и обезвреживанию «врагов» (сначала «социально чуждых», затем «кулаков», а потом уже по профессиям — инженеров, учителей, военных, ветеринаров, партработников и т. д. под общим названием — «враги народа»). В городе тысячи людей прислушивались, не загудит ли машина, за кем подъедут, придут, в окружающих Минск деревнях тоже не спят по ночам, потому что они там слышали: «пок-пок-пок-пок»...

Потом мы после войны жили в Минске и ничего, ничего не знали, не помнили про Курапаты, лес там вырубили, снова вырос, братские ямы-могилы осели, опустошенные «кем-то», хотя и не до конца, уже после войны. (Точно так же поступали и немцы, покидая оккупированные земли. Да, значит, кто-то помнил о том, о чем мы так послушно забыли, а «он», а «они» о своих заслугах помнили, все-таки суд истории пугал!)

И вдруг статья в белорусской газете «Літаратура і мастацтва» Зенона Позняка и Евгения Шмыгалева (поддержанная словом Василя Быкова), «Курапаты — дорога смерти», где рассказывалось о раскопах под Минском в мае этого года.

102 человека) этими (82). Ведь 82 человека — тоже жертвы войны — антинародной войны диктатора.

Боль, горечь на каждом шагу, при каждом вздохе, шевелении памяти — вот что такое последствия культа Сталина. Что ж, пусть и для все еще громких поклонников палача не будет неожиданностью, что вместо прежних привычных они получают и такие памятники — напоминания о своем кумире — во многих уголках нашей земли.

В Минске же на месте Курапат уже не просто памятник видится, но, как и в Москве, мемориальный исследовательский центр. Мы наконец должны понять, разобраться, что с нами, с нашим обществом происходило. А без этого как двигаться к правовому демократическому государству? Зенон Позняк, историк-археолог, привлекший внимание к Курапатам, он и сегодня моральный центр этой работы. Человек он несгибаемый, одержимый правдой,— такими движется перестройка.

И что еще важно подчеркнуть в этой минской истории — одно лишь событие, а температура перестройки сразу изменилась, жизнь обрела иное качество. Это лишний раз доказывает, как назрел такой сдвиг и в Минске, заслужившем в последнее время печальную репутацию антиперестроечной Вандеи стараниями некоторых обществоведов и идеологических начальников. Но тут они оказались бессильны: тысячи людей, горожан из деревень, двинулись на митинг в Курапаты. С плакатами: «Сталин — кат (палач)», старухи со свечами. А их поджидали на дороге колонны удобных автобусов: не лучше ли вам, граждане, проехать к оперному театру, там и помитингуем. Привычная убежденность руководителей, что они знают, как и что народу лучше. И нежелание считаться с естественными чувствами людей — куда же нести боль свою, если не на место трагедии?

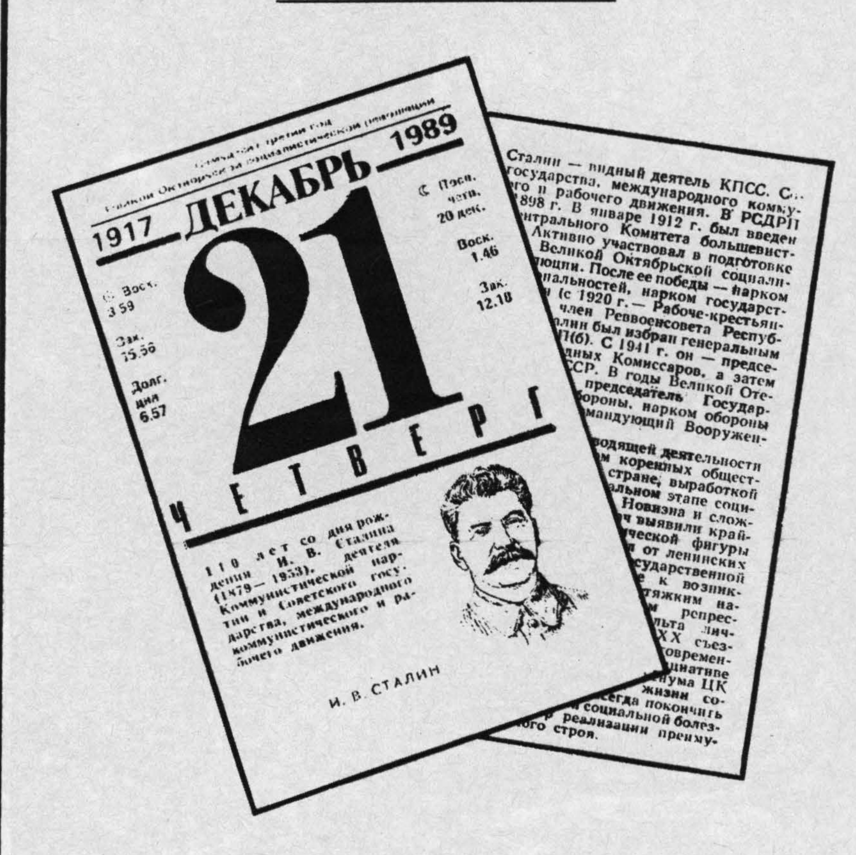
Неудивительно, что инициативу митинга в Курапатах взяли в свои руки молодые неформалы — писатели из «Толоки» и провели его с удивительным для их возраста тактом и чувством ответственности.

Могу сообщить: еще один серьезный барьер против перестройки, возводимый вот уже столько месяцев, о который бился все это время, казалось, один Василь Быков,— затрещал этот барьер, а некоторые секции в одночасье рухнули. Нет, и Павлов, и Бовш, и Залесский, и Бегун, и Игнатенко, и Малашко, и им подобные все еще чувствуют себя на коне. Вот и недавно, уже после Курапат, на различных академических и вузовских сессиях, «круглых столах», подтвердили свои повторные обвинения-приговоры деятелям белорусской культуры, литературы, многие из которых были уже реабилитированы после XX съезда КПСС. Но они и после XXVII гнут свое. Читают и бурно приветствуют доклад: «Сталин — политический вождь» (сам афишу видел), а народ идет с плакатами «Сталин — кат»,— что ж «философский» спор уже вынесен на улицу, а это для наших «философов» смертельный номер. Вы где-нибудь слышали наших идеологов, выступающих перед сегодняшней толпой? Нет зрелища, истории на свете печальнее, чем это! В тех же Курапатах было продемонстрировано: только молодежь из «Толоки», принявшая на себя ответственность за порядок и дисциплину, спасла их от позорного изгнания с митинга.

Рядом с Курапатами — Вандея? Это долго продолжаться не может — такое соседство.

Оглянись окрест! — прошлое ждет нашего смелого, безбоязненного вглядывания. Оно готово прийти нам на помощь и приходит — в борьбе за будущее, за гуманный правовой, истинно народный социализм. Хочется верить, что он, такой, возможен.

ПРОШУ СЛОВА!

1917 ДЕКАБРЬ 1989

21

ЧЕТВЕРГ

Воск. 3.59

Зак. 15.56

Долг. дня 6.57

Посл. четв. 20 дек.

Воск. 1.46

Зак. 12.10

110 лет со дня рождения И. В. Сталина (1879—1953), деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения.

И. В. СТАЛИН

Сталин — видный деятель КПСС. С.. государства, международного комму- ...го и рабочего движения. В РСДРП ...898 г. В январе 1912 г. был введен ...нтрального Комитета большевист- ... Активно участвовал в подготовке ... Великой Октябрьской социали- ...юции. После ее победы — нарком ...нальностей, нарком государст- ... (с 1920 г. — Рабоче-крестьян- ... член Реввоенсовета Респуб- ...алин был избран генеральным ...П(б). С 1941 г. он — предсе- ...дных Комиссаров, а затем ...ССР. В годы Великой Оте- ... председатель Государ- ...бороны, нарком обороны ...мандующий Вооружен-

...водящей деятельности ...м коренных общест- ... стране, выработкой ...альном этапе соци- ... Новизна и слож- ...ч выявили край- ...ческой фигуры ...л от ленинских ...сударственной ...е к возник- ...тяжким на- ...м репрес- ...льта лич- ... XX съез- ...овремен- ...циативе ...енума ЦК ... жизни со- ...всегда покончить ... социальной болез- ...р реализации преиму- ...ого строя.

Юрий ТЮРИН,
кандидат исторических наук

С ОДНОЙ СТОРОНЫ, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ...

Отрывной календарь на 1989 год. Выпущен Политиздатом, тираж — 13 миллионов экземпляров. Декабрь... Портрет Сталина и подпись: «...деятель Коммунистической партии...». А на обороте листка уже: «...видный деятель КПСС, Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения». Дальше больше... «Новизна и сложность стоявших в те годы задач выявили крайнюю противоречивость политической фигуры...»

Ах, это они «выявили», новизна и сложность задач! Это они повинны в «противоречивости» фигуры, совершившей геноцид против советского народа, установившей в стране кровавый диктаторский режим, плоды которого — кровь и страх, миллионы загубленных людей, искалеченных судеб. Издатели все это назвали отходом «от ленинских норм и принципов партийной и государственной жизни». Они, издатели, должно быть, запамятовали, что культ Сталина — чуждое социализму явление, наиболее пагубно отразился на продвижении нашего общества по социалистическому пути, стал тормозом на пути реализации огромных преимуществ нового строя, снизил его творческий потенциал, деформировал сущностные принципы, заложенные В. И. Лениным.

Или издателям и сегодня не жутко от «теоретического обоснования» Сталиным политики массовых репрессий? От его концепции обострения классовой борьбы по мере продвижения страны по социалистическому пути? А ведь у них было время ознакомиться с его докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б). По Сталину, «чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству»... И дальше: «...Враги народа будут двурушничать и, двурушничая, будут маскироваться под большевика, под партийца, для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе доступ в наши организации». В разделе доклада «Наши задачи» Сталин дает прямое указание проводить массовые репрессии. Ведь 1937-й только начался! И все еще впереди... Сталинско-ежовская машина уже была запущена, и конвейер смерти работал. Кстати, некоторые участники того февральско-мартовского Пленума так и не вернулись с него домой. В их числе и Н. И. Бухарин...

На том Пленуме «вождь всех народов» охарактеризовал «настоящих вредителей», его указание обсуждению не подлежало. «...Настоящий вредитель,— говорил Сталин,— должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу. Я думаю, что вопрос этот ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях...» Вот так, товарищи из Политиздата.

Как «видный деятель международного коммунистического и рабочего движения» (см. календарь), Сталин тоже «внес» известную лепту: он бесцеремонно вмешивался во внутренние дела коммунистических партий, входящих в Коминтерн. Издатели не могли не знать, что в страшную воронку террора были втянуты Коминтерн, руководящие кадры компартий Австрии, Венгрии, Германии, Польши, Румынии, Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии и других. Нож сталинско-ежовской гильотины обрушился на видных деятелей международного коммунистического и рабочего движения.

Но с чем я категорически не могу согласиться, так это с утверждением издателей календаря, будто «новизна и сложность стоявших задач» стали причиной умопомрачительных беззаконий, совершенных Сталиным и его ближайшим окружением. Все это надо искать не «в новизне и сложности стоявших задач», а в отступлениях от принципов коллективности партийного руководства, свертывании демократизма в партии, деформациях в функционировании верховных органов КПСС — ее съездов, конференций, в уничтожении духа принципиального партийного товарищества, в непомерном самомнении Сталина и его пренебрежении мнением партии.

И сегодня, восстанавливая правду, демократизм, создавая механизм, при котором не повторились бы трагические ошибки, мы не можем не оглядываться в прошлое, не говорить о нем правдиво, как бы горько нам ни было. Сверять свои действия и решения с предостережением Энгельса, который считал необходимым, чтобы люди перестали наконец обращаться с партийными чиновниками — своими собственными слугами — с постоянной чрезмерной деликатностью и вместо критики их покорнейше повиноваться им как непогрешимым бюрократам... Это актуально и в наши дни.

СКОЛЬКО СТОИТ МИЛЛИОН ?

В очерке М. Корчагина «Плисецкие миллионы»* («Огонек» № 31, 1988 г.) рассказывалось о том, как некоторые не в меру ретивые чиновники Министерства культуры СССР и Госконцерта пытались бросить тень на честное имя народной артистки СССР М. М. Плисецкой.

За эфемерными миллионами, как оказалось, стоят не только нравственные, этические, но и глубокие экономические проблемы. Именно об этом и написала в редакцию Майя Плисецкая после опубликования очерка.

«Речь идет о моей зарплате за мою работу и о поборах Госконцерта. Моя заработная плата,— пишет она,— в качестве художественного директора Национального балета Испании составляет на сегодня 7500 американских долларов. Но все это до последнего цента я послушно сдаю государству. Это мой ежемесячный оброк Госконцерту СССР».

Последний, в свою очередь, милостиво ссужает из этих тысяч жалкие суточные на проживание за границей самой балерине, заработавшей в поте лица данную сумму. А как же наш принцип: от каждого по способностям, каждому по труду? О способностях говорить не будем — о них знает весь мир, они уникальны. Поговорим о труде, в результате которого государственный карман пополняется крупными валютными суммами. И как оценить хотя бы один миллион, заработанный для нашего государства той или иной звездой, постоянно гастролирующей за рубежом? Одной только Майе Плисецкой, например, такой миллион стоил десятки лет каторжного труда. За время своих гастролей балерина сдала нашему государству более двух миллионов (!) долларов.

Так какие же «сверхприбыли» от этих астрономических сумм имеет сам советский артист? Здесь уместнее было бы вести речь о поборах с советских артистов. А за примерами ходить далеко не приходится — они в том же письме балерины:

«За выступление на телевидении мне заплатили 10 000 долларов чистыми. Госконцерт же милостиво разрешает мне взять себе 160 долларов. При этом я должна привозить море бумажек, копий, заверенных счетов, квитанций, вплоть до справок из Мадридского банка — каков биржевой курс американского доллара в день получения своей собственной зарплаты. От запроса этих бумаг у нормальных людей глаза на лоб лезут! Я уже не говорю о провозе через государственные иностранные границы целых саквояжей денег, подлежащих сдаче в Госконцерт, что карается законами, например, Франции, Италии, Испании...»

Таким образом, известные, с мировым именем пианисты, певцы, балерины поневоле становятся, если так можно выразиться, «инкассаторами» Госконцерта, опасаясь при этом за судьбу крупных сумм и пряча честно заработанные деньги в самые невероятные места. Разве не унизительно это для наших звезд, составляющих золотой фонд нашей отечественной культуры? Но вернемся к тому «крепостному оброку», о котором пишет известная балерина. Сама сумма оброка далеко не постоянна. Она, как отмечает Майя Плисецкая, варьируется в размерах, приводя при этом к путаницам и осложнениям в бухгалтерии.

«Никакого подобия стабильности моего крепостного оброка нет и в помине. Каждый раз сумма, надлежащая к сдаче, варьируется (а для иных артистов закон поборов вообще отменен). Так было и в этот «итальянский» раз. Через несколько месяцев после моего расчета с бухгалтерией Госконцерта сумма задним числом внезапно была названа иная, бóльшая. Я бурно среагировала. Тогда сумма стала принимать «карательные», угрожающие размеры — согнем в рог бараний, в порошок сотрем, почтальоны стали носить повестки... Шесть раз на протяжении года госконцертовцы определяли шесть разных сумм — с 2000 долларов до 9000 и обратно. **(Кстати сказать, иск из суда был отозван Госконцертом СССР сразу же после выхода в свет очерка.— Ред.)** ***Если же действительно была путаница с расчетом, то произошла она по вине бывшего замминистра культуры СССР т. Иванова Г. А.».***

Впрочем, Майя Плисецкая не единственная, кто стал жертвой административного произвола со стороны того же работника министерства: ***«Мой трехлетний контракт с Римской оперой после двух лет работы официально расторгнут не был. Просто тот же т. Иванов Г. А. не пожелал «оформить» на новогоднюю постановку «Щелкунчика» в Риме Героя Социалистического Труда, народную артистку СССР Ирину Колпакову, что было уже заранее оговорено и спланировано итальянской оперой (я в тот момент была занята в Москве постановкой «Дамы с собачкой»). Ни десятки звонков, ни обращения к здравому смыслу, ни оставленные без ответа 11 панических телеграмм римлян, ни разговор самой И. Колпаковой с П. Н. Демичевым не возымели действия — вершитель наших судеб товарищ Иванов был непреклонен. Время шло. Не получив совершенно никакого ответа из Министерства культуры и Госконцерта, римляне вынуждены были пригласить на постановку «Щелкунчика» хореографа из другой страны. Контакты прекратились сами собой... К слову, я тоже каждый раз «оформлялась» со скандалом, с нервотрепкой, до последнего часа держа в напряженном ожидании многочисленную римскую труппу — приедет или нет. Но ведь автором происшедшей сумятицы является чиновник Иванов! Он пусть и расплачивается за все. Почему высокий функционер не должен отвечать за свои поступки?!»***

Только из процитированных выше строк уже видно, сколько потрепанных нервов стоят подчас нашим звездам заработанные для страны миллионы. Скажем больше, сами звезды — эти объекты восторгов поклонников — становятся иногда изысканным «прикрытием» для некоторых дельцов, промышляющих на ниве искусства.

«Я сама наблюдала, как в недалеке, былые времена проворные директора и их многочисленные замы умудрялись заключать на меня по два равноплатежных договора с одним импресарио. Один договор — официальный, другой — тайный. На моих же глазах они клали эти внушительные тысячные суммы себе в карман, по-свойски деля добычу между собой, а часть передавая выше. (Когда я говорила об этом во всеуслышание, и замминистрам культуры тоже, все лишь потупляли глаза.) Какие же у меня могут быть основания верить в их порядочность и честность? Сейчас в Госконцерт пришел новый директор. И мы, артисты, связываем с ним немалые оптимистические надежды...»

Те же надежды питает и редакция. Хотя что в данном случае зависит от одного человека (пусть даже хорошего)? Да и что может один новый директор в старой, по мнению многих, прогнившей системе административного произвола? И, видимо, не случайно Министерство культуры СССР отмалчивается по поводу опубликованного очерка.

ОТДЕЛ МОРАЛИ И ПИСЕМ

* Имелись в виду итальянские лиры. Согласно денежному курсу, 10 000 итальянских лир равны 4 рублям 70 копейкам.

«Окликнуть канатоходца...»

Читателям, наверное, запомнился очерк под этим заголовком в № 36 «Огонька» за прошлый год. Речь шла о конфликте между председателем горисполкома Ю. Петрушиным и (теперь уже бывшим) первым секретарем ГК КПСС У. Хусаиновым. Бюро горкома партии потребовало отставки мэра города. Но против высказалось большинство членов партийной группы исполкома горсовета, в том числе и Л. Штейнберг. Ю. Петрушина удалось отстоять. Однако победа демократии, видимо, не устроила кое-кого в руководстве Татарии: на Штейнберга оказали силовое давление.

«Первый раунд» завершился тем, что министр внутренних дел Татарской АССР вынужден был отменить свой приказ о смещении Леонида Даниловича Штейнберга с должности и переводе в другой город с понижением. Его назначили начальником дежурной службы пожаротушения Управления пожарной охраны МВД республики. И тут, когда, казалось бы, тучи развеялись, последовал новый удар.

15 октября 1987 года в одной центральной газете была опубликована статья М. Холодова «По кругам беззакония», где автор выдвинул против Л. Д. Штейнберга ряд сугубо уголовных обвинений.

Утверждалось, что Леонид Данилович, будучи заместителем начальника УВД Набережных Челнов, якобы брал взятки от мошенников, покровительствовал местной мафии, предупреждал преступников о предстоящих арестах... «Мы не утверждаем,— писал М. Холодов,— что факты взяточничества и коррупции, о которых сообщается в ряде показаний, доказаны». Газета же, поддерживая своего автора, в послесловии «От редакции» вовсе рассеивала сомнения своих читателей: «Приведенные здесь факты взяты из документов, официальных расследований. Понятно, не каждому они были известны. Но нравы, царившие среди руководителей Брежневского УВД, нельзя скрыть от людей... Пора разобраться, кто устраивал преступникам режим наибольшего благоприятствования».

17 октября 1987 года, всего через день, проявив чудеса оперативности, вежливо промолчавшая на выступление «Огонька» городская газета «Знамя коммунизма» слово в слово перепечатала статью «По кругам беззакония». Интересно, по указке свыше или в связи с административным рвением, по собственной инициативе?

Разумеется, в «Огонек» хлынул поток недоуменных писем: «Вы отзываетесь о Штейнберге как о честном, мужественном человеке, а газета как о преступнике... Кому же нам верить?»

Тем временем прокуратура Татарской АССР восприняла газетные публикации как сигнал к действию: против бывших заместителей городского УВД Л. Штейнберга и И. Диярова, сотрудника ОБХСС В. Жаринова возбудили уголовное дело. В конце концов оно перекочевало в Шумерлинскую межрайонную прокуратуру Чувашской АССР.

Немало пришлось пережить Леониду Даниловичу, прежде чем оттуда пришел официальный ответ № 559 от 27 июля 1988 года.

«В соответствии со статьей 209 УПК РСФСР ставлю Вас в известность, что уголовное дело, возбужденное в отношении Вас, Диярова И. Р., Жаринова В. П. по статье 170 ч. 1 УК РСФСР, мною дальнейшим производством **прекращено за отсутствием состава преступления в ваших действиях...** (Выделено мною.— **А. Г.**)

Помощник Шумерлинского межрайпрокурора, юрист I класса Сычев А. Г.».

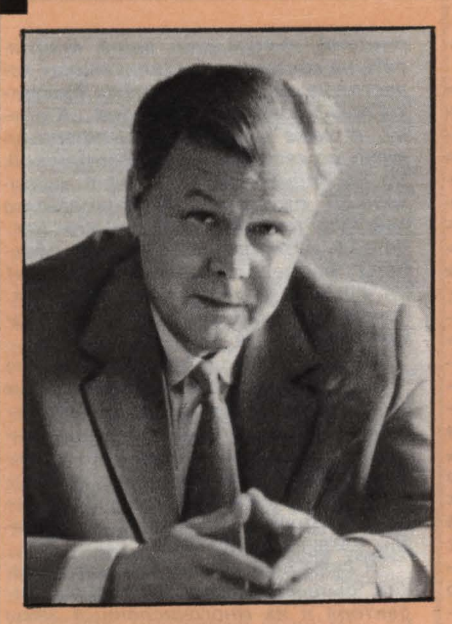
Что же это за статья 170? Раскроем Уголовный кодекс РСФСР: «Злоупотребление властью или служебным положением». По этой статье суд мог бы определить Л. Штейнбергу наказание в виде лишения свободы до восьми лет... К счастью, этого не произошло: прокурорский надзор все-таки расставил точки над «i». Но разве мало нам известно случаев, когда и следствие «запутывалось», и судебные органы под давлением «мнения сверху» отправляли за решетку ни в чем не повинных людей? Подобными историями просто пестрят газетные страницы последних лет. «Второй раунд» травли подполковника Штейнберга, морально пострадавшего лишь за то, что осмелился защитить от несправедливых нападок Ю. Петрушина, этот «раунд» откровенно смахивал по «методологии» на беззакония тридцатых годов. И самое удивительное, что газета **до суда, без суда** навешала на человека ярлыки уголовника...

Чтобы опорочить невиновного, требуется, увы, немного: тонко рассчитанной сплетни, подленького словца, оговора... Но чтобы потом к доказанной невиновности привыкли окружающие, иногда нужны месяцы, годы... На днях Леонид Данилович позвонил мне в редакцию. Да, дело прекращено. Но как быть со слухами, которые все еще ползут по улицам города? Как уберечься от колющих спину взглядов — ведь его в Набережных Челнах знают многие?..

Когда же все мы обретем наконец твердую гарантию гражданской безопасности в обществе! И честь, и достоинство личности навсегда станут неприкосновенными.

Анатолий ГОЛОВКОВ

Александр ТВАРДОВСКИЙ

(1910—1971)

Воспевая коллективизацию, Твардовский всю жизнь таил в своей душе так и не зарубцевавшуюся рану — его семья, жившая на хуторе Загорье Смоленской области, была «раскулачена». Но именно эта боль и придала впоследствии таланту Твардовского такую гражданскую горечь и силу. Уже в ранних, насильственно ложных по исторической концепции поэмах были рассыпаны живописные куски — как, например, искрометный «перепляс» из поэмы «Страна Муравия». Но вся «Данилиада» — лубочная серия про деда Данилу, напоминавшего шолоховского деда Щукаря, развалилась. Шутки да прибаутки никак не могли заглушить сдавленные стоны поруганного Загорья. Параллельно с этими раешниками в душе Твардовского при помощи бесчернильной тайнописи уже потихоньку создавалась поэма «По праву памяти», хотя Твардовский начал писать ее лишь через много лет. Война спасительно помогла сращению раздвоенной души, ибо чувства защиты Родины от врага неотвратимо слились с задачами государства. Если Симонов создал офицерскую антологию войны, то Твардовский в своем «Василии Теркине» создал антологию солдатскую. Даже такой искушенный знаток поэзии, как Бунин, восхитился народностью этого фольклорного шедевра. Сатира «Василий Теркин на том свете», в которой бюрократия была показана как пошлая преисподняя, тоже была своего рода шедевром. Твардовскому, когда-то писавшему о Сталине, награжденному его премиями, плакавшему на траурном митинге, было нелегко наконец-то разрешить поруганному родному Загорью заговорить изнутри собственной души. Но Твардовский решился на это, ибо не хотел оказаться в незавидном положении еще живого Теркина, вынужденного жить по законам мертвецов. Твардовский, преодолевая свое самолюбие, вынужден был признать существование «внутреннего цензора», сидящего и в нем самом, и внутри многих советских писателей.

Возглавив «Новый мир», Твардовский опубликовал первое произведение о сталинских лагерях «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, очерки, говорящие о подлинном, трагическом положении современной деревни, статьи, критиковавшие апостолов бесконфликтности, алярюсной мафиозности.

Твардовский был редким большим поэтом без стихов о любви, но вся его поэзия была исповедью в мучительной любви к своему народу.

ДВЕ СТРОЧКИ

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.

Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу,—
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незнаменитой,
Забытый, маленький, лежу.

1943

* * *

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли
с войны,
В том, что они — кто старше,
кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел
сберечь,—
Речь не о том, но все же, все же,
все же...

1966

ИЗ ПОЭМЫ «ТЕРКИН НА ТОМ СВЕТЕ»

Тридцати неполных лет —
Любо ли не любо —
Прибыл Теркин на тот свет,
А на этом убыл...

Ладно. Смотрит — за углом —
Орган того света.
Над редакторским столом —
Надпись: «Гробгазета».

За столом — не сам, так зам,—
Нам не все равно ли,—
— Я вас слушаю,— сказал,
Морщась, как от боли.

Полон доблестных забот,
Перебил солдата:
— Не пойдет. Разрез не тот.
В мелком плане взято.

Авторучкой повертел.
— Да и места нету.
Впрочем, разве что в Отдел
Писем без ответа...

И в бессонный поиск свой
Вникнул снова головой.

Весь в поту, статейки правит,
Водит носом взад-вперед:
То убавит, то прибавит,
То свое словечко вставит,
То чужое зачеркнет.

То его отметит птичкой,
Сам себе и Глав и Лит,
То возьмет его в кавычки,
То опять же оголит.

Знать, в живых сидел в газете,
Дорожил большим постом.
Как привык на этом свете,
Так и мучится на том.

Вот притих, уставясь тупо,
Рот разинут, взгляд потух.
Вдруг навел на строчки лупу,
Изобченясь, как петух.

И последнюю проверку
Применяя, тот же лист
Он читает снизу кверху,
А не только сверху вниз.

Верен памятной науке,
В скорбной думе морщит лоб...

Попадись такому в руки
Эта сказка — тут и гроб!

Он отечески согретым
Увещаньем изведет.
Прах от праха того света,
Скажет: что еще за тот?

Что за происк иль попытка
Воскресить вчерашний день,
Неизжиток пережитка
Или тень на наш плетень?

Впрочем, скажет, и не диво,
Что избрал ты зыбкий путь.
Потому — от коллектива
Оторвался — вот в чем суть.

Задурил, кичась талантом,—
Да всему же есть предел,—
Новым, видите ли, Дантом
Объявиться захотел.

Как же было не в догадку —
Просто вызвать на бюро
Да призвать тебя к порядку,
Чтобы выправил перо.

Чтобы попусту бумагу
На авось не тратил впредь:
Не писал бы этак с маху —
Дал бы планчик просмотреть.

И без лишних притязаний
Приступал тогда к труду,
Да последних указаний
Дух всегда имел в виду.

Дух тот брал бы за основу
И не ведал бы прорух...

Тут, конечно, автор снова
Возразил бы:
— Дух-то дух.
Мол, и я не против духа,
В духе смолоду учен.
И по части духа —
Слуха,
Да и нюха —
Не лишен.

Но при том вопрос не праздный
Возникает сам собой:
Ведь и дух бывает разный —
То ли мертвый, то ль живой...

ИЗ ПОЭМЫ «ЗА ДАЛЬЮ ДАЛЬ»

Провинциальный ли, столичный —
Читатель наш воспитан так,
Что он особо любит личный
Иметь с писателем контакт;
Заполнить устную анкету
И на досуге, без помех
Призвать, как принято, к ответу
Не одного тебя, а всех.

Того-то вы не отразили,
Того-то не дали опять.
А сколько вас в одной России?
Наверно, будет тысяч пять?

Мол, дело, собственно, не в счете.
Но мимо вас проходит жизнь,
А вы, должно быть, водку пьете,
По кабинетам запершись.

На стройку вас, в колхозы срочно,
Оторвались, в себя ушли...

И ты киваешь:
— Точно, точно,
Не отразили, не учли...

Но вот другой:
— Ах, что там — стройка,
Завод, колхоз! Не в этом суть.
Бывает их наедет столько,
Творцов, певцов,
А толку — чуть.

Роман заранее напишут,
Приедут, пылью той подышат,
Потычут палочкой в бетон,
Сверяя с жизнью первый том.

Глядишь, роман, и все в порядке:
Показан метод новой кладки,
Отсталый зам, растущий пред
И в коммунизм идущий дед,
Она и он — передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал...

И все похоже, все подобно
Тому, что есть иль может быть,
А в целом — вот как несъедобно,
Что в голос хочется завыть.

Да неужели
В самом деле
Тоска такая все кругом —
Все наши дни, труды, идеи
И завтра нашего закон?

Нет, как хотите, добровольно
Не соглашусь, не уступлю.
Мне в жизни радостно и больно,
Я верю, мучаюсь, люблю.

Я счастлив жить, служить отчизне,
Я за нее ходил на бой.
Я и рожден на свет для жизни —
Не для статьи передовой.

Кончаю книгу в раздраженье.
С души воротит: где же край?
А края нет. Есть продолженье.
Нет, братец, хватит. Совесть знай.

И ты киваешь:
— Верно, верно,
Понятно, критика права...

Но ты их слышать рад безмерно —
Все эти горькие слова.

За их судом и шуткой грубой
Ты различаешь без труда
Одно, что дорого и любо
Душе, мечте твоей всегда,—
Желанье той счастливой встречи
С тобой иль с кем-нибудь иным,
Где жар живой, правдивой речи,
А не вранья холодный дым;
Где все твое незаменимо,
И есть за что тебя любить,
И ты тот самый, тот любимый,
Каким еще ты можешь быть.

И ради той любви бесценной,
Забыв о горечи годов,
Готов трудиться ты и денно
И нощно —
Душу сжечь готов.

Готов на все суды и толки
Махнуть рукой. Все в этом долге,
Все в этой доблести. А там...
Вдруг новый голос с верхней
полки:
— Не выйдет...
— То есть как?
— Не дам...

Не то чтоб это окрик зычный,
Нет, но особый жесткий тон,
С каким начальники обычно
Отказ роняют в телефон.

— Не выйдет,— протянул вторично.
— Но кто вы там, над головой?
— Ты это знаешь сам отлично...
— А все же?
— Я редактор твой...

ПО ПРАВУ ПАМЯТИ

Фото Алексея ГОСТЕВА

Все мы «родом из детства». Но больше всего это относится к поэтам. В детстве — истоки их творчества, тот камертон, по которому настраивалась душа. Между характером дарования поэта и миром, каким он был увиден впервые, самая глубокая связь.

Наверно, отсюда наш пристальный интерес к так называемой «малой Родине» поэтов. И хорошо, когда находятся люди, которые помогают этому нашему интересу, бережно сохраняют память о поэте. Таким человеком для А. Твардовского стал его брат Иван Трифонович. Именно благодаря его усилиям в Загорье Починковского района Смоленщины открылся музей поэта.

Знаменательно, что музей А. Т. Твардовского возник именно в годы перестройки. Александр Трифонович был одним из тех, кто ее готовил.

«КИМОНО ШОУ» — ГОСТЬ ИЗ ЯПОНИИ

Кимоно — это цвет, это тень, это форма. И — традиции. Не ставшие, впрочем, помехой для фантазии модельеров. Носят кимоно не первое столетие, выверена одежда праздниками и испытаниями, все продумано до самой малой складки, а все же осталось местечко для творчества... Десятки домов моделей работают над кимоно — значит, есть над чем работать.

...Никто мне так и не сказал, когда и где появилось первое кимоно. Но о том, что сейчас в обиходе семь основных моделей, семь концепций, семь направлений, узнал во время первого в нашей стране представления «Кимоно шоу», зрелища яркого, очень изящного, запоминающегося. На сцену выходили японки, молодые и постарше: кимоно не знает возрастных ограничений; выходили и показывали модели — праздничные, повседневные, свадебные, для путешествий — на все случаи жизни. Тут был и «дизайн кимоно», и целое действо, церемониал «Украшение одежды со спины», и философская «Эстетика черного цвета».

— Кимоно и косметика. Где они пересеклись? — спрашиваю я президента Всеяпонского общества косметологов Като Тиэко.

— Они и не разлучались. В программе нашей деятельности изучение моды, разработка и распространение оригинальных моделей. Мы готовим специалистов по искусству одевания кимоно. Мы изучаем историю кимоно — значит, и историю нашей культуры: историю жизни, ее уклада. Мы имеем школу кимоно. И очень счастливы, что с помощью советской организации «Информторг» можем показать наше шоу в Москве. «Кимоно шоу» уже побывало в Пекине, в Лондоне, в Париже. Наконец, мы у вас. Мое сердце японки покорено вашей классической музыкой, балетом, живописью. Для нас честь показать кимоно в России, в Москве.

— Сейчас японцы предпочитают носить одежду европейского покроя...

— Это не грозит кимоно. Оно — хранитель традиций.

В Москву мы привезли лучшие модели, самые характерные и выразительные.

— «Кимоно шоу» рассчитывает на наш рынок?

— Прежде всего хотим сделать свой взнос в укрепление связей между двумя странами. Хотим, чтобы русский человек немного открыл для себя японский характер. Коммерческих целей мы не преследуем. Но если ваш покупатель заинтересуется кимоно, то возможны и переговоры. В будущем...

И снова нежная мелодия. Цвет, тень, изысканная форма. Кимоно. Не просто кимоно. Кимоно — шоу.

Константин КОСТИН,
фото Александра НАГРАЛЬЯНА

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Дом для приезжающих. 7. Овощное растение. 8. Лечебное учреждение. 9. Грызун с ценным мехом. 11. Метательный конвейер для перемещения сыпучих грузов. 13. Индонезийский остров. 14. Период поединка в боксе. 16. Басня И. А. Крылова. 17. Советский ученый в области теории машин и механизмов, академик. 20. Река в Якутии. 21. Спутник Сатурна. 24. Надпись на документе, удостоверяющая его подлинность. 25. Город в Татарии. 27. Фильм кинорежиссера Ю. Я. Райзмана. 29. Скульптор, народный художник СССР. 30. Спортивная командная игра с мячом. 31. Зимний сорт яблок.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Латышский советский писатель. 2. Виртуозная музыкальная пьеса для клавишного инструмента. 3. Русский путешественник, автор записок «Хождение за три моря». 4. Город в Нидерландах. 5. Учреждение, контролирующее провоз грузов через границу. 6. Небольшое воинское подразделение или милиции для наблюдения за порядком. 10. Светонепроницаемая преграда в оптической системе. 12. Река в США. 14. Автомат, заменяющий человека в исполнении технических операций. 15. Разновидность мебели. 18. Овальная лопатка с сеткой для игр в теннис. 19. Аппарат, объединяющий приемник и проигрыватель. 22. Национальный герой Мексики. 23. Быстрый, оживленный темп исполнения в музыке. 26. Советский спортсмен, рекордсмен мира по прыжкам с шестом. 28. Герой рассказа М. Горького.

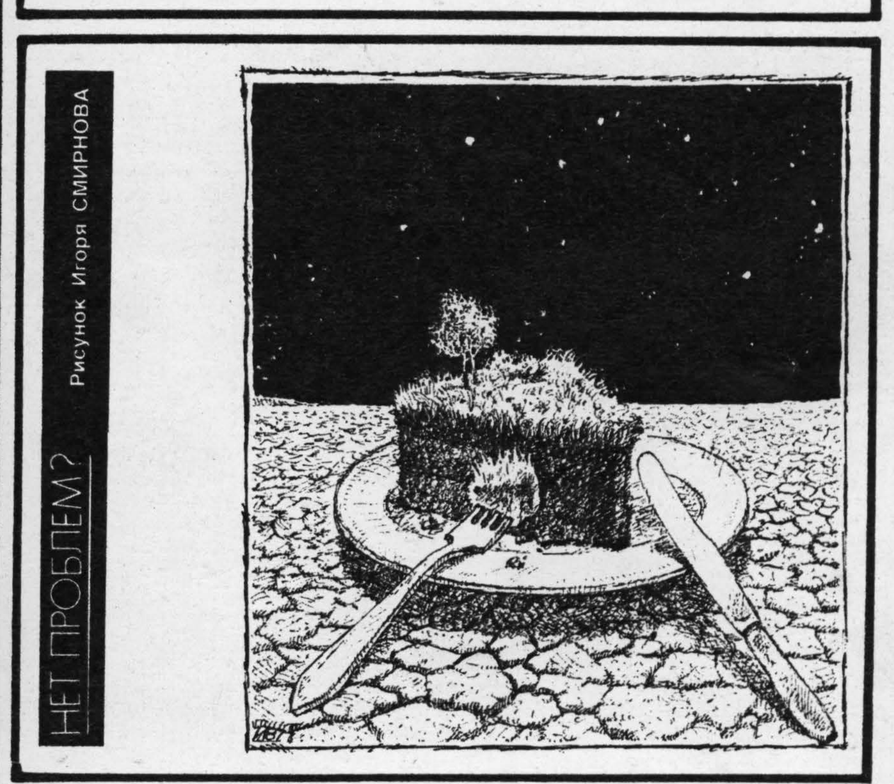
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Даугавпилс. 7. Ядро. 8. Опушка. 11. Рота. 12. Гуррагча. 13. Паспарту. 14. Хорда. 16. Ламарк. 18. Тираж. 20. Магнитогорск. 23. Бекас. 25. Август. 28. Ствол. 29. Байдарка. 30. Нехлюдов. 31. Конь. 32. Бирюса. 34. Дефо. 35. Арифметика.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Гуно. 2. Липа. 3. Диорама. 4. Стрепет. 5. Ляпунов. 6. Сартлан. 9. Праща. 10. Капур. 15. Дамба. 16. Линза. 17. Клодт. 19. Иркут. 21. Чеканка. 22. Колонок. 24. Смальта. 26. «Враги». 27. Синус. 28. Солодка. 32. Бриг. 33. Азия.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Игоря СМИРНОВА

КОТ В СТРАНЕ МЫШЕЙ

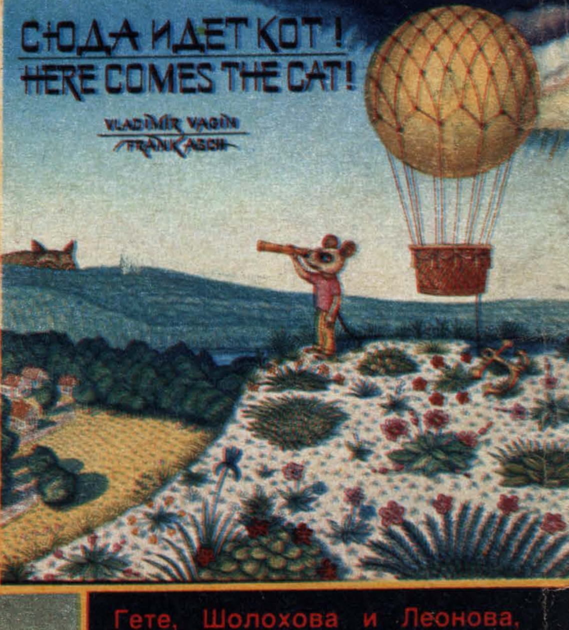

Встретились однажды два талантливых художника и решили сделать сообща красивую книжку для детей. Это были Владимир Вагин и американец Фрэнк Эш. Задумали они сделать сказку в картинках о том, как однажды Кот пришел в страну Мышей, и там поднялась паника. А напрасно: кот был добрым и привез мышам в подарок большой круг сыра. То-то было радости!

Фрэнк Эш сочинил сюжет и набросал эскизы, а Вагин выполнил рисунки. «Это мне немножко напомнило стыковку двух космических кораблей «Аполлон» и «Союз», которая когда-то обрадовала нас всех»,— сказал Владимир Васильевич. Надо заметить, что опыт у него по созданию иллюстрированных книг немалый: он автор-оформитель произведений Пушкина и

Гете, Шолохова и Леонова, первых художественных книжек-миниатюр «Плоды раздумья» Козьмы Пруткова, «Подпоручика Киже» Тынянова, «Русские народные потешки» и других. На этот раз готовится к печати первая в истории книгоиздательского дела книжка в картинках, сочиненная американцем, а проиллюстрированная русским.

Эту книжку поймет любой малыш, даже если он еще не научился читать. И, может быть, эта книжка поможет детям понять, что не следует предвзято судить о тех, кого не знаешь; кто кажется тебе страшным только потому, что живет далеко-далеко...

Александр ПУТКО

ISSN 0131—0097 Цена номера 40 коп. Индекс 70663